

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (95) 2025 г.

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.
№ 2 (95) 2025 г.

«Вестник Сургутского государственного педагогического университета» входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включён в индексы научного цитирования и в международные библиографические базы данных: РИНЦ, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJl, Ulrich Plus.

Учредителем и издателем СМИ «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» является бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС77-85628 от 11 июля 2023 г.

Главный редактор: КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, Президент Сургутского государственного педагогического университета

Адрес издательства, редакции и типографии:
г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.
Телефон: 8 (3462) 22-31-87 (доб. 4-493).
E-mail: vestnik@surgpu.ru

Периодичность издания: 6 выпусков в год.

Выход в свет: 29.05.2025 г.
Формат 70x100/16. Авт. л.: 15,31. Усл. печ. л.: 16,02.
Печать цифровая. Гарнитура DejaVu.
Тираж 1000.
Заказ № 1082_25.

Отпечатано в РИО СурГПУ.
© Сургутский государственный педагогический университет, 2025.
Распространяется бесплатно, 12+

ISSN 2078-7626

**Surgut
State
Pedagogical
University**

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 2 (95) 2025 г.

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 2 (95) 2025 г.

This Bulletin has started its publishing activity since 2007.

«Surgut State Pedagogical University Bulletin»
is in «The List of Russian peer-reviewed journals
recommended by State Commission of Academic Degrees
and Titles for publication of main scientific results of Doctor and Ph.D. theses».

The Journal is in the list of Science Citation Index and international bibliographic database: RSCI,
Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

This academic journal has been registered
in the Russian Federal Agency supervising over the mass media,
tele- and radio-communication saving
in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate
is ПИ № ФС77-85628, July 11, 2023.
Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra
«Surgut State Pedagogical University».

The Chief Editor: KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
President of the Surgut State Pedagogical University.

Address of the publishing house, editorial office and printing house is:
628417 Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra,
Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2.
Phone: 8 (3462) 22-31-87 (ext. 4-493). E-mail: vestnik@surgpu.ru

Publication frequency: 6 issues per year.

Release date: 29.05.2025.
Format 70x100/16. Auth. l.: 15,31. Usl. p. l.: 16,02.
Digital printing. The DejaVu headset.
The circulation is 1000.
Order No. 1082_25.
Printed in RIO SurGPU.

Distributed for free, 12+

© Сургутский государственный педагогический университет, 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Байгаев М. М.	Внеучебная деятельность в контексте отраслевых социологий.....	9
Исакова К. Л.	Профессиональное самоопределение школьников: анализ результатов профессионального выбора школьников руководящими работниками и оценка их эффективности.....	18
Рыхтик А. И.	Самостоятельность абитуриентов в процессе коммуникации с вузом.....	31
Симбирцева Н. А., Шалагинова Е. В.	Медиапрактики в профориентации в условиях инклюзивной школы: представления педагогов и родителей.....	42
Ткачук Н. В.	Дошкольный образовательный проект «Стойбищная школа-сад»: субъективный взгляд педагогов (по результатам опроса).....	54
Богдан Д. И., Власова О. В.	Методологические подходы к анализу качества непрерывного педагогического образования.....	63
Марченков Е. С., Чевтаева Н. Г.	Совершенствование взаимодействия работодателя с образовательной организацией: кейс кластера «строительство».....	71

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Григоренко Я. А., Дуран Т. В.	Ценностная составляющая потенциала развития государственных служащих ГУ МВД России по Свердловской области: опыт эмпирического исследования.....	82
Девятаева Т. В.	Анализ мотивационной структуры научно-педагогических работников.....	93
Ермилова А. В.	Здоровьесбережение спортсменов высших достижений как фактор профессиональной устойчивости: социологический анализ.....	99
Забокрицкая Л. Д., Крутько И. С., Хлебников Н. А., Миценко Е. В.	Технология развития цифровых педагогических компетенций преподавателей вузов: кейс Уральского федерального университета.....	107
Гаврилов В. В.	Ключевые проблемы практической журналистской деятельности (на материале социологического опроса журналистов УРФО).....	116

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Зейналов Г. Г., Косыгина А. С., Зуйкова О. Н.	Жизненный старт как фактор самореализации современной молодежи.....	125
--	--	-----

Васильева Л.В., Толстоухова И.В.

К вопросу о трудовой занятости студентов:
социологический анализ.....136

ОТРАСЛЕВЫЕ СОЦИОЛОГИИ

Павлюченко Д.С. Современный российский кинематограф как канал построения
национальной идентичности россиян
(на основе материалов экспертного опроса).....142

Костина Н.Б., Ванаева Э.И.

Вынужденная бездетность как объект государственной
пронаталистской политики: опыт эмпирического анализа.....151

Ваторопин А.С., Ваторопин С.А.

Риски социальной эксклюзии в условиях внедрения технологий
искусственного интеллекта в современных организациях.....163

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....172

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ.....177

CONTENTS

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Baigayev M.M.	Extracurricular Activities in the Context of Branch Sociologies.....	9
Isakova K.L.	Professional Self-Determination of Schoolchildren: Analysis of the Results of Professional Choice of Schoolchildren by Managers and Assessment of Their Effectiveness.....	18
Rykhtik A.I.	Independence of Applicants in the Process of Communication with the University.....	31
Simbirtseva N.A., Shalaginova E.V.	Media Practices in Career Guidance in Inclusive Schools: Views of Teachers and Parents.....	42
Tkachuk N.V.	Pre-School Educational Project «Camp School-Garden»: the Subjective View of Teachers (According to the Survey Results).....	54
Bogdan D.I., Vlasova O.V.	Methodological Approaches to the Analysis of the Quality of Continuing Pedagogical Education.....	63
Marchenkov E.S., Chevtaeva N.G.	Improving the Interaction of an Employer with an Educational Organization: the Case of the Cluster «Construction».....	71

SOCIOLOGY OF PROFESSIONAL COMMUNITIES

Grigorenko Ya.A., Duran T.V.	The Value Component of the Development Potential of Civil Servants of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Sverdlovsk Region: Empirical Research Experience.....	82
Devyataeva T.V.	Analysis of the Motivational Structure of Scientific and Pedagogical Workers.....	93
Ermilova A.V.	The Health Care of Athletes of Higher Achievements as a Factor of Professional Stability: a Sociological Analysis.....	99
Zabokritskaya L.D., Krutko I.S., Khlebnikov N.A., Mitsenko E.V.	Technology of Development of Digital Pedagogical Competencies of University Teachers: a Case Study of the Ural Federal University.....	107
Gavrilov V.V. Key	Problems of Practical Journalistic Activity (Based on the Material of a Sociological Survey of Ural Federal District Journalists).....	116

SOCIOLOGY OF YOUTH

Zeynalov G.G., Kosygina A.S., Zuikova O.N.	Life Start as a Factor of Self-Realization of Modern Youth.....	125
Vasilyeva L.V., Tolstoukhova I.V.	On the Issue of Student Employment: a Sociological Analysis.....	136

BRANCH SOCIOLOGIES

Pavlyuchenko D.S.	Modern Russian Cinema as a Channel for Building the National Identity of Russians (Based on Materials from an Expert Survey).....	142
Kostina N.B., Vanaeva E.I.	Forced Childlessness as an Object of State Pro-Natalist Policy: the Experience of Empirical Analysis.....	151
Vatoropin A.S., Vatoropin S.A.	Risks of Social Exclusion in the Context of the Introduction of Artificial Intelligence Technologies in Modern Organizations.....	163
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS		172
RULES FOR SUBMITTING MANUSCRIPTS BY AUTHORS		177

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ**SOCIOLOGY OF EDUCATION**

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.001

ББК 60.561.9р30

УДК 316.74:378.18

М.М. БАЙГАЕВ

**ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ ОТРАСЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЙ**

M.M. BAIGAEV

**EXTRACURRICULAR ACTIVITIES
IN THE CONTEXT OF BRANCH SOCIOLOGIES**

Современная система высшего образования рассматривает внеучебную деятельность студентов не только как инструмент социализации, но и как важный фактор формирования личности, профессиональных компетенций и гражданской ответственности. Внеучебная деятельность студентов представляет собой сложный социальный феномен, в котором пересекаются вопросы образования, социализации, досуга и воспитания. Её анализ через призму социологических отраслей позволяет глубже понять механизмы влияния на личностное развитие и общественные процессы. Опираясь на современные отрасли социологии, данное исследование стремится показать, что внеучебная деятельность — это не просто дополнение к образовательному процессу, а важный элемент социального взаимодействия, формирующий студенческую молодежь как активных участников общества. Так как, традиционно внеучебная деятельность рассматривается в контексте социологии образования, более комплексный подход позволит раскрыть другие важные аспекты данного понятия.

The modern system of higher education considers extracurricular activities of students not only as a tool of socialization, but also as an important factor in the formation of personality, professional competencies and civic responsibility. Extracurricular activities of students are a complex social phenomenon in which issues of education, socialization, leisure and upbringing intersect. Its analysis through the prism of sociological branches allows for a deeper understanding of the mechanisms of influence on personal development and social processes. Based on modern branches of sociology, this study seeks to show that extracurricular activities are not just an addition to the educational process, but an important element of social interaction that shapes students as active participants in society. Since extracurricular activities are traditionally considered in the context of the sociology of education, a more comprehensive approach will reveal other important aspects of this concept.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Внеучебная деятельность, социология образования, социология воспитания, социология досуга, социология свободного времени, социализация студентов, студенческая активность, развитие компетенций.

KEY WORDS: Extracurricular activities, sociology of education, sociology of upbringing, sociology of leisure, sociology of free time, socialization of students, student activity, competence development

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования внеучебной деятельности с позиций социологии обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях глобальных социально-экономических трансформаций возрастает потребность в специалистах с высокими социальными компетенциями, лидерскими качествами и навыками командной работы. Внеучебная

деятельность способствует развитию данных качеств, что делает её важным элементом образовательного процесса. Во-вторых, современное российское общество сталкивается с проблемами вовлечённости молодежи в конструктивные социальные практики, что актуализирует исследование внеучебной деятельности как механизма профилактики девиантного поведения, маргинализации и социального отчуждения студентов. В-третьих, анализ внеучебной деятельности через призму отраслей социологии позволяет глубже понять её роль в формировании социальных структур, взаимодействий и изменений, что обуславливает теоретическую и практическую значимость работы.

Исходя из выше сказанного, внеучебная деятельность представляет собой сложный социальный феномен, требующий комплексного анализа с учетом различных социологических подходов.

ЦЕЛЬ — демонстрация значимости внеучебной деятельности как социологической проблемы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В рамках исследования проведен обзор литературы по темам социологии образования, социологии воспитания, социологии досуга и свободного времени. Особое внимание уделено работам, посвященным феномену внеучебной деятельности. Основным методом исследования является междисциплинарный подход, который используется в изучении внеучебной деятельности студентов через призму перечисленных выше отраслей социологии, что позволяет интегрировать знания и подходы из совокупности возможных проблематик для комплексного анализа данного явления. Таким образом, произведён анализ роли внеучебной деятельности в образовательном процессе, оценка возможного влияния внеучебной деятельности на личностное развитие, а также дана характеристика структуры и содержания досуга студентов в рамках формальной и неформальной внеучебной деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Опыт исследования внеучебной деятельности, охватывающей различные формы активности учащихся вне рамок обязательных учебных занятий, имеет богатую историю как в мировой, так и в российской образовательной сфере. Феномен внеучебной деятельности сформировался в ответ на запрос общества в гармоничном развитии личности учащихся. Известно, что исторически такие практики реализовывались через вовлечение детей в кружки, спортивные секции, творческие клубы и научные проекты, дополнявшие базовую образовательную программу развитием умений, навыков и социальных компетенций [17].

В России эволюция внеучебной деятельности прошла несколько ключевых этапов. Зарождение данной практики относится к рубежу XIX–XX веков. В 1905 году группа московских педагогов-энтузиастов организовала просветительские кружки для детей из рабочих семей, где изучали естественные науки, искусство и ремёсла. Эти инициативы стали прообразом современных центров детского творчества — от станций юных техников до эколого-биологических объединений.

Период 1920–1930-х годов ознаменовался институционализацией системы. Шло внедрение педагогических инноваций, которые делали упор на экспериментальные методики групповой работы, создавалась научная база внешкольного образования, активно практиковались форматы коллективной проектной деятельности. Этот этап заложил основы для интеграции внеучебной деятельности в образовательный процесс.

В современной России значимость внеучебной деятельности закреплена на государственном уровне через ФГОС. Она официально признана инструментом формирования метапредметных компетенций, универсальных учебных действий и социальной адаптации учащихся [14].

Таким образом, внеучебная деятельность превратилась в значимое социальное явление, оказывающее, также, существенное влияние на систему высшего образования. Будучи дополнением к учебному процессу, но одновременно выходя за его границы, она выполняет

широкий спектр задач, актуальных для современного высшего образования. Это делает её перспективным объектом изучения в социологии и в её отдельных отраслях.

Рассмотрим подробнее понятие внеучебной деятельности сквозь призму трех отраслей социологической науки.

Социология образования является важной отраслью социологического знания, обеспечивающей комплексный анализ образовательной сферы в ее взаимосвязи с обществом. Она не только изучает механизмы функционирования образовательных институтов, но и позволяет выявлять ключевые тенденции и проблемы образовательных систем, прогнозировать их развитие и разрабатывать рекомендации для совершенствования образовательной политики [15].

В этом контексте внеучебная деятельность студентов вузов представляет собой значимое направление социологических исследований, так как она выполняет важную роль в формировании личности будущих специалистов, развитии их социальных компетенций и адаптации к требованиям современного общества.

Социология образования может исследовать степень вовлеченности студентов в различные виды внеучебной деятельности, их влияние на уровень социальной адаптации, а также взаимосвязь между социальной активностью и академической успеваемостью. Так как, одним из ключевых аспектов, изучаемых социологией образования, является социализация студентов в вузовской среде [2, с. 141–151]. Внеучебная деятельность способствует интеграции молодежи в социокультурную среду университета, формированию у студентов профессиональной и гражданской идентичности, освоению социальных норм и ценностей.

Проблема образовательного неравенства актуальна не только в учебном процессе [1, с. 34–37], но и в сфере внеучебной деятельности. Социология образования может анализировать влияние социально-экономического положения студентов на их возможности участвовать в различных формах внеучебной деятельности, изучать барьеры и ограничения, связанные с финансовыми, культурными или организационными факторами, а также оценивать меры, способствующие расширению доступа к таким возможностям.

Исследование гендерных различий в участии студентов в общественной, спортивной, научной и культурной деятельности также может является важным направлением социологии образования [16], касаемо изучения внеучебной деятельности. Важно понять, какие факторы способствуют или препятствуют вовлеченности студентов разного пола в ту или иную активность, какие стереотипы и социальные нормы определяют предпочтения студентов в выборе внеучебной деятельности, а также как участие в таких инициативах влияет на их профессиональное и личностное развитие.

Современные образовательные процессы все больше зависят от цифровых технологий, что отражается и на внеучебной деятельности студентов. Социология образования может анализировать, каким образом цифровые инструменты и онлайн-платформы трансформируют традиционные формы студенческой активности, какие новые форматы внеучебной деятельности (онлайн-волонтерство, цифровые студенческие клубы, международные сетевые проекты) возникают в университетской среде, а также как цифровизация влияет на вовлеченность студентов в социальную и культурную жизнь вуза.

Одним из актуальных направлений исследований может является анализ влияния внеучебной деятельности студентов на их профессиональные перспективы. Социология образования может изучать, какие навыки и компетенции, приобретенные в ходе участия в студенческих организациях, волонтерских проектах и научных инициативах, оказываются наиболее востребованными на рынке труда, как работодатель оценивает подобный опыт, а также как уровень вовлеченности в общественную жизнь университета коррелирует с успешностью трудоустройства выпускников.

Преобразования в системе высшего образования, такие как новые модели финансирования вузов, изменения в системе оценки образовательных программ, развитие международного

сотрудничества, оказывают влияние и на внеучебную деятельность студентов. Социология образования может исследовать, какие реформы способствуют развитию внеучебной деятельности студентов, а какие, наоборот, ограничивают возможности студентов участвовать в общественных инициативах, творческих и спортивных проектах.

Таким образом, внеучебная деятельность в вузе представляет собой важное направление социологических исследований в рамках социологии образования. Она позволяет изучать процессы социализации молодежи, механизмы формирования социальной идентичности, проблему неравенства в доступе к образовательным возможностям, влияние цифровизации и глобализации, а также связь студенческой активности с будущими профессиональными траекториями. Анализ этих аспектов не только способствует более глубокому пониманию роли внеучебной деятельности в образовательном процессе, но и позволяет разрабатывать стратегии для ее оптимизации в условиях современных вызовов.

Социология воспитания имеет тесную связь с социологией образования, но в современном обществе воспитание рассматривается не только как педагогический, но и как сложный социальный процесс передачи культурных и социальных норм от одного поколения к другому, отражая закономерности общественного развития [12].

Говоря о социологии воспитания, в контексте изучения внеучебной деятельности в вузе стоит снова сделать акцент, что современная система высшего образования выполняет не только образовательную, но и воспитательную функцию, способствуя формированию у студенческой молодежи гражданских, нравственных и профессиональных качеств. В этом контексте внеучебная деятельность приобретает особое значение, включающая широкий спектр социальных, культурных, спортивных и добровольческих инициатив. Будучи важным элементом социализации, она рассматривается в рамках социологии воспитания, изучающей механизмы и закономерности воспитательного процесса в его социальной обусловленности.

Прежде всего, социология воспитания может исследовать роль внеучебной деятельности в формировании социально значимых качеств студентов [11, с. 259–262]. Современное общество предъявляет высокие требования к личности выпускника вуза, ожидая от него не только профессиональных компетенций, но и социальной ответственности, инициативности, коммуникативных навыков. Внеучебная активность, включая участие в волонтерских проектах, студенческом самоуправлении, культурных и спортивных мероприятиях, становится механизмом развития этих качеств, что делает ее важным объектом социологического анализа.

Другим важным потенциальным направлением является изучение влияния социальной среды на включение студентов в воспитательный процесс через внеучебную деятельность [13]. Социология воспитания исследует взаимодействие природных и социокультурных факторов в формировании личности. Внеучебная деятельность, как часть образовательного пространства, способствует адаптации молодежи к социальной среде, усвоению норм и ценностей, формированию групповой идентичности. Вопрос о том, какие формы внеучебной активности наиболее эффективны для социализации студентов, представляет интерес для социологического исследования.

Следующее направление касается анализа влияния различных социальных институтов на воспитательный потенциал внеучебной деятельности. Социология воспитания изучает воздействие семьи, образовательных организаций, государства, СМИ и общественных объединений на воспитательный процесс [4]. Внеучебная деятельность студентов часто реализуется через взаимодействие с этими институтами. Социологический анализ позволяет выявить, какую роль, среди других институтов, играет внеучебная деятельность в воспитании студенческой молодежи и какие механизмы наиболее эффективно способствуют этому процессу.

Кроме того, в рамках социологии воспитания актуален вопрос адаптации молодежи к изменяющимся социальным условиям через внеучебную деятельность. Современный мир требует от выпускников вузов гибкости, умения работать в команде, проявления лидерских качеств, готовности к саморазвитию и профессиональной мобильности. Исследование роли

внеучебной деятельности в формировании этих компетенций позволяет оценить, насколько успешно современные вузы готовят студентов к жизни в динамично изменяющемся обществе.

Еще одним значимым аспектом является изучение механизмов социализации студентов через внеучебную деятельность. Социология воспитания анализирует процесс включения индивида в систему общественных отношений. Внеучебная активность предоставляет студентам возможности освоения социальных ролей, взаимодействия с разными социальными группами, приобретения опыта коллективной работы. Социологический анализ может выявить, какие виды внеучебной деятельности наиболее эффективны для успешной социализации молодежи. Таким образом, внеучебная деятельность студентов вуза является значимым объектом исследования социологии воспитания, так как она обеспечивает социализацию молодежи, развитие ключевых компетенций и интеграцию личности в общественную жизнь. Социология воспитания может изучать воспитательный потенциал внеучебной деятельности, факторы ее эффективности, влияние социальных институтов, а также роль этого процесса в формировании социально значимых качеств будущих специалистов.

Рассмотрим внеучебную деятельность в разрезе проблемного поля социологии досуга и свободного времени. Оно включает исследование факторов, влияющих на досуговые предпочтения [5], анализ социальной и культурной значимости свободного времени [7, с. 1703], изучение институционального и неформального регулирования досуга [3, с. 18], а также выявление тенденций в его организации [9].

В этом контексте особый интерес представляет именно внеучебная деятельность студентов, которая охватывает широкий спектр активности, включающий как организованные университетом формы участия, так и спонтанные, самоорганизованные инициативы обучающихся. Изучение внеучебной деятельности с позиций социологии досуга позволяет выявить механизмы распределения свободного времени студенческой молодежи, факторы вовлеченности в различные виды активности и социальные эффекты, возникающие в результате участия в той или иной форме досуга.

Стоит отметить, что существует два ключевых подхода к пониманию внеучебной деятельности: формальный, включающий университетские инициативы (студенческие клубы, спортивные секции, волонтерские проекты, научные объединения), и неформальный, предполагающий участие в неструктурированных видах активности, организованных самими студентами. Неформальная внеучебная деятельность характеризуется отсутствием четких целей, регламентов и контроля со стороны образовательного учреждения. Ее направление, содержание и продолжительность определяются исключительно самими участниками. Примерами такой активности могут быть чтение книг для удовольствия, прогулки, просмотр фильмов, хобби, самоорганизованные дискуссионные клубы, неформальные спортивные мероприятия и коллективные поездки [10, с. 133-134].

Именно неформальный аспект внеучебной деятельности наиболее тесно пересекается с проблемным полем социологии досуга и свободного времени. Он отражает закономерности организации досуга молодежи, влияющие на их социализацию, развитие неформальных сетей взаимодействия, а также выявляет социальные барьеры, препятствующие активному вовлечению в досуговую деятельность.

Одним из ключевых направлений социологического анализа может являться изучение факторов, влияющих на вовлеченность студентов в различные виды внеучебной деятельности. Среди таких факторов можно выделить социально-демографические характеристики (возраст, пол, уровень образования родителей), экономические условия (материальная обеспеченность студента, доступность платных форм досуга), культурные традиции (влияние семьи, окружения, региона проживания), а также технологические изменения (цифровизация, распространение онлайн-форматов досуга). Анализ этих факторов позволяет определить, какие группы студентов активнее вовлечены в различные виды досуговой активности, а также выявить барьеры, препятствующие их участию в неформальном досуге.

Социология досуга также рассматривает внеучебную деятельность как важный элемент социализации студентов, способствующий их интеграции в университетское сообщество [8]. Внеучебная деятельность играет значительную роль в процессе адаптации первокурсников, формировании неформальных социальных связей, освоении студенческих субкультур, а также развитии коммуникативных и организаторских навыков. Особенно значимыми в этом контексте являются неформальные формы активности, такие как самоорганизованные дискуссионные клубы, совместные поездки, просмотр фильмов, участие в творческих и спортивных сходках, поскольку они не только обеспечивают досуговую занятость, но и способствуют формированию групповой идентичности.

Еще одним важным аспектом является взаимодействие формальных и неформальных форм внеучебной деятельности. Университетские структуры, такие как студенческие клубы, научные сообщества и волонтерские объединения, предоставляют организованные возможности для вовлечения в досуговую активность, однако значительная часть студенческого досуга остается вне сферы институционального контроля. В этом контексте представляет интерес исследование степени влияния университетской политики на развитие неформального досуга, а также выявление способов интеграции формальных и неформальных студенческих инициатив.

Современные тенденции трансформации студенческого досуга также представляют значительный интерес для социологии досуга и свободного времени [6, с. 108–110]. В последние годы наблюдается рост индивидуализации досуга, что выражается в предпочтении студентами самостоятельных форм активности, ориентированных на личные интересы. Значительное влияние оказывает цифровизация, способствующая развитию онлайн-форматов общения, дистанционных форм досуга, а также использованию социальных сетей и цифровых платформ для организации студенческих мероприятий. Кроме того, возрастает степень коммерциализации досуговой сферы, что проявляется в увеличении числа платных форм внеучебной активности, таких как тренинги, фестивали, спортивные секции и образовательные курсы. Важно отметить и распространение гибридных форм досуга, сочетающих элементы офлайн и онлайн активностей, например, онлайн-киновечеров, киберспортивных соревнований, виртуальных дискуссионных встреч.

Таким образом, социология досуга и свободного времени позволяет глубже понять специфику неформальной внеучебной деятельности студентов. Анализ этих аспектов не только способствует развитию научного понимания феномена студенческого досуга, но и может быть полезен для образовательных учреждений, стремящихся создать благоприятные условия для личностного и социального развития студентов.

ВЫВОДЫ. Внеучебная деятельность студентов вузов представляет собой многогранное социальное явление, которое может быть рассмотрено через призму различных отраслей социологии — социологии образования, воспитания, досуга и свободного времени. Данный подход позволяет расширить представления о её роли и влиянии в обществе. Социология образования может рассматривать внеучебную деятельность как механизм повышения социальной мобильности, формирования компетенций и развития профессионального самоопределения студентов. В рамках социологии воспитания возможно изучение влияния внеучебной активности на формирование ценностных ориентиров, гражданской позиции и нравственных норм молодежи. Социология досуга и свободного времени способна сфокусироваться на выявлении закономерностей вовлеченности студентов в различные виды внеучебной деятельности, анализе их мотивации и предпочтений.

Анализ проблемных полей данных дисциплин позволил доказать, что внеучебная деятельность студентов органично вписывается в их предмет изучения и может рассматриваться как социологическая проблема, поскольку затрагивает вопросы социализации, формирования ценностных ориентаций, воспитания, организации свободного времени и досуговых практик молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н.Л. Барьеры доступности высшего образования // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века: сборник мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург) / отв. ред. Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 34–37.
2. Беккер И.Л., Журавчик, В. Н. Проблема социализации студенческой молодежи в современных условиях // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского: общественные науки. 2009. № 12 (16). С. 141–151.
3. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. URL: https://msrabota.ru/content/book_docs/teoriya_prazdnogo_klassa_.pdf (дата обращения: 03.03.2025).
4. Гурова Р.Г. Социологические проблемы воспитания / Р. Г. Гурова. М.: Педагогика, 1981. 176 с.
5. Зборовский Г.Е. Избранное: 1972–2022 / Г. Е. Зборовский. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2023. 302 с.
6. Ионова О.В. Современные виды досуга студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 3. С. 106–113.
7. Маркс К. Капитал. Т. 3 / К. Маркс. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. URL: https://msrabota.ru/content/book_docs/Marks_K_Kapital3_Kapital_Tom_Tretiyi.a6_.pdf (дата обращения: 23.02.2025).
8. Осипова Л.Б., Панфилова Е.А. Досуг как сфера социализации молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15026> (дата обращения: 21.02.2025).
9. Подергина Е.А. Рассмотрение проблемы свободного времени и досуговой деятельности в классической социологии // XIV Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 17–18 марта 2011 г., Екатеринбург. Ч. 1. Екатеринбург: УрГУ, 2011. С. 401–404.
10. Пунгина А., Зайнаготинова А.О., Енникова М.А., Авдеева В., Одинокова В.А., Усакова М.М. «Чтобы не болтался»: внешкольная деятельность как мера профилактики девиантного поведения детей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 1. С. 132–167. URL: https://jourssa.ru/files/volumes/2022_1/Pungina%20et%20al_2022_1.pdf (дата обращения: 08.02.2025).
11. Руденко И.В. Воспитание в профессиональном контексте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 1. С. 259–262.
12. Рыбцова Л.Л. Социология воспитания / Л.Л. Рыбцова, А.В. Меренков, Т.И. Гречухина, А.В. Усачева, И.Ю. Вороткова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25362/1/sociologija_vospitaniya_2013.pdf (дата обращения: 19.02.2025).
13. Сенашенко В.С., Конькова Е.А., Комбарова М.Н. Социально-воспитательная среда вуза как основа воспитания и социализации студенчества // Высшее образование в России. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-vospitatelnaya-sreda-vuza-kak-osnova-vospitaniya-i-sotsializatsii-studenchestva> (дата обращения: 19.02.2025).
14. Черкасова Е.С. Становление и развитие внеурочной деятельности // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 119–123. URL: https://schoolfut.ru/wp-content/uploads/journal/2015/02/2015-2_119-123.pdf (дата обращения: 16.02.2025).
15. Чуднова О.В. Социология образования / О.В. Чуднова. URL: http://sakhgu.ru/wp-content/uploads/page/record_85102/2022_04/Чуднова-О.-В.-Социология-образования.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
16. Швецова А.В. Гендерная культура студенческой молодежи в условиях современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Анастасия Владимировна Швецова; [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. Екатеринбург, 2013. 20 с.
17. Современное образование как открытая система (под ред. Н.Г. Ничкало, Г.Н. Филонова, О.В. Суходольской-Кулешовой). «Институт научной и педагогической информации РАО, «ЮРКОМПАНИ», 2012. — 576 с.

REFERENCES

1. Antonova N.L. *Bar'ery dostupnosti vysshego obrazovaniya* [Barriers to access to higher education] // *Vysshee obrazovanie v rossijskikh regionah: vyzovy XXI veka: sbornik mat-lov Vseros. nauch.-prakt. konf. (17 sentyabrya 2018 g., UrFU, Ekaterinburg)* / otv. red. G.E. Zborovskij, P.A. Ambarova. Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2018. S. 34–37. (In Russian).
2. Bekker I.L., Zhuravchik, V.N. *Problema socializacii studencheskoj molodezhi v sovremennyh usloviyah* [The problem of socialization of student youth in modern conditions] // *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo: obshchestvennye nauki*. 2009. № 12 (16). S. 141–151. (In Russian).
3. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of the leisure class] / T. Veblen. URL: https://msrabota.ru/content/book_docs/teoriya_prazdnogo_klassa_.pdf (data obrashcheniya: 03.03.2025). (In Russian).
4. Gurova R.G. *Sociologicheskie problemy vospitaniya* [Sociological problems of education] / R. G. Gurova. M.: Pedagogika, 1981. 176 s. (In Russian).
5. Zborovskij G.E. *Izbrannoe: 1972–2022* [Selected works: 1972–2022] / G.E. Zborovskij. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2023. 302 s. (In Russian).
6. Ionova O.V. *Sovremennye vidy dosuga studencheskoj molodezhi* [Modern leisure activities for students] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*. 2015. № 3. S. 106–113. (In Russian).
7. Marks K. *Kapital* [Kapital]. T. 3 / K. Marks. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2001. (In Russian). URL: https://msrabota.ru/content/book_docs/Marks_K_Kapital3_Kapital_Tom_Tretyi.a6_.pdf (data obrashcheniya: 23.02.2025). (In Russian).
8. Osipova L.B., Panfilova E.A. *Dosug kak sfera socializacii molodezhi* [Leisure as a sphere of socialization of youth] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15026> (data obrashcheniya: 21.02.2025). (In Russian).
9. Podergina E.A. *Rassmotrenie problemy svobodnogo vremeni i dosugovoj deyatel'nosti v klassicheskoy sociologii* [Consideration of the problem of free time and leisure activities in classical sociology] // *HIV Mezhdunarodnaya konferenciya «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya»*, 17–18 marta 2011 g., Ekaterinburg. Ch. 1. Ekaterinburg: UrGU, 2011. S. 401–404. (In Russian).
10. Pungina A., Zajnagotdinova A.O., Ennikova M.A., Avdeeva V., Odinkova V.A., Usakova M.M. «*Chtoby ne boltalsya*»: *vneskol'naya deyatel'nost' kak mera profilaktiki deviantnogo povedeniya detej* [«So that I don't hang out»: extracurricular activities as a measure to prevent deviant behavior in children] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2022. T. 25, № 1. S. 132–167. URL: https://journssa.ru/files/volumes/2022_1/Pungina%20et%20al_2022_1.pdf (data obrashcheniya: 08.02.2025). (In Russian).
11. Rudenko I.V. *Vospitanie v professional'nom kontekste* [Education in a professional context] // *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 1. S. 259–262.
12. Rybcova L.L. *Sociologiya vospitaniya* [Sociology of education] / L.L. Rybcova, A.V. Merenkov, T.I. Grechuhina, A.V. Usacheva, I.Yu. Vorotkova. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2013. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25362/1/sociologiya_vospitaniya_2013.pdf (data obrashcheniya: 19.02.2025). (In Russian).
13. Senashenko V.S., Kon'kova E.A., Kombarova M.N. *Social'no-vospitatel'naya sreda vuza kak osnova vospitaniya i socializacii studenchestva* [The socio-educational environment of the university as the basis for the education and socialization of students] // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-vospitatelnaya-sreda-vuza-kak-osnova-vospitaniya-i-sotsializatsii-studenchestva> (data obrashcheniya: 19.02.2025). (In Russian).
14. Cherkasova E.S. *Stanovlenie i razvitie vneurochnoj deyatel'nosti* [Formation and development of extracurricular activities] // *Fundamental'nye issledovaniya*. 2015. № 2. S. 119–123. URL: https://schoolfut.ru/wp-content/uploads/journal/2015/02/2015-2_119-123.pdf (data obrashcheniya: 16.02.2025). (In Russian).

15. Chudnova O.V. *Sociologiya obrazovaniya* [Sociology of education] / O.V. Chudnova. URL: http://sakhgu.ru/wp-content/uploads/page/record_85102/2022_04/Chudnova-O.-V.-Sociologiya-obrazovaniya.pdf (data obrashcheniya: 05.02.2025). (In Russian).
16. Shvecova A.V. *Gendernaya kul'tura studencheskoj molodezhi v usloviyah sovremennoj Rossii* [Gender culture of student youth in modern Russia]: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk: 22.00.06 / Anastasiya Vladimirovna Shvecova; [Mesto zashchity: Ur. feder. un-t imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina]. Ekaterinburg, 2013. 20 s. (In Russian).
17. *Sovremennoe obrazovanie kak otkrytaya sistema* [Modern education as an open system] (pod red. N.G. Nichkalo, G.N. Filonova, O.V. Suhodol'skoj-Kuleshovej). «Institut nauchnoj i pedagogicheskoj informacii RAO, «YuRKOMPANI», 2012. 576 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.002

УДК 316.74:373.1-053.6

ББК 60.561.9

К.Л. ИСАКОВА

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ:
АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА
ШКОЛЬНИКОВ РУКОВОДЯЩИМИ
РАБОТНИКАМИ И ОЦЕНКА ИХ
ЭФФЕКТИВНОСТИ**

K.L. ISAKOVA

**PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION
OF SCHOOLCHILDREN: ANALYSIS
OF THE RESULTS OF PROFESSIONAL CHOICE
OF SCHOOLCHILDREN BY MANAGEMENT
STAFF AND ASSESSMENT OF THEIR
EFFECTIVENESS**

Профессиональное самоопределение школьников — это процесс, направленный на выявление собственных интересов, способностей и целей в выборе будущей профессиональной деятельности. Школьное образование предполагает создание определенных условий для того, чтобы этот выбор был сделан. На настоящий момент со стороны государства выдвигаются определенные требования к общеобразовательным организациям в вопросах организации профориентационной работы. Целью данной статьи является оценка эффективности профессионального выбора школьников руководящими работниками общеобразовательных организаций Свердловской области.

В проведенном исследовании эмпирическим методом выступал анкетный опрос. В исследовании приняли участие 886 руководящих работников общеобразовательных организаций из всех муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области.

По результатам исследования, руководящие работники дали высокую оценку необходимости и важности процесса профессионального самоопределения школьников, отмечая его значимость для успешной карьеры и личностного развития. В школах Свердловской области проводятся различного рода профориентационные мероприятия, помогающие ученикам сделать правильный профессиональный выбор. Анализируя эффективность профессионального самоопределения школьников, руководители ОО отдают предпочтение формальным характеристикам (поступил / не поступил, в вуз / колледж / техникум), нежели более глубокому анализу, включающему эффективность профилизации или качество профориентационной работы. Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о важности проведения профориентационных мероприятий в школах, анализа результатов профессионального самоопределения учащихся и необходимости дальнейших усилий для повышения эффективности данного процесса.

Professional self-determination of schoolchildren is a process aimed at identifying their own interests, abilities and goals in choosing their future professional activity. School education involves creating certain conditions for this choice to be made. At present, the state puts forward certain requirements for general education organizations in matters of organizing career guidance work.

The purpose of this article is to assess the effectiveness of the professional choice of schoolchildren by senior employees of general education organizations of the Sverdlovsk region.

In the conducted study, the empirical method was a questionnaire survey. The study involved 886 senior employees of general education organizations from all municipalities located in the Sverdlovsk region.

According to the results of the study, senior employees highly appreciated the need and importance of the process of professional self-determination of schoolchildren, noting its significance for a successful career and personal development. In schools of the Sverdlovsk region, various types of career guidance events are held to help students make the right professional choice. When analyzing the effectiveness of professional self-determination of schoolchildren, the heads of educational organizations give preference to formal characteristics (entered/not entered, to a university/college/technical school) rather than to a more in-depth analysis, including the effectiveness of profiling or the quality of career guidance work. Thus, the results of the study indicate the importance of conducting career guidance events in schools, analyzing the results of professional self-determination of students and the need for further efforts to improve the effectiveness of this process.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессиональное самоопределение, профориентация, профессиональная позиция, профессиональный выбор, проект «Билет в будущее», профориентационные мероприятия.

KEY WORDS: professional self-determination, career guidance, professional position, professional choice, «Ticket to the Future» project, career guidance events.

ВВЕДЕНИЕ. От выбора профессии, формы занятости, определения пути профессионального развития во многом зависит качество трудовой жизни, отмечается преемственность. Особенно остро этот вопрос стоит перед школьниками, которые находятся в начале этого сложного, многоступенчатого и противоречивого пути [12, с. 855].

Крайне важно, чтобы учащиеся имели возможность познакомиться с различными профессиями, что поможет им выявить свои интересы и навыки. Современному школьнику нужно соответствовать требованиям быстро меняющегося профессионального мира. Систематическая работа по профессиональному самоопределению предоставляет реальные возможности для подготовки обучающихся к востребованным специальностям в высокотехнологичных отраслях региона.

Школа должна быть местом, где ученик может найти себя, познакомиться, понять свои истинные желания, узнать важные и сложные вещи, такие как карьера, и осознать важность профессионального самоопределения [13, с. 167]. Для этого важно создать условия, которые позволят школьникам разносторонне развиваться и познавать мир труда. Важно проводить профориентационные мероприятия, где школьники могут познакомиться с представителями различных профессий и узнать о том, какие навыки и знания необходимы для успешной карьеры в определенной сфере.

Сложность процесса профессионального самоопределения заключается в том, что человеку необходимо определиться с выбором карьеры в условиях быстро меняющегося мира, где возможности и требования рынка труда постоянно меняются. Этот процесс требует самопонимания, осознания собственных интересов, способностей и ценностей, а также знаний о том, какие профессии востребованы на рынке труда.

«Выбор профессии — экзистенциальный шаг любого человека, предопределяющий во многом его биографическую траекторию. Само по себе профессиональное самоопределение является важным и часто очень сложным решением в жизни школьника и его родителей. Существует много факторов, оказывающих фундаментальное влияние на этот процесс, которые возникли из-за социальных изменений в последние годы. К ним можно отнести: преобразование рынка труда, изменения образовательной системы, социально-экономического

положения семей, распространение дистанционного обучения в пандемию, горизонт планирования будущего семьи и страны в целом» [1, с. 43].

На сегодняшний день «существует многообразие форм работы, направленных на помощь в профессиональном самоопределении школьников. При этом стоит отметить, что данная работа не ведется системно и целенаправленно, в разных регионах ведутся лишь отдельные формы работы» [10, с. 152].

Особенности организации школьной жизни также влияют на процесс профессионального самоопределения. Чаще всего в школах акцент делается на изучение базовых предметов, что создает определённые ограничения и может отодвигать вопросы профориентации на второй план. Однако современные образовательные программы все больше уделяют внимание воспитательной деятельности и профориентации, помогая школьникам более осознанно подходить к выбору профессии.

С.Н. Чистякова считает, что «профориентация — это целостная система взаимодействия личности и общества, нацеленная на реализацию потребностей личности в профессиональном самоопределении и потребностей общества в воспроизводстве социально-профессиональной структуры. Итогом такого взаимодействия личности и общества должна стать готовность личности к профессиональному самоопределению» [5, с. 113].

Профориентация в школе играет важную роль в подготовке учащихся к взрослой жизни, так как она помогает им понять свои склонности и интересы, а также осознанно подойти к выбору профессии. Это понятие охватывает различные аспекты, включая учебный процесс, внеклассную и внешкольную деятельность, что позволяет школьникам получать разностороннее развитие.

«Школьный период является тем самым возрастным этапом, на котором возможен процесс эффективного формирования субъектности школьника под воздействием образовательных условий. Социальная «субъектность — это свойство человека, группы или общества, заключающееся в их способности принимать самостоятельные решения и действовать, оказывая при этом влияние на поведение контрагентов» [11, с. 18]. При этом автор указывает на когнитивную проблему, молодые люди или подростки еще не способны к субъектным действиям или выбору. Более того, мы не имеем ясной и теоретически обоснованной системы показателей, позволяющих оценить уровень субъектности подростков и молодежи. Создание «правильных», созидательных условий обучения и развития ребенка в процессе школьного обучения является значимым моментом в работе по формированию его субъектности, в том числе и в отношении выбора профессионального пути» [7, с. 4].

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что школа имеет некие сложности в построении профориентационной работы. Во-первых, у школы много других первостепенных задач, которые требуют времени и ресурсов, такие как обучение по учебным предметам и подготовка к экзаменам. Во-вторых, потенциальные профессии и специальности постоянно меняются и обновляются, что может затруднять предоставление актуальной информации силами самих педагогов. В-третьих, нередко в школах нет достаточного количества специалистов и консультантов, которые могли бы помочь учащимся определиться с выбором профессии. И, соответственно, все это ложится на плечи учителям, которые и так испытывают огромную бюрократическую нагрузку.

По мнению Толстиковой, школьники сталкиваются с такими трудностями при выборе профессии, как: «1) отсутствие представления о востребованных профессиях; 2) перенос отношения к человеку на саму профессию; 3) ориентация на профессии высокой квалификации; 4) устаревшие представления о характере и условиях труда конкретной профессии; 5) непонимание какие знания и навыки необходимы для успешной профессиональной деятельности; 6) субъективная оценка своих предпочтений и способностей» [9, с. 346].

Такие авторы, как Т.И. Касьянова, А.В. Мальцев, Д.В. Шкурин, в свою очередь, выделяют следующие проблемы:

- «отсутствие государственной координации процесса сопровождения профессионального самоопределения обучающихся» (в данном случае, единый подход к выбору профессии школьниками может способствовать уравниванию их позиций на рынке труда, так как все школьники будут в равных условиях. Государство может создать специальные ресурсы, проводить информационные кампании и мероприятия для ознакомления школьников с возможностями для профессионального развития. Один такой ресурс уже существует — это проект «Билет в будущее», но, к сожалению, должным образом не курируется со стороны государства);
- «научно-методическая и организационная неготовность общеобразовательных организаций к реализации профориентационной работы со школьниками» [4, с. 175] (например, нехватка необходимого материально-технического обеспечения в школах для эффективной поддержки профессионального самоопределения учащихся);
- «недопонимание должностными лицами сущности предпрофильной подготовки и профильного обучения школьников» [4, с. 175] (в данном случае, не могу согласиться с авторами. Профильное обучение, как раз-таки, набирает обороты и с 1 сентября 2020 года стало обязательным для всех школ. Что касается должностных лиц, занимающихся данными вопросами, то здесь скорее проблема в том, что они должным образом не курируют данные вопросы и не пытаются решить проблемы школ, возникающие в процессе перехода на профильное обучение. В связи с этим школы брошены, так сказать, в «свободное плавание» и сами пытаются решать возникающие вопросы, либо не решать совсем, тем самым всячески откладывая переход на профильное обучение, либо делают это довольно формально, «для галочки»);
- «устаревшие, неэффективные подходы и имитация сопровождения профессионального самоопределения мероприятиями для «галочки»» [4, с. 175] (как правило, в школах организуются традиционные мероприятия, которые руководство называет профориентационными, хотя на самом деле они не приносят значительной пользы в процессе выбора профессии школьниками, например, проведение классных часов);
- «отсутствие социального партнерства с учреждениями СПО, предприятиями экономической и социальной сферы и службами занятости» [4, с. 175];
- «неготовность социума воспринимать обучающихся в качестве субъектов территориального и общероссийского рынков труда и услуг профессионального образования» [4, с. 175];
- «неготовность учителей к педагогической поддержке профессионального самоопределения школьников» [4, с. 175].

Таким образом, вопросы профориентационной деятельности, осуществляемой на уровне школы, и профессионального самоопределения обучающихся являются актуальными на сегодняшний день. Профориентационная деятельность в школе помогает обучающимся прояснить свои профессиональные цели, облегчает им выбор профессии и помогает успешно начать свой профессиональный путь после окончания учебы. При этом важно не забывать и ценность мониторинговой работы административных работников, а именно, анализ эффективности этой самой профориентационной деятельности, чтобы учитывать ее положительные и отрицательные стороны и вовремя делать «работу над ошибками».

ЦЕЛЬЮ данной статьи является оценка эффективности профессионального выбора школьников руководящими работниками общеобразовательных организаций Свердловской области.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В 2023 году в Свердловской области было проведено исследование, посвященное сопровождению профессионального самоопределения учащихся общеобразовательных организаций. Исследование было проведено специалистами ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования» с участием автора. Объектом исследования стали сами общеобразовательные организации Свердловской области (далее — ОО). Одна из задач исследования заключалась в характеристике усилий руководителей ОО, направленных на анализ результатов профессионального самоопределения учащихся.

Формирование выборочной совокупности исследования осуществлялось с использованием метода сплошного отбора: каждый элемент генеральной совокупности служил единицей сбора информации, иными словами, предполагалось участие в исследовании 100% общеобразовательных организаций. Участие в анкетировании осуществлялось в режиме онлайн.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ. В исследовании приняли участие 886 руководителей общеобразовательных организаций из 73 муниципальных образований Свердловской области.

Распределение ОО в зависимости от типа территории представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение ОО в зависимости от типа территории, %

Тип территории	Доля руководителей ОО
г. Екатеринбург	14,8
Крупный город	13,2
Средний город	9,8
Малый город	21,2
Село	41,0

В зависимости от общей численности обучающихся были определены различные категории общеобразовательных организаций (таблица 2).

Таблица 2. Распределение ОО в зависимости от общей численности обучающихся, %

Категория ОО от общей численности обучающихся	Доля руководителей ОО
Малокомплектные (100 человек и менее)	17,9
Малые (от 101 до 400 человек)	30,2
Средние (от 401 до 800 человек)	26,0
Крупные (от 801 до 1200 человек)	15,8
Супер крупные (более 1200 человек)	10,0

Полученные данные свидетельствуют о том, что в рамках проведения исследования представлен опыт работы школ, относящихся к различным группам в зависимости от типа территории и наполняемости. Большую часть организаций, принявших участие в исследовании, составляют малые и средние школы, примерно в равной степени представлены малокомплектные и крупные школы. Структура выборочной совокупности общеобразовательных организаций, принявших участие в исследовании в 2023 году, по перечисленным признакам воспроизводит структуру генеральной совокупности.

С целью обеспечения объективного информационного отражения состояния системы работы по сопровождению профессионального самоопределения и профессиональной ориентации обучающихся и ее результатов в школе должен проводиться анализ результатов профессионального самоопределения обучающихся.

В связи с этим руководителям ОО было предложено ответить на блок вопросов о том, каким образом в их ОО проводится профориентационная работа и осуществляется анализ результатов профессионального самоопределения обучающихся.

В настоящий момент «профориентация обучающихся является одной из приоритетных государственных задач, закрепленных в национальном проекте «Образование». В общем смысле профориентацией в образовательном учреждении можно считать комплекс или ряд действий для выявления у учащихся определенных склонностей и талантов к различным видам профессиональной деятельности.

Как правило, по мнению руководящих работников ОО, профориентационные мероприятия, проводимые в школах, носят традиционный характер: в подавляющем большинстве ОО

организуются классные часы, тематические встречи, посвященные знакомству обучающихся с различными профессиями (92,0%), родительские собрания, посвященные вопросам профориентации обучающихся (81,5%) и профориентационные тестирования (78,7%). Нетрадиционные формы проведения профориентационных мероприятий распространены гораздо в меньшей степени. Например, организация профессиональных проб, социальных практик школьников на базе школы осуществляется лишь в трети ОО, как и проведение занятий с использованием материально-технической базы организации. В 17,5% ОО организуются профориентационные смены в лагере с дневным пребыванием на базе школы (таблица 3).

Таблица 3. Мероприятия, которые проводятся или планируется проводить на базе ОО в 2023/2024 учебном году, %

Мероприятия	Доля руководителей ОО
Организация классных часов, тематических встреч, посвященных знакомству обучающихся с различными профессиями, специальностями	92,0
Организация родительских собраний, посвященных вопросам профориентации обучающихся	81,5
Организация профориентационных тестирований	78,7
Индивидуальные консультации учителей, педагога-психолога, социального педагога по вопросам профессионального самоопределения	73,1
Профориентационные игры, тренинги	65,8
Приглашение специалистов для информирования обучающихся об условиях обучения, о содержании образовательных программ/ особенностях профессиональной деятельности	54,1
Приглашение специалистов для проведения профориентационных тестирований, консультаций по их итогам	45,7
Приглашение специалистов предприятий для информирования обучающихся об условиях работы, о содержании образовательных программ/ особенностях профессиональной деятельности	45,0
Приглашение специалистов для проведения профориентационных игр, тренингов	33,7
Организация профессиональных проб обучающихся, социальных практик на базе школы	30,5
Проведение занятий с использованием материально-технической базы организаций (лаборатории, аппаратура и т.п.)	29,0
Профориентационные смены в лагере с дневным пребыванием на базе школы	17,5
Организация профильного обучения в 5-9 классах	11,9
Не проводились и не планируются профориентационные мероприятия	0,4
Другое	0,8

Кроме того, помимо профориентационных мероприятий, проводимых на базе школы, обучающиеся могут принимать участие и в мероприятиях за пределами школы.

Так, по результатам исследования, было выявлено, что в 99,7% ОО, принявших участие в исследовании, осуществляются выездные мероприятия. Чаще всего профориентационная работа имеет ознакомительный характер, включая такие мероприятия, как дни открытых дверей и экскурсии в колледжи и техникумы, а также на производственные объекты. Меньше внимания уделяется практическим мероприятиям, таким как посещение открытых уроков в учебных заведениях, а также участие в образовательных выставках и ярмарках профессий, по мнению руководителей.

По ответам 65,0% руководителей ОО школьникам предоставляет возможность прохождения профессиональных проб. Чаще всего школы для организации профессиональных проб обучающихся сотрудничают с организациями системы образования (56,4%). Сотруд-

ничество между школами и организациями системы образования позволяет использовать уже существующие каналы общения и взаимодействия. Руководителям образовательных организаций легче наладить партнерские отношения с другими учреждениями, которые работают в аналогичной области, поскольку они понимают особенности и требования образовательного процесса. Кроме того, партнерство с организациями системы образования может привести к более эффективному обмену опытом, ресурсами и лучшими практиками, что, в свою очередь, может способствовать улучшению качества образования и повышению уровня профессиональной подготовки обучающихся.

Кроме того, 40,0% руководителей ОО отмечали, что организуют профессиональные пробы обучающихся на базе промышленных предприятий. С одной стороны, это выгодно для предприятий, которые могут заранее оценить потенциал молодых специалистов и спланировать их дальнейшее трудоустройство. С другой стороны, для школьников это возможность не только узнать о выбранной профессии, но и адаптироваться к требованиям рынка труда. В таких условиях взаимодействие образовательных учреждений и предприятий становится особенно важным, поскольку позволяет наладить мост между теорией и практикой, а также способствовать развитию квалифицированных кадров, что, в свою очередь, может помочь в преодолении проблем с недостатком рабочей силы.

Около 25% руководителей общеобразовательных организаций сообщают о том, что им удалось установить взаимодействие с учреждениями здравоохранения, правоохранительными органами, включая МЧС, а также с организациями в сфере культуры для организации профессиональных проб. В то же время, сотрудничество с финансовыми учреждениями и строительными компаниями остается наименьшим. Это, вероятно, объясняется невысоким уровнем потребности в специалистах из этих сфер на современном рынке труда.

Одним из постоянных направлений профориентационной работы в школе с 2019 года является участие обучающихся в проекте «Билет в будущее». «Билет в будущее» — проект ранней профессиональной ориентации учеников 6–11-х классов. Он реализуется Минпросвещения России в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование»¹.

В проекте «Билет в будущее» в 2023 году принимали участие обучающиеся из 94,1% ОО. В таблице 4 представлено распределение ОО в зависимости от класса обучающихся, принимавших участие в проекте.

Таблица 4. Распределение ОО в зависимости от класса обучающихся, принимавших участие в проекте «Билет в будущее», %

Класс обучения	Доля руководителей ОО
Обучающиеся не принимают участие в проекте	5,7
11 класс	29,2
10 класс	34,1
9 класс	65,8
8 класс	71,5
7 класс	55,5
6 класс	41,4

Согласно данным таблицы, наиболее активными участниками проекта «Билет в будущее» являются обучающиеся основного общего уровня образования, в особенности — восьмиклассники (71,5%). В меньшей степени принимают участие в проекте старшеклассники. Вероятно, это связано с тем, что обучающиеся 10–11 классов, как правило, к окончанию школы в той

¹ В профориентационном проекте «Билет в будущее» появились новые программы // Минпросвещения России URL: <https://edu.gov.ru/press/5751/v-proforientacionnom-proekte-bilet-v-budushee-poyavilis-novye-programmy/> (дата обращения: 01.10.2024).

или иной степени уже определились с профессией или профессиональным направлением и для них участие в проекте не является столь актуальным, нежели для восьмиклассников.

В свою очередь, восьмиклассники находятся в самом подходящем возрасте для того, чтобы начать знакомство с профессиями, или углубить свои знания на эту тему. «Важным периодом построения идентичности в силу особенностей возрастного периода, является старший подростковый возраст. Профессиональное самоопределение старших подростков происходит как результат внутреннего поиска и опознавания своего «Я»» [8, с. 80].

В таблице 5 представлены данные о том, какую информацию по вопросам профессионального самоопределения обучающихся отслеживают в ОО.

Почти все руководители ОО (99,5%) отмечали, что в школе отслеживается информация по вопросам профессионального самоопределения обучающихся. В подавляющем большинстве ОО отслеживается, куда обучающийся планирует поступать (85,0%) и сам факт поступления выпускника школы в какое-либо учебное заведение (95,7%). При этом факт завершения или незавершения обучения в образовательной организации отслеживается лишь в трети ОО.

В 78,7% ОО обращают внимание на то, определился ли учащийся с выбором профессии или специальности к выпускному классу. В 74,0% школ анализируется выбор обучающимися профильных предметов для сдачи ОГЭ и ЕГЭ.

Таблица 5. **Информация о профессиональном самоопределении учащихся, которая отслеживается в ОО, %**

Информация	Доля руководителей ОО
Отслеживается факт поступления выпускника в колледж, техникум, вуз	95,7
Отслеживается, куда обучающийся планирует поступать	85,0
Отслеживается, определился ли учащийся с выбором профессии/специальности к 9/11 классу	78,7
Отслеживается выбор профильных предметов для сдачи ОГЭ/ЕГЭ	74,0
Отслеживается факт поступления выпускника в соответствии с профилем обучения	52,0
Отслеживается факт завершения или незавершения обучения в вузе, колледже, техникуме	29,6
Информация не отслеживается	0,5
Другое	0,1

Отслеживание результатов обучения выпускников является важным инструментом оценки эффективности образовательного процесса и позволяет выявить сильные и слабые стороны образовательной программы, внести коррективы в учебный процесс и повысить его эффективность. Это также помогает образовательным организациям поддерживать связь с выпускниками, смотреть за их карьерным развитием, делать выводы для улучшения образовательного процесса в будущем и корректировать работу по вопросам профессионального выбора школьников.

В таблице 6 представлена информация о показателях для оценки эффективности профориентационной работы с обучающимися, используемые в ОО.

Согласно результатам исследования, чаще всего руководители ОО делают выводы об эффективности или неэффективности профориентационной работы в школе на основании охвата обучающихся профориентационными мероприятиями (76,1%), количества выпускников, определившихся или не определившихся с выбором профессии (70,5%). Вероятно, руководители ОО считают, что увеличение охвата профориентационными мероприятиями приведет к большему количеству выпускников, успешно определившихся с выбором профессии.

Реже всего руководители ОО, говоря об эффективности профориентационной работы, обращают внимание на количество обучающихся, поступивших в образовательные организации в соответствии с профилем обучения (60,5%). Учитывая массовый переход школ на профильное обучение, данный факт, кажется, не совсем логичным. Возможно, это связано с тем, что после окончания 9 класса ученики выбирают профиль обучения особо не задумываясь, ссылаясь лишь на то, какие предметы им легче всего даются и, соответственно, в каком профильном классе им будет легче обучаться. Исходя из этого, руководство школы не может считать поступление обучающихся в образовательные организации в соответствии с профилем обучения в достаточной мере эффективным показателем профориентационной работы в школе. Однако количество обучающихся, поступивших в образовательные организации в соответствии с профилем обучения, является важным показателем успешности профориентационных программ и может быть ключевым критерием эффективности в современных реалиях.

Таблица 6. Показатели для оценки эффективности профориентационной работы с обучающимися, которые используются в ОО, %

Показатели	Доля руководителей ОО
Охват обучающихся профориентационными мероприятиями	76,1
Количество обучающихся выпускных классов, определившихся (не определившихся) с выбором профессии/специальности к окончанию 9/11 класса	70,5
Количество обучающихся выпускных классов, определившихся (не определившихся) к окончанию выпускного класса с вузом/ПОО для поступления	64,7
Количество обучающихся, выбравших для сдачи на ОГЭ/ЕГЭ предметы в соответствии с профилем обучения	63,8
Количество обучающихся, поступивших в вуз/ПОО в соответствии с профилем обучения	60,5
Не проводится анализ эффективности	2,6
Другое	0,3

Кроме того, респондентам было предложено отметить трудности, с которыми они сталкиваются в ходе сопровождения профессионального самоопределения обучающихся.

Как правило, трудности, возникающие при сопровождении профессионального самоопределения учащихся, носят объективный, внешний по отношению к школе характер. К ним относятся: нехватка материально-технической базы в учебном заведении (56,7%), отсутствие в населенном пункте предприятий и организаций, готовых к сотрудничеству по вопросам профориентации (37,7%), а также невозможность организации знакомства с профессиями, представляющими интерес для школьников (39,2%). Около трети руководителей образовательных организаций назвали отсутствие мотивации у самих учащихся к участию в профориентационных мероприятиях одной из основных проблем профессионального сопровождения.

Кроме того, значительная доля директоров ОО отмечали и внутренние по отношению к школе трудности, с которыми они сталкиваются при проведении профориентационных мероприятий: недостаточная подготовка кадров (18,7%), нехватка методических материалов (8,7%), отсутствие диагностических материалов для проведения тестирований (6,8%).

В целом 85,6% руководителей ОО сталкивались с какими-либо трудностями в ходе сопровождения профессионального самоопределения обучающихся.

Также руководителям ОО было предложено высказать мнение по поводу того, чем реально может помочь школа детям в их профессиональном выборе. Распределение ответов руководителей ОО представлено в таблице 7.

Таблица 7. **Распределение ответов руководителей ОО на вопрос:**
«Как Вы считаете, чем реально может помочь школа детям в их профессиональном выборе?», %

Помощь	Доля руководителей ОО
Информирование о профессиях, знакомство с профессиями	34,5
Помощь в выборе профессии	26,6
Проведение профориентационных мероприятий, в том числе профессиональных проб	16,8
Выявление интересов и склонностей обучающихся, помощь в раскрытии своих способностей	11,5
Индивидуальное сопровождение ребенка	1,2
Качественное образование в школе	1,0
Помощь в выборе дальнейшей образовательной траектории ребенка	0,8
Системная, комплексная работа (организация профильных классов, внеурочных занятий и т.п.)	2,1
Развитие компетенций, необходимых для дальнейшего обучения школьников	0,5
Не ответили на вопрос	11,6
Другое	5,8

Согласно полученным данным, половина руководителей ОО считают, что школа может помочь обучающимся в информировании, знакомстве с профессиями и в дальнейшем в выборе профессии. Порядка 17% руководящих работников отмечали, что в профессиональном выборе школьников значительную роль играют проводимые в школе профориентационные мероприятия (в т.ч. профессиональные пробы), а каждый десятый опрошенный считает, что школа должна помочь обучающимся в выявлении их интересов и склонностей.

На такие характеристики, как комплексная, системная работа с обучающимися и развитие компетенций, необходимых для дальнейшего обучения школьников, обращали внимание менее 3% руководителей ОО.

Таким образом, руководящие работники ОО считают, что главная роль школы в профессиональном сопровождении учащихся заключается, прежде всего, в предоставлении информации о различных профессиях и знакомстве с ними, а также в содействии при выборе конкретной профессии из доступных вариантов. При этом такие важные, на мой взгляд, характеристики, как системная работы со школьниками и развитие компетенций, необходимых для дальнейшего обучения школьников, не воспринимаются руководящими работниками как важные, хотя именно благодаря им профориентационная работа в школе могла бы приносить большую пользу.

ВЫВОДЫ. Наиболее эффективными показателями руководители ОО считают охват обучающихся профориентационными мероприятиями и количество выпускников, определившихся с выбором профессии.

В целом руководители ОО считают профориентационную деятельность, осуществляемую в школе, достаточно эффективной и необходимой обучающимся для их профессионального самоопределения.

Сложности, с которыми сталкивается руководство школ в рамках профориентационной деятельности, чаще всего носят внешний по отношению к ОО характер. Например, отсутствие в населенном пункте предприятий, организаций, готовых к взаимодействию по вопросам профориентации, или нехватка материально-технического оснащения в школе.

Таким образом, по результатам проведенного исследования, приоритет в анализе эффективности профессионального самоопределения школьников отдается формальным ха-

рактик (поступил/не поступил, в вуз/колледж/техникум), более глубокий анализ, включающий эффективность профориентации, качество профориентационной работы, проводится значительно реже.

«Профориентационная работа должна помогать школьнику на разных этапах взросления ориентироваться в динамично изменяющемся мире профессий, давать возможность сопоставления собственных качеств, интересов, склонностей к той или иной профессиональной сфере» [6, с. 320].

Ключевым элементом профориентационной работы с учениками является ее практическая составляющая, позволяющая им «примерить» различные профессиональные сферы и роли на себя. «Поэтому эффективными считаются формы профориентационной работы через мастер-классы и тренинги, форматы «студент на один день» или «тест-драйв университета», экскурсии на предприятия» [6, с. 326].

«Очевидно, что на профессиональный выбор молодого человека влияет множество разнообразных факторов как субъективного, так и объективного характера. Можно предположить, что в современном динамичном постиндустриальном обществе, имеющем множественные признаки транзитивности, профессиональное самоопределение становится для выпускников школы более сложной задачей, чем для их сверстников, взросление которых проходило в более стабильную советскую эпоху, основанную на плановой индустриальной экономике» [2, с. 32].

Школа может служить отличным трамплином в «мир профессий»: она может помочь ученикам в поиске информации об актуальных и востребованных профессиях, может стать площадкой или посредником первых профессиональных проб, а может и вовсе подготовить школьников к конкретной профессии с помощью специализированных курсов. Школа также может обучать навыкам коммуникации, лидерства, работы в команде, что является важным для будущего успеха в любой профессии. Однако школа не может принимать решение за ученика о выборе профессии или специальности, так как это должно быть индивидуальное решение каждого человека. Также школа не может гарантировать успешность выбранной карьеры, поскольку успех зависит от множества факторов, в том числе от личных усилий и способностей ученика. Таким образом, школа играет важную роль в формировании профессиональной и личностной идентичности учеников и помогает им определить свои цели и стратегии достижения успеха в будущем.

«Изучая возможные средства помощи школьникам в построении образовательной стратегии, можно видеть позитивный опыт западных стран. Службы по вопросам профессионального самоопределения там работают и в статусе государственных организаций, и как коммерческие структуры. В странах Северной Америки консультанты по профориентации имеют степень магистра, в Канаде и ЕС консультационные услуги оказывают в школах педагоги, которые закончили дополнительные курсы бакалавриата, и это ключевые специалисты школы, поскольку они выполняют задачи, способствующие общему развитию учащихся» [3, с. 129].

Кроме того, исследования, проведенные в Англии, подтверждают тот факт, что профориентация в школе благотворно влияет на готовность обучающихся к осознанному выбору профессии [14, с. 270].

Таким образом, профессиональное самоопределение является сложным и многогранным процессом, и важно, чтобы школьная жизнь включала в себя не только формальное изучение основных предметов, но и возможности для самопознания, развития профессиональных навыков и профориентационной работы. Условия, созданные в школе для профессионального самоопределения школьников, играют важную роль в формировании успешной карьеры и личностного развития каждого ученика. Развитие профессиональной самоидентификации школьников — это важная задача современного образования, которая позволит каждому ученику найти свое место в обществе и реализовать свой потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Н.В. Профессиональное самоопределение школьников: социологический подход // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 43–47.
2. Данилова Е.Е. Мотивация выбора будущей профессии у старшеклассников мегаполиса / Е.Е. Данилова // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 1–2(55). С. 31–38.
3. Захарова И.В. Профессиональное самоопределение старшеклассников: социальные факторы и личные мотивы / И.В. Захарова // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16. № 4. С. 120–135.
4. Касьянова Т.И. Профессиональное самоопределение старшеклассников как общественная проблема / Т.И. Касьянова, А.В. Мальцев, Д.В. Шкурин // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 7. С. 168–187.
5. Нечаев М.П. Развитие среды профессионального самоопределения в системе отечественного образования / М.П. Нечаев, С.Л. Фролова // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 1(37). С. 111–117.
6. Прохоров А.В. Современные подходы к профессиональной ориентации школьников / А.В. Прохоров // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 2. С. 319–328.
7. Серебровская Н.Е. Становление субъектности школьников на пути их профессионального самоопределения: коллаборация школы и вуза / Н.Е. Серебровская, И.С. Кочергина // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 3(36).
8. Скрынникова Н.В., Игнатович В.К. Профессиональное самоопределение в старшем подростковом возрасте и его связь с социальнопсихологической адаптацией // Педагогика: история, перспективы. 2021. Том 4. № 6. С. 78–89.
9. Толстикова А.А. Сравнительный анализ профориентационных методик / А.А. Толстикова // Молодой ученый. 2021. № 17(359). С. 346–350.
10. Уварина Н.В. Профессиональное самоопределение школьников: теоретическое обоснование и практический опыт реализации / Н.В. Уварина, Г.Б. Толстова // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2023. Т. 15. № 1(59). С. 149–158.
11. Ушамировский А.Э. К проблеме субъектности молодежи / А.Э. Ушамировский // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 4. С. 16–29.
12. V.Polovinko & I. Dinner. Institutional and technological contradictions of professional self-determination of schoolchildren (on the example of the Omsk region). The 14th international days of statistics and economics: Conference Proceedings, Prague Prague, Czech Repub, 10–12 сентября 2020 года. Prague Prague, Czech Repub: Libuše Macáková, MELANDRIUM, 2020. 1433 p.
13. Vincentas Lamanaukas & Dalia Augienė. Lithuanian Gymnasium Students' Career and Professional Self-Determination. Journal Psychological Thought. 2018. Vol. 11(2). P. 148–173.
14. Vanessa Dodd, Jill Hanson & Tristram Hooley. Increasing students' career readiness through career guidance: measuring the impact with a validated measure. British Journal of Guidance & Counselling, 50:2. 2022. 260–272.

REFERENCES

1. Abramova N.V. *Professional'noe samoopredelenie shkol'nikov: sociologicheskij podxod* [Professional self-determination of schoolchildren: a sociological approach] // Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika. 2022. № 12. S. 43–47. (In Russian).
2. Danilova E.E. *Motivaciya vy`bora budushhej professii u starsheklassnikov megapolisa* [Motivation for choosing a future profession among high school students of a metropolis] / E.E. Danilova // Aktual'ny`e problemy` psixologicheskogo znaniya. 2021. № 1–2(55). S. 31–38. (In Russian).
3. Zaxarova I.V. *Professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov: social'ny`e faktory` i lichny`e motivy`* [Professional self-determination of high school students: social factors and personal motives] / I.V. Zaxarova // Obrazovanie i samorazvitie. 2021. T. 16. № 4. S. 120–135. (In Russian).
4. Kas`yanova T.I. *Professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov kak obshhestvennaya problema* [Professional self-determination of high school students as a social problem] / T.I. Kas`yanova, A.V. Mal'cev, D.V. Shkurin // Obrazovanie i nauka. 2018. T. 20. № 7. S. 168–187. (In Russian).

5. Nechaev M.P. *Razvitie sredy` professional`nogo samoopredeleniya v sisteme otechestvennogo obrazovaniya* [Development of the environment for professional self-determination in the domestic education system] / M.P. Nechaev, S.L. Frolova // Professional`noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2020. № 1(37). S. 111–117. (In Russian).
6. Proxorov A.V. *Sovremennyye podxody` k professional`noj orientacii shkol`nikov* [Modern approaches to the professional orientation of schoolchildren] / A.V. Proxorov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2022. T. 27. № 2. S. 319–328. (In Russian).
7. Serebrovskaya N.E. *Stanovlenie sub`ektnosti shkol`nikov na puti ix professional`nogo samoopredeleniya: kollaboraciya shkoly` i vuza* [Formation of schoolchildren's subjectivity on the path of their professional self-determination: collaboration between school and university] / N.E. Serebrovskaya, I.S. Kochergina // Vestnik Mininskogo universiteta. 2021. T. 9. № 3(36). (In Russian).
8. Skry`nnikova N.V., Ignatovich V.K. *Professional`noe samoopredelenie v starshem podrostkovom vozraste i ego svyaz` s social`nopsixologicheskoy adaptaciej* [Professional self-determination in late adolescence and its connection with socio-psychological adaptation] // Pedagogika: istoriya, perspektivy`. 2021. Tom 4. № 6. S. 78–89. (In Russian).
9. Tolstikova A.A. *Sravnitel`ny`j analiz proforientacionny`x metodik* [Comparative analysis of career guidance methods] / A.A. Tolstikova // Molodoj ucheny`j. 2021. № 17(359). S. 346–350. (In Russian).
10. Uvarina N.V. *Professional`noe samoopredelenie shkol`nikov: teoreticheskoe obosnovanie i prakticheskij opy`t realizacii* [Professional self-determination of schoolchildren: theoretical justification and practical experience of implementation] / N.V. Uvarina, G.B. Tolstova // Sovremennaya vy`sshaya shkola: innovacionny`j aspekt. 2023. T. 15. № 1(59). S. 149–158. (In Russian).
11. Ushamirskij A.E`. *K probleme sub`ektnosti molodezhi* [On the problem of youth subjectivity] / A.E`. Ushamirskij // Teorii i problemy` politicheskix issledovanij. 2016. № 4. S. 16–29. (In Russian).
12. V.Polovinko & I. Dinner. *Institutional and technological contradictions of professional self-determination of schoolchildren (on the example of the Omsk region)*. The 14th international days of statistics and economics: Conference Proceedings, Prague Prague, Czech Repub, 10–12 sentyabrya 2020 goda. Prague Prague, Czech Repub: Libuše Macáková, MELANDRIUM, 2020. 1433 p. (In English).
13. Vincentas Lamanauskas & Dalia Augienė. *Lithuanian Gymnasium Students' Career and Professional Self-Determination*. Journal Psychological Thought. 2018. Vol. 11(2). P. 148–173. (In English).
14. Vanessa Dodd, Jill Hanson & Tristram Hooley. *Increasing students' career readiness through career guidance: measuring the impact with a validated measure*. British Journal of Guidance & Counselling, 50:2. 2022. P. 260–272. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.003

УДК 316.775.4:378.1

ББК 60.561.9–422.4

А.И. РЫХТИК

**САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ АБИТУРИЕНТОВ
В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ С ВУЗОМ**

A.I. RYKHNIK

**THE INDEPENDENCE OF APPLICANTS
IN THE PROCESS OF COMMUNICATION
WITH THE UNIVERSITY**

Трансформация коммуникативных процессов связана, в первую очередь, с все большим влиянием информационных технологий в образовательной среде. Не только вуз переходит на онлайн-платформы коммуницирования, но и абитуриенты определяют стиль коммуникации. Современные абитуриенты — это молодежь поколения «Z», которые родились и выросли в устоявшейся системе онлайн-коммуницирования. Онлайн-коммуникация имеет свои ограничения и особенности, в том числе, анонимность и неконтролируемость потоков сообщений из разных каналов коммуникации.

Целью исследования является изучение самостоятельности и несамостоятельности, вовлеченности (активности/пассивности) абитуриентов в коммуникационный процесс с вузом.

Представлены результаты анализа коммуникационного процесса между вузом и абитуриентами на основе проведенных опросов абитуриентов нижегородских вузов летом 2023 г. и летом 2024 г.

Предложена типология коммуникативных стратегий абитуриентов на основе предпочитаемого способа коммуникации с вузом и влияния других субъектов (родителей, учителей, школьных товарищей и друзей) или факторов на этот процесс. Данные показатели определяют стратегию абитуриентов, направленную на самостоятельную коммуникацию с представителями вуза без участия других заинтересованных сторон и несамостоятельную коммуникацию с участием ближайшего социального окружения абитуриента; а также выбор между пассивной коммуникацией с вузом (просмотр информации о вузе на сайте и в социальных сетях) или активной (встречи с сотрудниками вуза, посещение мероприятий вуза). Дана оценка самостоятельности абитуриентов в коммуникационном процессе с вузом и социально-демографические, поведенческие характеристики «самостоятельных» и «несамостоятельных» абитуриентов.

The transformation of communication processes is primarily related to the increasing influence of information technology in the educational environment. Not only is the university switching to online communication platforms, but applicants are also defining their communication style. Modern applicants are young people of generation «Z» who were born and raised in an established online communication system. Online communication has its limitations and peculiarities, including anonymity and uncontrolled flow of messages from different communication channels.

The purpose of the study is to study the independence and lack of independence, involvement (activity / passivity) of applicants in the communication process with the university.

The results of the analysis of the communication process between the university and applicants are presented on the basis of surveys conducted by applicants from Nizhny Novgorod universities in the summer of 2023 and the summer of 2024.

A typology of applicants' communication strategies is proposed based on the preferred method of communication with the university and the influence of other subjects (parents, teachers, schoolmates and friends) or factors on this process. These indicators determine the strategy of applicants aimed at independent communication with university representatives without the participation of

other interested parties and non-independent communication with the participation of the applicant's immediate social environment.; There is also a choice between passive communication with the university (viewing information about the university on the website and on social networks) or active (meetings with university staff, attending university events). The assessment of the independence of applicants in the communication process with the university and the socio-demographic, behavioral characteristics of «independent» and «non-independent» applicants is given.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникация, абитуриенты, профессиональное самоопределение, вуз

KEY WORDS: communication, applicants, professional self-determination, university

ВВЕДЕНИЕ. Изменение процесса коммуникации между университетом и абитуриентами связано со многими причинами, одна из них — это смена поколений абитуриентов на поколение «Z» со своими ярко выраженными поколенческими характеристиками. Это единственное поколение, которое родилось и выросло в эпоху не столько развития, сколько устоявшейся системы онлайн-коммуницирования. В 2023 г. 92% молодежи каждый день пользовались социальной сетью или мессенджером. На коммуникацию в Интернете они тратят более 8 часов в день [12]. Из-за переизбытка входящих сообщений от разных каналов коммуникации и большого временипрепровождения в Интернете у этого поколения школьников включается неосознанная фильтрация информации, в процессе которой отдается предпочтение поверхностному просмотру входящего сообщения, так называемому «скроллингу» ленты. Это явление получило название «клиповое мышление», которому в большей степени подвержены именно подростки. Ему привычнее читать короткие тексты и воспринимать информацию фрагментарно, не вникая в общий смысл сообщения [8, с. 92], поэтому сложно понять, насколько заинтересован им абитуриент.

Вторая причина, в параллель с первой, касается развития интернет-технологий, в том числе связана с процессами диджитализации и цифровизации образовательной среды. По данным ВЦИОМ 2023 года [12], 41% потребляемой информации в интернет-пространстве — это образовательный контент. С 2020 г. вузы обязаны предоставить абитуриентам возможность подавать документы в вуз через «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (ЕПГУ), размещать информацию о поступлении в вуз на своем официальном сайте, выгружать данные в ЕПГУ даже при очной подаче документов абитуриентами [10, с. 19]. С 1 марта 2025 г. в силу вступил новый Порядок приема в вузы, который дает возможность подавать документы через портал «госуслуг» для поступающих в магистратуру [9, с. 21].

Механизмы, которые облегчают способы подачи документов в вуз и расширяют масштабы охвата абитуриентов, изменяют коммуникационные практики общения вуза с абитуриентами, затрагивая не только сам процесс коммуникации с вузом в летний период подачи документов, но и коммуникацию на протяжении всего подготовительного этапа выбора абитуриентом вуза.

Сегодня коммуникация с абитуриентами может происходить не только через электронную почту, но и по телефону и в режиме «очной» консультации. Обычной практикой стала коммуникация через социальные сети вуза и получение заявок на консультацию через официальный сайт вуза. Расширение каналов коммуникации и дублирование профориентационной информации и информации о подаче документов во всех официальных каналах вуза может способствовать увеличению количества поступающих в вуз. С другой стороны, такая практика во многом заменяет очные варианты общения и посещения вуза онлайн-вариантами, что дистанцирует абитуриентов от вуза. В добавление к «условному» прочтению сообщения вуза абитуриентами онлайн-коммуникация характеризуется некоторой долей анонимности, поэтому мы не можем точно сказать, насколько абитуриенты заинтересованы и самостоятельны в своем общении с вузом или это общение навязывается извне. Важными акторами, влияющими на коммуникацию абитуриентов с вузом, остаются

родители и ближайшее окружение абитуриента, включающее учителей, друзей и товарищей по учебе, других родственников [7, с. 91–92]. Среди новых субъектов информационного поля абитуриентов исследователи выделяют блогеров. Блогеры обозревают многие нюансы жизни современного поколения школьников, в отдельную группу выделяются блогеры, выпускающие образовательный контент. Популярность образовательных блогеров объясняется тем, что они рассказывают про свой опыт поступления, что дает абитуриентам представление о сфере высшего образования, с которой они еще не соприкасались [11, с. 160].

ЦЕЛЬ статьи — изучение самостоятельности / несамостоятельности и вовлеченности (активность / пассивность) абитуриентов в коммуникационный процесс с вузом. Изучение способов коммуникации абитуриента с вузом, акторов, оказывающих на него непосредственное или опосредованное влияние, позволит определить самостоятельность / несамостоятельность поступающего в вуз и вовлеченность поступающего в эту коммуникацию (абитуриент посещает мероприятия вуза, напрямую взаимодействует с сотрудниками приемной комиссии или пассивно читает/просматривает информацию о вузе). Данные критерии напрямую влияют на формирование коммуникативной стратегии поступающего в вуз.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. С целью изучения коммуникации абитуриентов и вузов и факторов, влияющих на этот процесс, летом 2023 г. и летом 2024 г. был проведен социологический опрос методом онлайн-анкетирования поступающих в нижегородские вузы. В 2023 г. были опрошены абитуриенты классического университета — Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и узкоспециализированного вуза — Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета. Выборка сплошная, опрошено 446 человек. Статистически значимых различий между ответами абитуриентов классического университета и узкоспециализированного вуза по теме коммуникации с вузом автором выявлено не было. В 2024 г. методом онлайн-анкетирования были опрошены абитуриенты только классического университета. Выборка сплошная, опрошено 600 человек. Анкета имела несколько смысловых блоков, направленных на всестороннее изучение коммуникации университета и абитуриентов.

Предполагаем, что в зависимости от самостоятельности/несамостоятельности и вовлеченности поступающего во взаимодействие с вузом формируются разные типы коммуникативных стратегий абитуриента.

Интересующая нас проблематика касалась следующих вопросов:

- источники информации о вузе и специальностях;
- предпочитаемые каналы коммуникации с представителями вуза;
- вопросы о самостоятельности участия абитуриентов в сборе информации о вузе, коммуникации с представителями вуза, посещении профориентационных мероприятий вуза;
- конкретные действия, которые совершали абитуриенты в процессе коммуникации;
- представители вуза, с которыми абитуриент чаще коммуницировал.

Проведем многомерное шкалирование для типологизации коммуникативных стратегий абитуриентов на основе предпочитаемого способа коммуникации с вузом, оценим самостоятельность абитуриентов в коммуникационном процессе с вузом и их вовлеченность в этот процесс. Выделив отдельную категорию «самостоятельных» абитуриентов, определим их социально-демографические характеристики и их выбор способов коммуникации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Коммуникативные стратегии абитуриентов типологизируются в зависимости от предпочитаемого способа коммуникации с вузом и влияния других субъектов/факторов на этот процесс. Данные показатели выявляют разные установки абитуриентов на самостоятельность и несамостоятельность в коммуникационном процессе с вузом, вовлеченность в этот процесс.

Был изучен вопрос «Что повлияло на выбор Вами вуза?», с помощью многомерного шкалирования. Предполагался выбор нескольких вариантов ответа: влияние советов родителей,

учителей; реклама вуза; мероприятия вуза и переписка с вузом; рейтинги вуза и т.д. Варианты ответа на этот вопрос показывают влияние на выбор вуза третьих лиц и других факторов, предполагает выбор конкретных действий абитуриентов при коммуникации с вузом.

Так как статистически значимых различий между ответами респондентов 2023 года и 2024 г. при ответе на данный вопрос выявлено не было, мы используем этот метод на всем массиве данных.

С помощью этого метода (Proxscal) была диагностирована структура мер близости между объектами, в качестве которых выступали 16 вопросов (таблица 1), которые представляли различные действия абитуриентов в процессе коммуникации с вузом (более самостоятельные или менее, очные или онлайн).

Таблица 1. Структура мер близости между объектами (вопросами)

Конечные координаты Что повлияло на выбор Вами вуза?	Измерение	
Советы родителей	1,131	-,155
Советы учителей	,508	-,287
Печатная реклама вуза (буклеты, брошюры)	,190	-,115
Теле-, радиореклама	,103	,066
Реклама в социальных сетях	,448	,288
Посты в социальных сетях вуза	,262	-,637
Переписка с вузом в социальных сетях	-,195	,251
Переписка с вузом по электронной почте	,021	,172
Мероприятия вуза (Дни открытых дверей, каникулярные школы и т.д.)	-,661	-,536
Встречи, разговоры со студентами и выпускниками вуза	-,933	,135
Занятия с преподавателями вуза	-,405	-,136
Друзья, товарищи по учебе	-,167	-,853
Выставки, ярмарки, городские межвузовские мероприятия	-,133	-,110
Рейтинги вузов в СМИ и Интернете	,097	1,101
Разговоры, встречи с сотрудниками приемной комиссии до поступления	-,391	,444
Блогеры	,124	,373

Метод многомерного шкалирования позволил представить данные в наглядном графическом виде, путем присвоения каждому из параметров места в двумерной концептуальной модели. Чем ближе точки расположены друг другу, тем больше между объектами сходство, что позволило разделить данный рисунок на квадранты. Каждый квадрант концентрирует разные коммуникативные стратегии абитуриентов. Они расположены на основе мер близости или удаленности точек друг от друга (рисунок 1). Коэффициент конгруэнтности Такера составил 0,96, что свидетельствует о надёжности построения соответствующей модели.

На рисунке пространство коммуникативных стратегий абитуриентов, включающее: действия абитуриента; наиболее значимые субъекты информационного поля абитуриентов, к которым он прислушивается (родители, учителя, блогеры, друзья) и другие внешние факторы, оказывающие влияние на выбор абитуриентами вуза (например, реклама в различных информационных каналах).

Эти данные отображены в двумерном пространстве, где горизонтальная (ось X) проинтерпретирована как ось, отражающая активные и пассивные практики в коммуникации с вузом. Точки, которые находятся в отрицательных значениях на горизонтальной оси, это, преимущественно, активные действия, которые показывают, что абитуриент участвует в профориентационных мероприятиях вуза (встречается с представителями вуза, переписи-

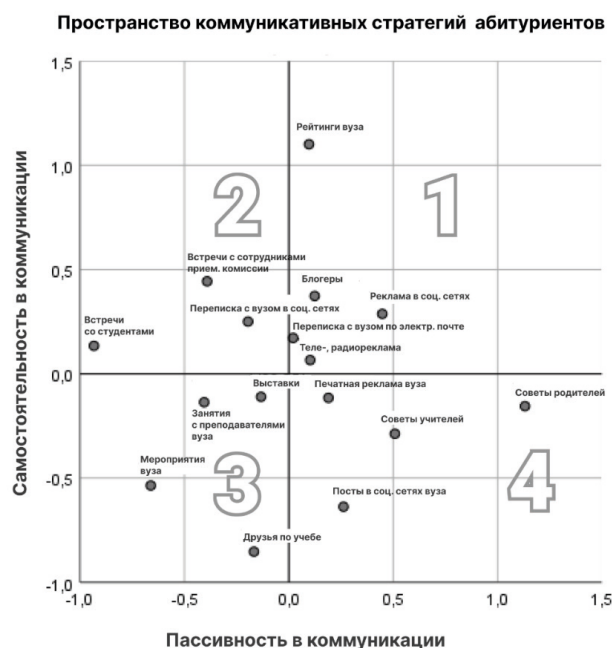

Рис. 1. Пространство коммуникативных стратегий абитуриентов

сывается с ними, занимается с преподавателями вуза). Это те действия абитуриента, которые являются отражением того, что на него латентно повлияло или то, к чему он самостоятельно «пришел» в процессе сбора информации о вузе. Это коммуникация на межличностном уровне [4, с. 131] «абитуриент-представитель вуза», где представителем вуза могут выступать и студенты, и сотрудники приемной комиссии, и преподаватели вуза. Можно предположить, что абитуриенты, предпринимавшие более активные шаги при коммуникации с вузом и начавшие прямое взаимодействие с ним, в большей степени заинтересованы в этой коммуникации.

Точки, положительно расположенные на оси X, показывают пассивные действия в коммуникации с вузом. Это просмотр постов в социальных сетях без переписки с вузом, влияние различной рекламы и ближайшего социального окружения абитуриентов без конкретных активных действий. То, что оказывает влияние на абитуриента, но пока не переходит в активную (прямую) фазу коммуникации с вузом. Такие действия принято считать опосредованным типом коммуникации или этапом сбора информации о поступлении в вуз, которые могут переходить в непосредственную коммуникацию или ограничиваться просмотром информации. Э. Гидденс говорил, что размещение такой презентационной информации о работе какой-либо организации, в том числе образовательной, не предполагает активных действий с их стороны для налаживания коммуникации с конкретным заказчиком [2, с. 213-215]. В итоге, этот тип коммуникации представляется нам пассивным как для абитуриента, так и для вуза.

Вертикальная ось Y обозначена нами как ось, отражающая самостоятельность в процессе коммуникации с вузом, действия, которые инициированы самим абитуриентом или то, что для него самого кажется значимым и важным при выборе вуза. Это проявление самостоятельности абитуриентов в коммуникации с вузом (переписка в социальных сетях, встреча со студентами вуза) или те виды влияния, которые более мягко воздействуют на абитуриентов и которые абитуриент готов принимать (например, прислушиваться к советам блогеров). Точки, которые находятся ниже нулевой отметки оси Y, наоборот, показывают действия абитуриентов, частично или полностью навязанные «авторитетными» взрослыми.

Это более сильное давление со стороны ближайшего социального окружения абитуриента и действия, которые абитуриенты могут делать по инерции (посещение городских выставок всем классом; дней открытых дверей всей семьей; просмотр выданных брошюр; организованные школой занятия с преподавателями вуза).

Мы выделили 4 типа коммуникативных стратегий абитуриентов в зависимости от влияния других факторов/субъектов на коммуникацию и выбора способа коммуникации с вузом по квадрантам нашего пространства (рисунок 1). Степень активности/пассивности (ось X) и самостоятельности/несамостоятельности (ось Y) поступающего при коммуникации с вузом будет прямым образом влиять на интерпретацию типов стратегий абитуриентов.

Первый тип стратегий — это «пассивно-самостоятельная» коммуникативная стратегия. В рамках этой стратегии абитуриенты самостоятельно выбирают, к каким источникам информации прислушиваться. Предпочтение отдается престижу вуза (рейтинги вуза в СМИ и интернете), рекламе вуза в различных источниках, включая рекламу от блогеров и в социальных сетях и онлайн-источникам сбора информации от вуза. Коммуникативная стратегия абитуриентов строится в интернет-пространстве. Абитуриенты могут ни разу не посещать вуз и не участвовать в мероприятиях вуза, а свой выбор делать в зависимости от того, что им рекомендовали «извне» — реклама, блогеры, сайты с рейтингами вуза. Присутствует самостоятельность в процессе сбора информации о вузе и выборе вуза, но заинтересованность в прямой коммуникации с вузом прослеживается в очень небольшом объеме и ограничивается только отправкой вопросов о поступлении через электронную почту, что является характеристикой вялотекущей коммуникации с представителями вуза, которая ограничивается цепочкой сообщений в электронной почте по типу «вопрос — ответ».

Ряд социологов образования отмечают, что рейтинги вуза набирают всю большую популярность у абитуриентов, но говорят и о том, что абитуриенты изучают информацию о рейтингах поверхностно по нескольким причинам: неудобность и сложность представленной информации, необходимость иметь аналитические навыки для обработки этих данных, что идет в разрез со способами обработки информации поколением «Z», которые не привыкли углубленно изучать большие объемы текста. Рейтингами, по мнению исследователей, интересуется только небольшая часть абитуриентов, у которых высокие баллы ЕГЭ и которые обращают внимание на престиж университета. [1, с. 172; 15, с. 35].

Другие исследователи подчеркивали неоспоримое влияние блогеров на выбор образовательной траектории абитуриентов. Их влияние было обусловлено созданием представления «о равной позиции» со своими слушателями. Они делятся своими переживаниями, страхами в процессе поступления, транслируют свой опыт и ошибки. Эта эмоциональная привязка с условно честной позицией по отношению к своим подписчикам определила их как важных акторов образовательного поля абитуриентов. Тем более, что школьникам сложно сопоставить этот опыт с реальным процессом поступления [11, с. 158].

Второй тип стратегий — это «активно-самостоятельная» коммуникативная стратегия. В рамках этой стратегии предпринимаются наиболее самостоятельные шаги к прямой коммуникации с вузом. Это заинтересованность и готовность во встречах с сотрудниками приемной комиссии, к разговору со студентами и выпускниками вузов, переписка с ними через социальные сети. Это действия, направленные на получение информации о вузе «из первых уст», и мы можем предположить, что эта стратегия ориентирует абитуриентов на более осознанный выбор вуза.

Активность абитуриентов в рамках этой стратегии подтверждается не только посещением очных мероприятий и «живым общением», но и действиями на онлайн-площадках. В социальных сетях абитуриенты не просто просматривают информацию, но и переписываются с вузом, комментируют посты, участвуют в обсуждениях. Для поколения «Z» такая онлайн-активность равна активным действиям в социальной реальности, что также подтверждает размытие этих двух видов реальности у современного поколения абитури-

ентов и естественным существованием молодого поколения в интернет-пространстве [13, с. 52–53].

Третий тип стратегий — это «активная, но несамостоятельная» коммуникативная стратегия. Самостоятельность в коммуникации проявляется только в привычных и доступных формах, которые обычно навязаны «извне». Посещение экскурсий в вузах, поездка на городские образовательные выставки, обучение под руководством преподавателей вуза — все эти действия привычны при подготовке к поступлению в вуз. Но, в основном, эти действия организованы самой школой при сотрудничестве с вузом, что ставит под сомнение инициативность и заинтересованность абитуриентов в этих действиях. Эта коммуникативная стратегия имеет явную «конформистскую» характеристику. На мнение одноклассников и друзей по учебе делается сильный упор. Дублируются действия, которые совершает сосед по парте. С одной стороны, это может быть навязанная коммуникация с вузом, где абитуриент не знает, зачем она ему и не получает столько же пользы от коммуникации, как при втором типе стратегии. Этот заранее организованный тип коммуникации с вузом не иницирует у абитуриента начала самостоятельного общения. Возможно, по причине незаинтересованности в этом общении или не понимании того, что нужно самому абитуриенту и как ему удобнее коммуницировать с вузом, так как всё выбрано за него. С другой стороны, навязанный тип коммуникации дает возможность абитуриентам присутствовать на мероприятиях вуза и проявлять заинтересованность в коммуникации уже на самих мероприятиях.

Четвертый тип стратегий — это «пассивно-несамостоятельная» стратегия. Выбор способов коммуникации полностью подчинен советам родителей и учителей. Такая коммуникативная стратегия показывает незаинтересованность в самостоятельной коммуникации с вузом, в активных, прямых действиях, чтобы начать эту коммуникацию. То, что посоветовали родители и учителя, — это основа для выбора вуза абитуриентами. В рамках этой стратегии абитуриенты не посещают мероприятия вуза самостоятельно (как очные, так и онлайн) или присутствуют там только потому, что так посоветовали родители или учителя. Родители будут являться адресатами получаемой от вуза информации и акторами, задействованными в коммуникации с вузом на этих мероприятиях. Они же передают всю информацию абитуриенту, дают ему брошюру от вуза и объясняют нюансы поступления. Получение «фильтрованной» информации через третьих лиц — единственный способ коммуникации абитуриента с вузом.

Состав семьи, материальное и социокультурное положение, социальный опыт семьи играют первостепенную роль в доступе к высшему образованию и выбору образовательной стратегии поступающего. Переоценить влияние родителей и ближайшего социального окружения при выборе абитуриентом вуза невозможно. Социологи образования неоднократно доказывали это в своих исследованиях, подчеркивая, что советы ближайшего социального окружения нередко представляются в форме императивов, подавляющих, в некоторой степени, активность и самостоятельность абитуриентов [5, с. 100–103; 14, с. 137–140].

Если рассматривать абитуриентов, которые отмечали, что они самостоятельно организуют и планируют свое поступление в вуз как отдельную категорию «самостоятельных» абитуриентов, можно выделить их основные социально-демографические характеристики и другие предпочтения при коммуникации с вузом. 53% самостоятельных абитуриентов отмечали, что чаще всего общались с сотрудниками приемной комиссии до поступления в университет. Предпочтение отдается онлайн-способам общения, что также является важной отличительной чертой молодого поколения. Удобнее всего им общаться с вузом в группе «Вконтакте» (54%) и телеграме (68%). 59% таких абитуриентов также отмечали, что чаще всего звонили в вуз, то есть предпочтение дистанционных способов связи с вузом сохраняется, чем очному, «живому» общению. Самым популярным профориентационным мероприятием остается день открытых дверей даже у самостоятельных абитуриентов: 68% хотели бы посетить именно день открытых дверей вуза. 64% самостоятельных абитуриен-

тов — девушки, 36% — юноши. Распределение абитуриентов по месту проживания представлено в таблице 2.

Таблица 2. Место проживания абитуриентов

Проживание, населенный пункт	Самостоятельные абитуриенты, %	Несамостоятельные абитуриенты, %
город Нижний Новгород	43	28
город или село Нижегородской области	28	23
другой областной центр	<5	12
город или село другой области	24	36
Всего	100	100

Основное место проживания у «самостоятельных» абитуриентов — Нижегородская область: город Нижний Новгород (43%) и другой город/село Нижегородского региона (28%). Так как эти абитуриенты находятся практически в одном образовательном пространстве с нижегородскими вузами, они быстрее ориентируются в городских и вузовских мероприятиях, что позволяет им более самостоятельно организовывать свое поступление и коммуникацию с вузом. У «несамостоятельных» абитуриентов лидирующие позиции разделили: город/село другой области и Нижегородская область. Дистанцированность от предполагаемого места поступления усложняет построение самостоятельной коммуникации с вузом. Не все мероприятия вуза можно посетить и сложнее общаться с сотрудниками вузов, поэтому помощь других субъектов информационного поля абитуриентов здесь будет иметь значение.

Интерес представляет состав семьи у «самостоятельных» и «несамостоятельных» абитуриентов (таблица 3).

Таблица 3. Состав семьи абитуриентов

Семья абитуриентов	Самостоятельные абитуриенты, %	Несамостоятельные абитуриенты, %
Полная семья (проживание с двумя родителями)	57	72
Неполная семья (проживание с одним родителем — мамой или папой)	30	23
Проживание без родителей	13	5
Всего	100	100

Чуть больше половины «самостоятельных» абитуриентов проживают в полной семье (57%), этот процент ниже, чем у «несамостоятельных» абитуриентов (72%). Это может говорить о меньшем контроле над процессом поступления в неполных семьях и семьях, где абитуриенты живут без родителей, например, с другими родственниками или самостоятельно, если они по достижении 18 лет сепарировались от родителей. Вовлеченность в процесс поступления в семьях с одним родителем может быть меньше из-за нехватки времени, которое уходит на финансовое обеспечение семьи, а проживание без родителей, в основном, определяет более самостоятельную модель поведения и планирования своей жизни, в том числе и процесс поступления в вуз.

ВЫВОДЫ. Полученную типологизацию коммуникативных стратегий абитуриентов мы можем интерпретировать с точки зрения того, насколько осознанным будет выбор вуза и насколько устойчивыми будут будущие образовательные отношения между вузом и обучающимися. Так, Д.Л. Константиновский и И.С. Кузнецов говорили о формировании доверия к вузу, исходя из того, собирал ли абитуриент информацию о вузе до поступления и насколько

ко смог этой информацией воспользоваться. Они полагались на концепцию Г. Зиммеля о том, что доверие является промежуточным звеном между знанием и незнанием и будет стремиться либо к полному незнанию, либо к полному знанию [3, с. 7–20]. Доверие, основанное на знании, может способствовать более устойчивым образовательным отношениям после поступления в вуз, чем доверие, основанное на вере к вузу без сбора информации [6, с. 96].

В свое исследование мы включили не только сбор информации о вузе, но и различные практики коммуникации и факторы, влияющие на абитуриентов. Мы склонны согласиться с вышеупомянутыми исследователями, что при более активном и самостоятельном подходе в коммуникации, где абитуриент сам собирает и фильтрует информацию о вузе и инициирует коммуникацию с ним, формируются более устойчивые и осознанные в своем выборе вуза и направления абитуриенты. Только у второго типа стратегий абитуриентов были выявлены такие активные и самостоятельные предпочтения.

Четвертый тип стратегий — самый неустойчивый для формирования коммуникации с вузом и будущих образовательных отношений. Эта стратегия продиктована сильным влиянием «авторитетного взрослого». Выбор вуза, предположительно, делается не абитуриентом, а его ближайшим социальным окружением. Здесь акценты профориентации у вуза должны смещаться на родителей абитуриентов и более классические варианты привлечения в вуз (дни открытых дверей, раздача печатных материалов), через родителей. Если у вуза будет задача количественного набора абитуриентов, а не качественного, так как коммуникация с такой стратегией у абитуриента практически полностью отсутствует в момент поступления и выбора вуза и, скорее всего, будет пассивной и в процессе обучения в вузе.

Первый тип стратегий абитуриентов («пассивно-самостоятельная») и третий тип («несамостоятельная, но активная») по своим характеристикам в процессе коммуникации с вузом являются полными противоположностями. Если первый тип стратегий, в основном, направлен на пассивное потребление рекламной информации в интернет-пространстве, но присутствует самостоятельность и вовлеченность в организации этого процесса (например, поиск и просмотр информации о рейтингах вуза), то стратегия третьего типа предполагает, что абитуриенты находятся в эпицентре всех событий и мероприятий, но у них в меньшей степени присутствует заинтересованность в этих мероприятиях, так как они организуются не самостоятельно, а массово для всех школьников. С одной стороны, следуя логике Д.Л. Константиновского и И.С. Кузнецова [6, с. 95–99], абитуриенты, которые придерживаются первой или третьей стратегии, имеют потенциал к осознанности в выборе вуза и успешному построению образовательных отношений с вузом на основе их коммуникации в процессе поступления. Но, только в том случае, если при первом типе коммуникативной стратегии абитуриенты будут правильно систематизировать и фильтровать информацию о вузе в интернет-пространстве и отбрасывать не интересующие их рекламные интеграции и другие сообщения вуза. А при третьем типе стратегии абитуриентам необходимо систематизировать поток очных мероприятий вуза, задавать вопросы в процессе мероприятия и таким образом выбрать себе конкретную образовательную траекторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авралева Н.В., Ефимова И.Н. Государственная политика повышения конкурентоспособности российского образования как формат социально-политической прогностики. Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических процессов. Монография. Нижний Новгород, 2020. 330 с.
2. Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчика. М.: Практика, 2011. 352 с.
3. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни / отв. ред. Л.Т. Мильская. М.: Юрист, 1996. 607 с.
4. Ивченков С.Г., Шахматова Н.В. Специфика коммуникативных практик саратовской молодежи в социальном и виртуальном пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 124–137.

5. Константиновский Д.Л. В поисках источников образовательного неравенства // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4(36). С. 98–111.
6. Константиновский Д.Л., Кузнецов И.С. Категория доверия в исследовании выбора вуза // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 2. С. 82–101.
7. Львова Е.Н., Львова П.П. Влияние детскородительских отношений на профессиональное самоопределение старшеклассников при выборе обучения естественнонаучным специальностям // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 5. С. 91–93.
8. Морозова И.А., Шевченко С.А., Кузьмина Е.В. Абитуриент вуза как представитель поколения Z: личностные качества и ценностные ориентиры // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42, № 1. С. 90–104.
9. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.11.2024 № 821 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.11.2024 № 80379) / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411290031> (дата обращения: 10.01.2025).
10. Приказ Минобрнауки России от 21.08.2020 № 1076 (ред. от 10.02.2023) «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.09.2020 N 59805) / Интернет-портал «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362209/ (дата обращения: 11.01.2025).
11. Романенко К.Р., Макарьева А.Ю. Стадитьюб: образовательные блогеры в экосистеме высшего образования // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 156–168.
12. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения / Интернет-портал «ВЦИОМ НОВОСТИ». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija?ysclid=m5p9ogja4u69982842> (дата обращения: 22.01.2025).
13. Фомина М.В., Масловская С.В., Михайлова Е.А. Особенности онлайн коммуникации в системе высшего образования: этические аспекты // Вестник Оренбургского государственного университета. 2023. № 1(237). С. 51–55.
14. Чередниченко Г.А. Переход «Школа-Вуз»: человеческий капитал vs социальное неравенство // Власть. 2022. Т. 30. № 5. С. 133–144.
15. Эбзеева Ю.Н. Рейтинг университета как элемент аттрактивности для потенциальных абитуриентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып.1. С. 33–38.

REFERENCES

1. Avralev N.V., Efimova I.N. *Gosudarstvennaya politika povysheniya konkurentosposobnosti rossijskogo obrazovaniya kak format social'no-politicheskoy prognostiki* [The state policy of increasing the competitiveness of Russian education as a format of socio-political prognostics]. *Vlast' v XXI veke. Sociokul'turnye aspekty politicheskikh processov. Monografiya*. Nizhnij Novgorod, 2020. 330 s. (In Russian).
2. Cherednichenko G.A. *Perekhod «Shkola-Vuz»: chelovecheskij kapital vs social'noe neravenstvo* [Transition «School-University»: human capital vs social inequality] // *Vlast'*. 2022. T.30. № 5. S. 133–144. (In Russian).
3. Ebzeeva Yu.N. *Rejting universiteta kak element attraktivnosti dlya potencial'nyh abiturientov* [University rating as an element of attractiveness for potential applicants] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. 2023. T.23, vyp.1. S. 33–38. (In Russian).
4. Fomina M.V., Maslovskaya S.V., Mihajlova E.A. *Osobennosti onlajn kommunikacii v sisteme vysshego obrazovaniya: eticheskie aspekty* [Features of online communication in the higher education system: ethical aspects] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. № 1(237). S. 51–55. (In Russian).

5. Giddens E. *Posledstviya sovremennosti* [Consequences of modernity] / Per. s angl. G.K. Ol'hovikova, D.A. Kibal'chicha. M.: Praksis, 2011. 352 s. (In Russian).
6. Ivchenkov S.G., Shahmatova N.V. *Specifika kommunikativnykh praktik saratovskoy molodezhi v social'nom i virtual'nom prostranstve* [Specifics of communication practices of Saratov youth in social and virtual space] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. 2023. T.23, vyp. 2. S.124–137. (In Russian).
7. Konstantinovskij D.L. *V poiskakh istochnikov obrazovatel'nogo neravenstva* [In search of sources of educational inequality] // *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2021. T.9. № 4(36). S. 98–111. (In Russian).
8. Konstantinovskij D.L., Kuznecov I.S. *Kategoriya doveriya v issledovanii vybora vuza* [The category of trust in the study of university choice] // *Sociologicheskij zhurnal*. 2020. T.26. № 2. S.82–101 (In Russian).
9. L'vova E.N., L'vova P.P. *Vliyanie detskoroditel'skih otnoshenij na professional'noe samoopredelenie starshklassnikov pri vybere obucheniya estestvennonauchnym special'nostyam* [The influence of parental relations on the professional self-determination of high school students when choosing to study natural sciences] // *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2024. № 5. S.91–93. (In Russian).
10. Morozova I.A., Shevchenko S.A., Kuz'mina E.V. *Abiturient vuza kak predstavitel' pokoleniya Z: lichnostnye kachestva i cennostnye orientiry* [University entrant as a representative of generation Z: personal qualities and value orientations] // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaviya*. 2023. T.42, № 1. S. 90–104. (In Russian).
11. *Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii ot 27.11.2024 № 821 «Ob utverzhdenii Poryadka priema na obuchenie po obrazovatel'nykh programmam vysshego obrazovaniya — programmam bakalavriata, programmam specialiteta, programmam magistratury» (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 29.11.2024 № 80379)* [Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated 11/27/2024 No. 821 «On Approval of the Admission Procedure for higher Education educational programs — Bachelor's degree programs, Specialty programs, Master's degree programs» (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 11/29/2024 No. 80379)] / Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411290031> (data obrashcheniya: 10.01.2025). (In Russian).
12. *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 21.08.2020 № 1076 (red. ot 10.02.2023) «Ob utverzhdenii Poryadka priema na obuchenie po obrazovatel'nykh programmam vysshego obrazovaniya — programmam bakalavriata, programmam specialiteta, programmam magistratury» (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 14.09.2020 N 59805)* [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 08/21/2020 No. 1076 (as amended on 02/10/2023) «On approval of the Admission Procedure for higher education educational programs — Bachelor's degree programs, Specialty programs, Master's degree programs» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 09/14/2020 N 59805)] / Internet-portal «Konsul'tant plyus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362209/ (data obrashcheniya: 11.01.2025). (In Russian).
13. Romanenko K.R., Makar'eva A. Yu. *Stadit'yub: obrazovatel'nye blogery v ekosisteme vysshego obrazovaniya* [Studitube: educational bloggers in the ecosystem of higher education] // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023. T.32. № 4. S.156–168. (In Russian).
14. *Social'nye seti i messendzhery: вовлеченност' i predpochteniya* [Social networks and messengers: engagement and preferences] / Internet-portal «VCIOM NOVOSTI». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vo-vlechennost-i-predpochtenija?ysclid=m5p9ogja4u69982842> (data obrashcheniya: 22.01.2025). (In Russian).
15. Zimmel G. *Izbrannoe. Tom 2. Sozercanie zhizni* [Favorites. Volume 2. Contemplation of life] / otv. red. L.T. Mil'skaya. M.: Yurist, 1996. 607 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.004

УДК 316.3:376.4

ББК 60.542.5

Н.А. СИМБИРЦЕВА,
Е.В. ШАЛАГИНА**МЕДИАПРАКТИКИ В ПРОФОРИЕНТАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОЙ ШКОЛЫ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕДАГОГОВ
И РОДИТЕЛЕЙ**N.A. SIMBIRTSEVA,
E.V. SHALAGINA**MEDIA PRACTICES IN CAREER GUIDANCE
IN AN INCLUSIVE SCHOOL:
TEACHERS' AND PARENTS' PERCEPTIONS**

Исследование выполнено при поддержке научно-методического центра сопровождения педагогических работников ФГАОУ ВО «УрГПУ» в рамках реализации университетского гранта «Возможности использования медиапрактик в профориентационной работе с детьми с ОВЗ в условиях инклюзивного образования» по направлению работы «психолого-педагогические инструменты инклюзивного образования».

Содержание статьи отражает значимость профориентационной деятельности в условиях инклюзивной школы. Во введении авторы обозначают ключевые направления реализации медиапрактик, актуальных для успешной социализации современных детей, включая детей с особыми возможностями здоровья (далее — ОВЗ). Цель исследования состоит в определении социальных и профессиональных факторов, влияющих на готовность как педагогов к этой деятельности, так и определяющих возможности самих обучающихся успешно осуществлять свой профессиональный выбор благодаря потенциалу современного медиапространства. Использовались методы сбора первичной социальной информации, метод анализа и систематизации данных. Результаты исследования выявили имеющийся опыт в реализации профориентационной деятельности педагогов и представления о нем родителей. Научная новизна состоит в репрезентации данных социологического исследования, а также в описании потенциала медиапрактик в работе с детьми с ОВЗ.

The content of the article reflects the importance of career guidance activities in an inclusive school. In the introduction, the authors outline the key areas of implementation of media practices relevant for the successful socialisation of modern children, including children with special health care needs (hereinafter — SHC). The aim of the study is to determine the social and professional factors that influence both teachers' readiness for this activity and determine the possibilities of students themselves to successfully carry out their professional choice due to the potential of modern media space. The methods of collecting primary social information, data analysis and systematisation were used. The results of the study revealed the existing experience in the implementation of career guidance activities of teachers and parents' perceptions of it. Scientific novelty consists in the representation of the data of the sociological study, as well as in the description of the potential of media practices in work with children with disabilities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиапрактики, медиаобразование, профориентация, профориентационная деятельность, инклюзивное образование, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, социализация

KEY WORDS: media practices, media education, career guidance, career guidance activities, inclusive education, students with disabilities, socialisation

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время стремительно трансформирующееся социальное пространство влияет на процессы трудоустройства, профессионального выбора человека, формы и виды его трудовой занятости, равно как и модифицирует привычные нам профессии. Осуществление профессионального выбора описывается исследователями в качестве неотъемлемого условия успешной социализации личности в условиях современности, обеспечения полноценного участия в жизни общества [см. подр.: 3; 5; 7; 8 и др.].

Особой категорией в области профессионального выбора становятся сегодня дети с ОВЗ, поскольку в ситуации профессионального самоопределения они сталкиваются с барьерами и трудностями, связанными с особенностями развития и социализации. Дети с ОВЗ нуждаются в психолого-педагогическом сопровождении при выборе профессии: необходимо учитывать специфику раскрытия природных способностей и склонностей ребенка, его интересов и ориентацию в условиях определения возможностей профессионального становления и развития с учетом наличия у него ограничений [см. об этом: 1; 2; 9 и др.].

Если речь идет о категории «ребенок-инвалид», то особое значение при профессиональной ориентации становится подбор одной или нескольких профессий или специальностей, доступных обучающемуся в соответствии с состоянием здоровья, рекомендациями, указанными в индивидуальной программе реабилитации, его собственными интересами, склонностями и способностями.

В условиях активной интеграции медиапрактик в образовательный процесс педагоги и наставники, сопровождающие обучающихся, имеют возможность большего выбора ресурсов для осуществления профориентационной работы, включая такие проекты и программы, как «Россия — мои горизонты», «Билет в будущее», «Проектория», «Большая перемена» и др. Отметим, что данное направление имеет свои традиции и опыт. Однако именно широкое применение медиа как ресурса восполнения информационных дефицитов при выборе профессии в контексте современного медиаобразования получает новое обрамление. Во-первых, *в технологическом плане*, медиа сегодня делают доступными в информационном поле содержательные характеристики профессии; позволяют реализовать себя в профессии с учетом ограниченного перемещения в пространстве; дают возможность представить позитивный опыт работы в профессии с приглашением конкретных личностей, том числе с использованием видеоконференцсвязи.

Во-вторых, *в содержательном плане*, медиа позволяют получить первичное впечатление о профессии и диапазоне специальностей за счет репрезентативных медиатекстов, видеороликов и профориентационных событий, активно распространяющихся в социальных сетях и тематических группах/сообществах. Сегодня можно встретить опыт привлечения потенциала художественного и документального кино, где зафиксирован образ человека определенной профессии.

В-третьих, *в деятельностном плане*, создаваемые организаторами проектов и программ для разновозрастной аудитории активности в медиасреде позволяют «прокачать» определённые навыки в предлагаемых обстоятельствах попробовать себя в различных ролях и получить возможность профессионального самоопределения. В частности, выделяемые И.Я. Мурзиной и Н.А. Симбирцевой направления проектов в образовательном поле позволяют включаться как педагогам, так и обучающимся, решая профориентационные задачи [4, с. 5].

Особенно значимым направлением медиа в профориентационной деятельности видится авторам при взаимодействии с обучающимися с ОВЗ. Для того, чтобы получить представление о том, как эффективно использовать потенциал современных медиапрактик в работе с данной категорией детей была определена **ЦЕЛЬ**: исследовать социальные и профессиональные факторы, влияющие на готовность педагогов, с одной стороны, к этой деятельности, а с другой — возможности самих обучающихся успешно осуществлять свой профессиональный выбор благодаря потенциалу современного медиaprостранства.

МЕТОДОЛОГИЯ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для решения поставленных задач применялись следующие методы сбора первичной социальной информации: онлайн опрос родителей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью; две фокус-группы с педагогами образовательных организаций Свердловской области, имеющих опыт взаимодействия с детьми с ОВЗ и инвалидностью (N — 9; N — 8); групповое фокусированное интервью с педагогами Свердловской области, имеющими опыт организации и проведения профориентационной работы (N — 3).

В онлайн опросе приняли участие родители, воспитывающие детей с ОВЗ и инвалидностью — обучающихся по дополнительным образовательным программам Отделения дистанционного обучения ГБОУ СО ЦППМСП «Ресурс», проживающих на территории Свердловской области. В опросе приняли участие 111 человек. Представленную выборочную совокупность мы характеризуем как результат целевой выборки, разновидность — выборки типичного случая, так как респонденты являются жителями разных типов поселений Свердловской области, их дети — особая категория обучающихся (дети с ОВЗ и инвалидностью — все имеют заключения ПМПК), образовательный процесс осуществляется в массовых школах Среднего Урала. Объем выборочной совокупности определен списочным составом данного подразделения и представлен сплошным опросом. Данный вид выборки был обусловлен возможностью охватить весьма широкую географию среднеобразовательных школ, в которых обучаются особые дети наших респондентов.

Главным критерием отбора для участия в фокус-группах выступало наличие опыта педагогической деятельности в условиях инклюзивной школы с детьми с ОВЗ и инвалидностью. Первая фокус-группа (код ФГ 1, И №) представлена 8 информантами, проживающими в Екатеринбурге, Горнозаводске, Североуральске, Березовском, пгт. Верхняя Пышма. Это учителя начальных классов, истории, обществознания, ОДНКР, имеющими педагогический стаж от 1 года до 8 лет, в возрасте от 20 до 27 лет, их них — 4 мужчины, 4 женщины. Вторая фокус-группа (код ФГ 2, И №) включила в дискуссию 9 педагогов из Екатеринбурга, пос. Совхозный, Нижнего Тагила, Ивделя, Полевского, работающих учителями физики, истории, обществознания, воспитателями ДОО, педагогами дополнительного образования, специалистами Управления образования, со стажем педагогической деятельности от 1 года до 19 лет, все женщины в возрасте от 23 до 42 лет.

Определяющей характеристикой участия в групповом интервью было определено наличие опыта реализации профориентационных практик с детьми с ОВЗ и инвалидностью школьного возраста в условиях инклюзии. Участниками исследовательской сессии стали педагоги физической культуры, истории и обществознания, проживающие в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и пос. Верхние Серги, с педагогическим стажем от 4 до 18 лет, в возрасте от 38 до 52 лет. Из них 1 мужчина, 2 женщины.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Представления родителей о школьной профориентации — это основа отношения и удовлетворенности этими процессами. С определения уровня осведомленности, характерной для данной категории родительской общественности, стоит начинать разговор и продолжить его темой о возможностях сотрудничества и включенности семьи в решении вопросов профессионального самоопределения особого ребенка. Оказалось, что большинство опрошенных нами родителей достаточно высоко информированы о профориентационной деятельности школы, в которой обучается их ребенок: 54% респондентов имеют частичную информированность, 24% — отмечают высокий уровень информированности. 22% опрошенных указали на то, что совсем не представляют себе эту работу и не могут о ней судить.

К основным формам и направлениям такой работы родители относят предметные олимпиады и конкурсы, работу творческих объединений в рамках дополнительного образования, встречи с представителями разных профессий, тестирование, экскурсии на производства и др. (табл. 1).

Таблица 1. **Направления школьной профориентационной работы, в которые включен ребенок с ОВЗ**

Направления	Доля респондентов, в %
Предметные олимпиады и конкурсы	19,1
Работа в кружках, секциях, творческих объединениях	17,4
Беседы с приглашенными представителями разных профессий	10,4
Профориентационное тестирование педагогом-психологом, социальным педагогом	8,7
Экскурсии на производства	7,4
Привлечение родителей для информирования об определенной профессиональной области	6,5
Использование ресурсов медиапедагогики (кино о профессиях)	5,2
Обращение к медиаресурсам (информационные порталы, треки, профориентационные проекты, онлайн площадки)	4,8
Проектная деятельность в рамках изучения современного мира профессий	2,6
Волонтерство	2,2
Участие в работе школьных СМИ и медиацентров	1,7
Участие в работе органов самоуправления школы	1,3
Деятельность общественных организаций	0,4

В дефицитные зоны школьной профориентации, по их мнению, попадают: объем информирования в рамках профориентации, квалифицированные специалисты-педагоги в этой области, «живые» встречи с представителями профессий, экскурсии на производства, учет возможностей и потребностей детей с ОВЗ в сфере их профориентации с освещением имеющихся у них трудностей и проблем (табл. 2).

Таблица 2. **Чего не хватает в школе, чтобы профессиональное самоопределение обучающихся с ОВЗ осуществлялось более успешно?**

Характеристика	Доля респондентов, в %
Информирования	14,2
Квалифицированных специалистов	10,8
«Живых» встреч с представителями разных профессий	6,7
Экскурсий	5,8
Учета потребностей детей с ОВЗ	5,0
Освещения проблем профориентации детей с ОВЗ	4,2
Интерактивных мероприятий	4,2
Практической деятельности	3,3
Оборудования и кабинетов	3,3
Времени	0,8
Дистанционного обучения в колледжах	0,8

Родители отмечают, что сегодня в профориентации присутствуют элементы кинопедагогики (5% родителей), а также — обращение к ресурсам информационно-образовательных порталов и профориентационных онлайн-проектов (4,8% родителей).

Более того, мы напрямую обратились к родителям с вопросом: «Используют ли педагоги медиапрактики для профориентации?». Совершенно понятно, что большинство опрошенных (почти 65%), выбрав вариант «затрудняюсь ответить», указали на свою низкую информированность в этом вопросе, ведь судить об этом они способны только по рассказам детей, которые были задействованы в подобных практиках, реализуемых в ходе образовательного

процесса. Интересным, с нашей точки зрения, оказываются следующие значения: 24% родителей считают, что педагоги, работающие с их ребенком, не используют медиапрактики для решения профориентационных задач; 12% респондентов отмечают их присутствие в этой деятельности.

Когда мы предложили выделить наиболее запомнившиеся события из профориентационных активностей, опыт участия в которых имеется, и о которых рассказывал им ребенок, 8% родителей назвали как раз взаимодействие с медиаресурсами. Сильные впечатления также производят на детей встречи с представителями различных профессий, экскурсии на производства и работа в секциях (кружках) по интересам ребенка.

За последние несколько лет в арсенале профориентационной работы появились инновационные методические разработки, позволяющие внедрять в рамках образовательного процесса различные медиапрактики, решая задачи, связанные с профессиональным самоопределением детей и подростков. Мы обратились к наиболее известным, чтобы определить степень информированности о них родителей детей с ОВЗ, готовность обращаться к ним самостоятельно, наличие опыта использования их потенциала.

Как показали результаты опроса, информированность семьи о таких онлайн проектах в основном не высока. Чаще всего родители (23%) отмечали, что знакомы с образовательным форумом «Навигатор поступления», который позволяет строить профессиональные маршруты, опираясь на возможности продолжения обучения и получения специальности в учреждениях среднего и высшего профессионального образования, через знакомство с конкретными ССУЗами и ВУЗами. Во вторую очередь, следует отметить, что родители оказались знакомыми с проектом «Билет в будущее», который активно реализуется в школах уральского региона (15%). На третьем месте — альманах профессий будущего «Атлас новых профессий» и Всероссийский проект «Профориентация: уверенное будущее ребёнка» (группа компаний «Просвещение»): по 13% опрошенных соответственно указали на свою осведомленность о них (табл. 3).

Таблица 3. Образовательные онлайн проекты профориентационной направленности

Наименование проекта	Доля респондентов, в %		
	Затрудняюсь ответить	Нет, не знаком	Да, знаком
Альманах профессий будущего «Атлас новых профессий»	21,8	65,5	12,7
Система КИК — интерактивный онлайн комплекс «Конструктор будущего»	24,5	68,2	7,3
Профориентационный проект «Билет в будущее»	25,5	60,0	14,5
Всероссийский форум профориентационной навигации «ПроеКТОрия»	25,5	67,3	7,3
Образовательный форум «Навигатор поступления»	17,3	60,0	22,7
Исследовательский медиапроект «Горизонты: будущее креативной экономики»	24,5	72,7	2,7
Всероссийский проект «Профориентация: уверенное будущее ребёнка» (группа компаний «Просвещение»)	20,0	67,3	12,7

Однако быть информированным о наличии возможностей использования потенциала медиа — не означает стать их активным пользователем и реализовывать их потенциал для решения профориентационных задач в рамках семейного воспитания. Поэтому важным выступает наличие личного опыта в этом вопросе. Оказалось, что у 36% опрошенных родителей такой опыт имеется. А 44% респондентов отметили, что самостоятельно не обращались и не работали с ресурсами медиасреды.

Возвращаясь к вопросу о том, какие медиапрактики, по мнению родителей, сегодня чаще всего используют педагоги для решения задач профориентации, респонденты указывали на включение ими в эту работу различных видеоматериалов, фрагментов кинофильмов и мультфильмов, реализацию онлайн тестирования и возможности организации онлайн-конференций на эту тему.

Рассуждая о том, что из медиапрактик они хотели бы предложить включать и далее в профориентационную работу в школе, родители называли творческие видеопроекты, которые им представляются возможными к реализации с детьми с ОВЗ, различные онлайн-способы знакомства с профессиями (через онлайн-взаимодействия с представителями профессионального сообщества, онлайн-экскурсии на производства и проч.), а также индивидуализированное сопровождение этих процессов результатами онлайн-тестирования ребенка для понимания как его сферы интересов, так и ограничений, характерных для его состояния здоровья и развития.

Родители уверены, что реализовывать в школе такие онлайн проекты, как «Билет в будущее», «Атлас новых профессий» и др., стоит. Включение в них детей с ОВЗ, по мнению семьи, оправдано и эффективно.

Также ими предлагается взаимодействие с детьми на уровне организации мастер-классов, посвященных знакомству с конкретными видами профессиональных действий и навыков, что соответствовало бы принципам практикоориентированного подхода в профориентации детей с ОВЗ, и оказалось актуальным и востребованным.

Рассуждая о профориентации в условиях инклюзивной школы, сами педагоги указывают на отсутствие особых подходов и понимания специфики профориентационной работы с детьми с ОВЗ сегодня: «Никакой специальной системы для детей с ОВЗ — нет» — ФГ 2, И1, «Конечно, нужно учитывать особенности нарушений развития детей, но мне кажется многое и им подходит» — ФГ 2, И6, «В школе сейчас делается много в этом плане. Но больше эта деятельность направлена не на детей с ОВЗ. У нас и хор, и вокал, и бисероплетение, но — что дети, что их родители оказываются не всегда активными. Их нужно «за уши тянуть» в эти активности» — ГИ, И 2.

Таким образом, дети с ОВЗ включаются в профориентационную работу, организованную в рамках деятельности школы наравне с остальными участниками этого процесса, по мнению педагогов. В связи с этим, возникают зоны рисков и «провалов», связанные с целым рядом факторов:

- необходимость «адресности» и индивидуализации этой работы под конкретный запрос, под каждого особого ребенка, что требует серьезных усилий со стороны организаторов;
- необходимость усиления мотивационной составляющей этой деятельности для детей с ОВЗ («низкая заинтересованность детей с ОВЗ, нужна мотивация» — ФГ 1, И5);
- техническое и технологическое обеспечение этой работы для различных нозологических групп («оснащённости классов, для детей с нарушением слуха и зрения, аудио сопровождение дополнительное, освещение, дополнительные коррекционные классы, успешные кейсы профессий» — ФГ 1, И 6)
- необходимость специальной подготовки педагогических кадров к такой работе («нужен тьютор, коррекционный педагог, нет кадров...» — ФГ 1, И7).

Анализируя те формы работы, которые реализуются в рамках школьной профориентации информанты указывали на следующие:

- встречи с представителями работодателей — сотрудники предприятий и организаций,
- экскурсии на предприятия,
- встречи с представителями ССузов и ВУЗов,
- в рамках изучения школьных предметов,
- беседы, консультации (индивидуальные и групповые) с обучающимися,
- профориентационное тестирование,

- сотрудничество с колледжами в условиях проведения профессиональных проб по специальностям,
- занятия «Профминимума», проект «Билет в будущее»,
- сотрудничество с родителями (родитель как представитель определенной профессии и рода занятий, приглашается в роли спикера),
- «Дни открытых дверей» с представителями ССУЗов и ВУЗов.

Однако, реализуя эти формы, педагоги замечают ряд трудностей, которые влияют на эффективность этой работы: «...так «Билет в будущее» не полноценно функционирует у нас. Потому, что просто есть особенности нашей местности — поселок. У нас нет разнообразия предприятий, которые бы могли стать площадкой для взаимодействия со школой, местом для экскурсий. Поэтому все формализуется» — ФГ 1, И7.

Вообще на эффект формализации в этой работе, который стал замечен в последнее время, указывали информанты не единожды, и были готовы его обсуждать достаточно остро: «... формализация, какой-то сюр...» — ФГ 1, И6, «нет системной работы, а еще — работа с родителями западает» — ФГ 1, И3, «школа к этой теме подходит очень формально» — ГИ, И3., «У нас постоянно ситуация многозадачности. Столько всего — не знаешь «как вывезти».. И это влияет на результаты всех педагогической деятельности, и профориентации — в том числе» — ГИ, И2.

Таким образом, возникающую формализацию педагоги связывают с общесистемными проблемами в образовании: высокие нагрузки на педагогический состав, многозадачность, высокая скорость модернизационных процессов и внедрения инноваций, отсутствие организационных условий для реализации поставленных задач, слабая методическая и технологическая обеспеченность: «ГИ, И3: «Я сказала, чтобы было сделано!» — это обычная форма общения прямого руководителя. А как я это сделаю?», ГИ, И1: «Надо, чтобы кто-то журнал вел, а педагог только учил...», ГИ, И3: «Либо надо всю деятельность учителя включать как учебный процесс, через учебные часы», ГИ, И2: «Надо, чтобы каждый делал свое дело. Например, я веду урок, и, если тема связана с профессиональным направлением, я и должна ее представить». Также подчеркивается роль классного руководителя в профориентации, с которой связываются более перспективные возможности в этом направлении в силу готовности посвящать ему больше времени и способности осуществлять ту самую индивидуализацию, о которой мы вели речь выше.

Кроме классного руководителя информанты говорили о необходимости введения в актуальной ситуации новой должности под названием «профориентолог» для повышения эффективности профориентации в школе: «должен заниматься отдельный человек, можно было бы вывести на определенный уровень, т.к. учителя загружены сильно» — ФГ 1, И7; «профориентолог должен быть в связке с инклюзивным образованием, существуют потенциально стигматизированные профессии именно для детей с ОВЗ» — ФГ 1, И6.

Рассуждая о методической составляющей профориентационной работы, педагоги показали высокий уровень осведомленности о существующих сегодня медиапроектах для школьной профориентации. Многие из них вошли в образовательное пространство и реализуются там с разной степенью эффективности («Билет в будущее» называли чаще всего, затем — «ПроеКТОрия», и затем — «Навигатор поступлений»): ГИ, И3 — ««Билет в будущее» уже достаточно давно реализуем»; ГИ, И2 — ««Билет в будущее» и «Атлас новых профессий». Еще был опыт обращения к ресурсу Arzamas.academy и TILDA. Использовала аудиогид по музеям Среднего Урала». Также педагоги отмечали ценность и важность онлайн тестирования по профориентации, с которым им достаточно удобно работать: ГИ, И2 — «...сейчас идет большой прорыв! «Билет в будущее», Абилимпикс».

Однако, педагоги отмечали, что эти проекты были разработаны для самого широкого круга обучающихся, то есть, на массовый характер воспринимающей аудитории, ведь речь идет о начальном этапе вхождения в проблематику профессионального самоопределения

школьника. Недаром появляются названия «Профминимум» и пр. А вот специфика детей с ОВЗ там совсем слабо представлена, и соответственно, именно для этой категории обучающихся, участие в этих проектах малоэффективно и в реальной практике, они принимают в них участие формально: ФГ 2, И6 — «Но для детей с ОВЗ их эффективность все-таки не высокая».

Вместе с тем, педагоги готовы работать и на основе этих ресурсов в настоящее время: ФГ 2, И7 — «Хорошо, что они есть. У нас маленький город. Ходить некуда особо. Поэтому медиа выручают».

Однако во время обсуждения перспектив использования медиа в профориентации прозвучала тема слабой технической оснащенности современных школ: ГИ, И2 — «Я их знаю, но очень периодически обращаюсь... Реально используются те возможности, которые есть внутри проекта «Билет в будущее». А вообще в нашей школе есть проблемы с техникой, с мультимедиа: что-то постоянно ломается, просто не на чем показывать материалы...»; ГИ, И3 — «А вот у меня даже ПК в классе нет. Я просто слышала про «Лекториум». В реальном образовательном процессе медиаресурсы не используют наши педагоги. Все «по старинке»».

Кроме профориентационных онлайн проектов информантами обсуждались различные медиапрактики, которые потенциально могли быть призваны для решения задач профессионального самоопределения ребенка с ОВЗ. Информанты отметили практический опыт работы с образовательным онлайн-порталом *Arzamas.academy*, виртуальным кинотеатром «Ноль плюс», виртуальными библиотеками, виртуальными музеями.

Вместе с тем, что пробы использования данных медиаресурсов педагоги осуществляют, на сегодняшний день они готовы рассказать об ограничениях в этой работе из-за специфики целевой аудитории: ФГ 1, У2 — «...(им) тяжело смотреть кино, не выстраивают причинно-следственные связи, видеоролик на 10 минут нет интереса, пропустил — важную мысль упустил, уже трудно»; ФГ 2, И7 — «если длинные материалы, то они не выдерживают. Отключаются. Теряется смысл. Поэтому та же «ПроеКТОрия» и не подходит».

Соответственно с этим, звучал логичный вывод о необходимости адаптации данных контентов для работы с детьми с ОВЗ: ФГ 2, И4 — «Так медиаресурсы необходимо под них адаптировать. По важности контента, по уровню сложности материала, по длительности».

Кроме необходимости адаптации самого контента педагоги рассуждали о том, что фронтальная и групповая профориентационная работа в школе с этим контентом для таких детей оказывается малоэффективной. Она нуждается в сопровождении специалиста психолого-педагогического профиля, в прямой и непосредственной обратной связи, в индивидуализации общения по поводу процесса и результата: ФГ 2, И3 — «Я убеждена, что таким детям подойдет что-то очень индивидуальное, ориентированное только на этого конкретного ребенка. Например, то же, онлайн тестирование, но обязательно непосредственное общение с педагогом, психологом, чтобы было и общение «по ходу» и сразу выводы, объяснение. А в группе они теряются»; ФГ 2, И4 — «Я бы сказала: «Помните, что есть такие дети!» Может быть, для них нужен индивидуальный фокус и ваш личный ресурс. Может быть, кому-то нужна реальная школьная поддержка и помощь. А мы про это и не задумываемся».

Следует подчеркнуть тот факт, что в ходе обсуждения прозвучала идея не просто о необходимости индивидуализации в этом направлении, но и выделения самой категории детей с ОВЗ как группы, нуждающейся в специфических организационных формах и форматах, иными словами — работать с ними в области их профориентации отдельно, когда речь идет об инклюзивном образовании: ФГ 1, И3 — «нужно индивидуализировать профориентационную работу, отдельно работать с детьми с ОВЗ»; ФГ 2, И6 — «Не подходите к этой работе формально. Подходите с точки зрения особенностей каждого ребенка. У них тоже есть сильные стороны. Вот на них можно опереться».

Дистанционные методы работы с профориентационным контентом представляются педагогам достаточно интересными и возможными к реализации: ФГ 2, И5 — «Мне кажется, что дистанционные методы для них подойдут. Например, виртуальные экскурсии на завод —

такие уже существуют. Или — в музей...»; ФГ 2, И4 — «Я своему шестому классу показывала «виртуальную экскурсию — 360*», мы разговаривали об археологических раскопках, я показывала работу археологов. Всем понравилось».

Безусловно, сами профессиональные направления, о которых ведется разговор в рамках профориентации следует весьма осознанно отбирать, также, выбирая те, которые потенциально способны заинтересовать, нуждаются в адаптации в соответствии с особенностями детей с ОВЗ: ФГ 2, И1 — «Курсы по робототехнике. Показать опыт работы с 3Dпринтером — тренажером перед переходом к работе с конструктором. Мне кажется, это бы подошло хорошо».

Семья подчеркивает необходимость особого отношения к профориентации детей с ОВЗ как с точки зрения гуманистического подхода (забота, внимание), так и с позиции учета специфики нарушений их развития, что детерминирует и их перспективы самоопределения в мире профессий и возможностей трудоустройства. То есть эта деятельность в рамках школы также должна быть адаптирована с учетом их потребностей и реальных запросов рынка труда. Недаром родителями выделяется направление сферы IT и работы, связанной с программным обеспечением и компьютерными технологиями, которое довольно успешно может рассматриваться в качестве перспективного для детей целого ряда нозологических групп (напр., НОДА). Именно о практической составляющей этого процесса говорят респонденты, упоминая о необходимости взаимодействия школы со службами занятости, когда речь идет о профориентации детей с ОВЗ. Реальные жизненные кейсы — вот, на чем должна основываться эта работа, по мнению семьи. Действительно, что может наиболее ярко вдохновлять ребенка, если не конкретные истории, непридуманные герои, уже кем-то пройденные маршруты.

Кроме этого, следует подчеркнуть важность для семьи сотрудничества со школой в вопросах профориентации — они сами хотели бы быть информированными, а возможно — и стать участниками этой работы, поскольку являются весьма активными агентами социализации, напрямую реализуя воспитательные функции в рамках семьи.

Медиапрактики сегодня также выступают важной составляющей профориентационной работы в школе, по мнению родителей. Ведь именно для детей с ОВЗ стать ближе к реальному миру (даже — через экран домашнего компьютера) оказывается весьма значимым фактором их процессов профессионального самоопределения. Виртуальные экскурсии на производства, онлайн встречи с представителями работодателей, медиапроекты, позволяющие апробировать необходимые навыки внутри профессиональных сфер и областей — все это становится доступным и актуальным ресурсом, фасилитирующим данные процессы.

У педагогов сегодня нарабатан достаточно серьезный опыт в реализации профориентационных задач в условиях инклюзии. Особенно в последние 5 лет произошел прорыв, когда образовательное пространство, действительно, становится реальным полем профориентационной работы: разработаны методические материалы, предложены информационные ресурсы, разработаны организационные регламенты и целевые ориентиры. Учителя видят этот прорыв и высоко оценивают его значимость как для самого ребенка, так и в масштабах российского рынка труда. Однако в последнее время наблюдаются и тревожные признаки, указывающие на формализацию профориентации в школе, когда в силу высокой интенсификации педагогического труда, выполнить поставленные задачи эффективно оказывается весьма непросто. В связи с этим, педагоги рассуждают о необходимости работы в команде единомышленников, создание особой когорты педагогических работников — «профориентологов», изменение должностных инструкций классных руководителей и заместителей директоров школ по воспитательной работе, для того, чтобы профориентация стала системной и целенаправленной.

Неудовлетворенность недостаточной эффективностью профориентации в школе сегодня у педагогов связаны с отсутствием системности в этой работе, понимания специфики профориентации особых детей в соотношении с потребностями рынка труда, адаптации

контента онлайн проектов профориентации («Билет в будущее», «ПроеКТОрия» и др.). Зоны рисков и «провалов» определяются следующими факторами:

- необходимость «адресности» и индивидуализации этой работы под конкретный запрос, под каждого особого ребенка, что требует серьезных усилий со стороны организаторов;
- необходимость усиления мотивационной составляющей этой деятельности для детей с ОВЗ;
- техническое и технологическое обеспечение этой работы для различных нозологических групп;
- необходимость специальной подготовки педагогических кадров к такой работе.

ВЫВОДЫ. Изучая представления родителей о системе профориентации в современной школе, следует отметить, что большинство опрошенных считают себя неплохо информированными о профориентационной деятельности школы, в которой обучается их ребенок. Степень их информированности варьируется от частичной до полной. И только каждый пятый признался в своей некомпетентности описывать ее в силу слабой осведомленности.

1. Особенности реализации профориентационных задач в условиях инклюзивной образовательной организации проявляются через те формы и направления, которые становятся предметом для обсуждения в родительском сообществе, а также целенаправленном информировании педагогов. Родители выделяют предметные олимпиады и конкурсы, работу творческих объединений в рамках дополнительного образования, встречи с представителями разных профессий, тестирование, экскурсии на производства — словом все то, в чем реально принимал участие их ребенок и принес «обратную связь». Опрошенные испытывали трудности в процессе оценивания эффективности профориентационной работы в школе, однако выделили те дефицитные зоны, которые оказались им доступны. Среди них: объем информирования детей с ОВЗ в рамках их профориентации, наличие квалифицированных специалистов — педагоги в этой области, «живые» встречи с представителями профессий, экскурсии на производства, учет возможностей и потребностей детей с ОВЗ в сфере их профориентации с освещением имеющихся у них трудностей и проблем. Кроме того, по мнению родителей, эта деятельность должна быть адаптирована с учетом потребностей особых детей, с одной стороны, и — с другой, реальных запросов рынка труда, которые предполагают реальную возможность будущего трудоустройства.

2. Анализируя представления родителей о возможности применения медиапрактик для профориентации детей с ОВЗ, можно сделать вывод о том, что они позиционируются в качестве важной составляющей профориентационной работы в школе, которая пока не вышла в свою активную фазу. Только 12% родителей убеждены в том, что педагоги уже сегодня обращаются к ним. Респонденты указывали на включение в эту работу различных видеоматериалов, фрагментов кинофильмов и мультфильмов, реализацию онлайн тестирования и опыт организации онлайн конференций на эту тему. Рассуждая о том, что из медиапрактик они хотели бы предложить включать и далее в профориентационную работу в школе, родители называли творческие видеопроекты, которые им представляются возможными к реализации с детьми с ОВЗ, различные онлайн способы знакомства с профессиями (через онлайн взаимодействия с представителями профессионального сообщества, онлайн экскурсии на производства и проч.), а также индивидуализированное сопровождение этих процессов результатами онлайн тестирования ребенка.

3. Семья сегодня сама обращается к ресурсам медиaprостранства в решении профориентационных задач. Чаще всего родители (23%) отмечали, что знакомы с образовательным форумом «Навигатор поступления», который позволяет строить профессиональные маршруты, опираясь на возможности продолжения обучения и получения специальности в учреждениях среднего и высшего профессионального образования, через знакомство с конкретными ССУЗами и ВУЗами. Во вторую очередь, следует отметить, что родители оказались знако-

мыми с проектом «Билет в будущее», который активно реализуется в школах уральского региона (15%). На третьем месте — альманах профессий будущего «Атлас новых профессий» и Всероссийский проект «Профориентация: уверенное будущее ребёнка» (группа компаний «Просвещение»): по 13% опрошенных соответственно указали на свою осведомленность о них. Кроме того, 36% опрошенных отметили, что имеют личный опыт работы с подобного рода образовательными онлайн проектами, которые используют как по рекомендации педагогов, так и самостоятельно.

5. Ведущими формами профориентации сегодня остаются встречи с представителями работодателей, экскурсии на предприятия, встречи с представителями ССУЗов и ВУЗов и Дни открытых дверей, беседы, консультации (индивидуальные и групповые) с обучающимися, профориентационное тестирование, сотрудничество с колледжами в условиях проведения профпроб по специальностям, занятия «Профминимума», проект «Билет в будущее», сотрудничество с родителями (где родитель, выступая представителем определенной профессии и рода занятий, готов рассказать о их специфике).

6. Опыт использования ресурсов медиа в профориентации и представления педагогов о перспективах медиапрактик в профориентации детей с ОВЗ демонстрируют устойчивую ориентацию на включение медиа в это направление. Несмотря на технические и технологические сложности, имеющиеся в современной школе, учителя уже сегодня достаточно активно применяют целый ряд возможностей медиа, в том числе с детьми с ОВЗ для решения профориентационных задач: это обращение к онлайн профориентационным проектам (напр., «Билет в будущее»), образовательным онлайн порталам (напр., Arzamas.academy), виртуальным кинотеатром «Ноль плюс», виртуальными библиотеками, виртуальными музеями, виртуальным экскурсиям. Дистанционные методы работы с профориентационным контентом представляются педагогам достаточно интересными и возможными к реализации с детьми с ОВЗ. Вместе с тем, фронтальная и групповая профориентационная работа в школе с этим контентом для таких детей оказывается малоэффективной, по мнению педагогов. Она нуждается в сопровождении специалиста психолого-педагогического профиля, в прямой и непосредственной обратной связи, в индивидуализации общения по поводу процесса и результата. Кроме того, ими был сделан вывод о необходимости адаптации медиаконтента для профориентации детей с ОВЗ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.А. Профессиональная навигация по образовательным организациям среднего профессионального образования Псковской области для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья // Ментор. 2023. № 3. С. 79-81.
2. Зарипова Э.А. Педагогическое сопровождение профориентации и профессионального самоопределения детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов // Вестник педагогических наук. 2024. № 1. С. 260-267.
3. Кондратьева С.Ю. Характеристика целостной педагогической системы профориентационной работы с обучающимися разных уровней обучения // Вестник педагогических инноваций. 2024. № 2(74). С. 5-12.
4. Мурзина И.Я., Симбирцева Н.А. Медиапрактики в цифровой среде: образовательный контекст // Управление культурой. 2024. № 4. С. 3-10.
5. Профориентационная работа в школе: мнение учителей, учащихся и родителей / Н. В. Шаброва, Т. В. Дмитриева, В. А. Неделина [и др.] // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. Т. 17, № 3. С. 90-104.
6. Серова Н.А. Профориентация обучающихся в условиях цифровизации // Мир образования — образование в мире. 2024. № 3(95). С. 272-286.
7. Третьякова А.Н. Модернизация профориентационной деятельности как назревшая необходимость // Самоуправление. 2023. № 5(138). С. 259-262.

8. Черкашин Е.О. Большая профориентационная игра / Е. О. Черкашин, Н. Ф. Родичев // Воспитание школьников. 2024. № 7. С. 51–57.
9. Шалагина Е.В. Особенности использования ресурсов медиаобразования в условиях инклюзивной школы: представления родителей детей с ограниченными возможностями здоровья (по результатам прикладного социологического исследования) // Общество. Среда. Развитие. 2024. № 3(72). С. 26–33.

REFERENCES

1. Alekseeva I.A. *Professional'naya navigatsiya po obrazovatel'nyim organizatsiyam srednego professional'nogo obrazovaniya Pskovskoy oblasti dlya obuchayushchihsya s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya* [Professional navigation on educational organisations of secondary vocational education of the Pskov region for students with disabilities] // Mentor. 2023. № 3. S. 79–81. (In Russian).
2. Zaripova E.A. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie proforientatsii i professional'nogo samoopredeleniya detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i detej-invalidov* [Pedagogical support for vocational guidance and professional self-determination of children with disabilities and disabled children] // Vestnik pedagogicheskikh nauk. 2024. № 1. S. 260–267. (In Russian).
3. Kondrat'eva S. Yu. *Harakteristika celostnoj pedagogicheskoy sistemy proforientacionnoj raboty s obuchayushchimisya raznyh urovnej obucheniya* [Characteristics of the integral pedagogical system of career guidance work with students of different levels of education] // Vestnik pedagogicheskikh innovacij. 2024. № 2(74). S. 5–12. (In Russian).
4. Murzina I. Ya., Simbirceva N.A. *Mediapraktiki v cifrovoj srede: obrazovatel'nyj kontekst* [Media Practices in the Digital Environment: An Educational Context] // Upravlenie kul'turoj. 2024. № 4. S. 3–10. (In Russian).
5. *Proforientacionnaya rabota v shkole: mnenie uchitelej, uchashchihsya i roditelej* [Vocational guidance work at school: teachers', students' and parents' opinion] / N. V. Shabrova, T. V. Dmitrieva, V. A. Nedelina [i dr.] // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika. 2024. T. 17, № 3. S. 90–104. (In Russian).
6. Serova N.A. *Proforientatsiya obuchayushchihsya v usloviyah cifrovizatsii* [Career guidance of students in the context of digitalisation] // Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire. 2024. № 3(95). S. 272–286. (In Russian).
7. Tret'yakova A. N. *Modernizatsiya proforientacionnoj deyatel'nosti kak nazrevshaya neobhodimost'* [Modernisation of career guidance activities as an urgent need] // Samoupravlennie. 2023. № 5(138). S. 259–262. (In Russian).
8. Cherkashin E.O. *Bol'shaya proforientacionnaya igra* / E. O. Cherkashin, N. F. Rodichev [Big career guidance game] // Vospitanie shkol'nikov. 2024. № 7. S. 51–57. (In Russian).
9. Shalagina E.V. *Osobennosti ispol'zovaniya resursov mediaobrazovaniya v usloviyah inklyuzivnoj shkoly: predstavleniya roditelej detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya (po rezul'tatam prikladnogo sociologicheskogo issledovaniya)* [Peculiarities of using media education resources in an inclusive school: perceptions of parents of children with disabilities (based on the results of an applied sociological study)] // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2024. № 3(72). S. 26–33. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.005

УДК 316.743:373.21

ББК 60.561.9в682

Н.В. ТКАЧУК

**ДОШКОЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ПРОЕКТ «СТОЙБИЩНАЯ ШКОЛА-САД»:
СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД ПЕДАГОГОВ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА)**

N.V. TKACHUK

**PRE-SCHOOL EDUCATIONAL PROJECT
«CAMP SCHOOL-GARDEN»: THE SUBJECTIVE
VIEW OF TEACHERS (ACCORDING
TO THE SURVEY RESULTS)**

В статье на основе результатов социологического опроса в 2023 г. среди педагогов дошкольного образования, задействованных в реализации пилотного образовательного проекта в Югре «Стойбищная школа –сад», рассматриваются вопросы своевременности и перспективы. Впервые в автономном округе дистанционный формат в области образования представителей из числа коренных малочисленных народов Севера осуществляется с поддержкой цифровых технологий и обусловлен продолжением реализованного в 2019 г. проекта «IT-стойбище». Описана организация стойбищного проекта как новой формы дистанционного образования для детей дошкольного возраста, проживающих на территориях традиционного природопользования.

Объем выборки составил 11 респондентов. Систематизация и обработка социологического инструментария проведены на отечественной программной платформе «Vortex».

В совокупности мнений педагогов отмечается социальная эффективность проекта и выясняется степень его важности на сегодня для решения вопросов предшкольной адаптации детей из семей оленеводов-промысловиков.

Актуальность темы исследования обусловлена распространением образовательного проекта как пример положительной практики в системе дошкольного образования, востребованностью среди семей представителей из числа коренных малочисленных народов Севера, проживающих с детьми на родовых угодьях, а также недостаточностью эмпирических знаний о проекте.

Based on the results of a sociological survey in 2023 among preschool education teachers involved in the implementation of the pilot educational project in Ugra «Campsite Kindergarten School», the article examines the issues of its timeliness and prospects. For the first time in the autonomous okrug, such a remote format in the field of education of representatives from among the indigenous peoples of the North is being implemented with the support of digital technologies and is due to the continuation of the IT-Camp project implemented in 2019. The article describes the organization of the campsite project as a new form of distance education for preschool children living in the territories of traditional nature management.

The sample size is 11 respondents. The systematization and processing of sociological tools were implemented on the domestic software platform «Vortex».

In the aggregate opinion of teachers, the social effectiveness of the project is noted and the degree of its importance at the moment for solving the issue is clarified.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: опрос, проект, коренные малочисленные народы, педагог, школа-сад.

KEY WORDS: survey, project, indigenous peoples, teacher, kindergarten school.

ВВЕДЕНИЕ. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры определяет стратегию внутренней этнокультурной и образовательной политики автономного округа по отношению к представителям титульной нации [7]. В этой связи на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на протяжении шести лет (2019–2024 гг.) действуют два пилотных проекта — «IT-стойбище» и «Стойбищная школа-сад», которые точно, адресно направлены на конкретные территории и получателей доступных цифровых ресурсов. Самими коренными жителями, проживающими на родовых угодьях, была обозначена наиболее востребованная услуга в цифровых сервисах — «Госуслуги», «МФЦ». Так, в 2018 г. инициатором подключения стойбищ к интернету выступил ханты, оленевод Василий Пяк из Белярского района [3].

Порядок включения домохозяйств (семей) в проект «IT-Стойбище» осуществляет Департамент информационных технологий и цифрового развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, администрации муниципальных районов. Прямым продолжением проекта «IT-стойбище» с 2020 г. при поддержке региональных властей, с целью доступности образовательно-воспитательного пространства на территориях традиционного проживания (далее — ТТП) для детей представителей из числа коренных малочисленных народов (далее — КМНС), началась реализация дошкольного образовательного проекта «Стойбищная школа-сад». Куратором и исполнителем проекта выступает профильный Депобразования и науки Югры [5].

Исследования по оцениванию образовательного проекта методом вербально-коммуникативным отсутствуют, за исключением работ авторов А.А. Галямова [1; 2], Н.В. Ткачук [11; 12]. Опубликованы статьи педагогов, специализирующихся на образовательном проекте. В их работах описан опыт создания первых стойбищных садов «Вонт школа» (Лесная школа) [9], «Нъэврэм Моньчъ» (Детская сказка) [4]. Аналитические сведения о проекте, сроки которого спрогнозированы до 2026 г., публикуются на официальных сайтах организаций — непосредственных исполнителей проекта [6; 8; 10]. В работах зарубежных авторов рассматриваются дошкольные проекты, которые реализуются в структуре одного общеобразовательного учреждения [14], необычные условия перехода детей дошкольного возраста в школу, в связи с чем применяется термин «экология» в контексте совокупного влияния дома, семьи, сверстников, привычных условий для успешной и безболезненной адаптации [13].

Проект осуществляется по принципу онлайн-занятий в соответствии с ФГОС дошкольного образования на базе цифровой образовательной платформы «Мобильное электронное образование» (МЭО). МЭО способствует эффективному применению дистанционных образовательных занятий с детьми в детских садах. Для повышения компетенций педагогов было спланировано обучение в рамках системы непрерывного повышения квалификации и успешной работы в системе МЭО.

Подключение и занятия с детьми проходят дистанционно на базе муниципальных бюджетных дошкольных образовательных учреждений (далее — МБДОУ) «Детский сад» в Сургутском, Белоярском, Нефтеюганском районах автономного округа с обратной связью на местах проживания семей оленеводов-промысловиков.

В формате групп кратковременного пребывания до 4 часов ежедневно, онлайн-общение детей, родителей и педагогов составляет ежедневно не более 3 занятий, каждое продолжительностью 15 минут. Обучение происходит совместно с родителями. В работе образовательного проекта задействованы штатные педагоги МБДОУ с опытом и стажем работы в педагогической сфере.

ЦЕЛЬ статьи — на основе данных социологического опроса выявить и проанализировать оценки педагогов-воспитателей о ходе реализации дошкольного образовательного проекта «Стойбищная школа-сад».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основным материалом исследования являются результаты опроса группы педагогов-воспитателей ($n^1=11$), осуществляющих тьюторское сопровождение семьям в ходе реализации проекта «Стойбищная школа-сад».

Для проведения опроса была разработана анкета, включающая 18 смешанных вопросов открытого и закрытого типа. С помощью программного обеспечения анализа социологической информации «Vortex» осуществлена кодировка и систематизация всех (без выбраковки) 11 анкет.

Кроме описательного метода, в качестве вспомогательного применён анализ официальных документов (Концепция, Приказ).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В анкетировании из шести муниципальных детских образовательных учреждений, на базе которых открыты стойбищные группы, приняли участие педагоги пяти детских садов (табл. 1).

Таблица 1. **Образовательное учреждение, в котором Вы работаете (Стойбищная школа-сад)? % в абсолютных цифрах**

Значения	Частота	% от опрошенных
МБДОУ «Детский сад «Город детства» (стойбищная школа-сад «Няврем моньч» Детская сказка) (г. Лянтор)	3	27,3
МБДОУ детский сад «Медвежонок» (Стойбищная школа-сад «Ай пуп-эли» Медвежонок) (д. Каюково Сургутский район)	1	9,1
НРМДОБУ «Детский сад Медвежонок» (д.Чеускино Нефтеюганский район)	1	9,1
МАДОУ «Детский сад «Оленёнок» (с.Казым, Белоярский район) ²	0	0,0
СОШ с. Полноват («Стойбищная школа-сад имени Юрия Вэллы» Тугины, Пашторы Белоярский район)	3	27,3
МБОУ «Нижнесортимская СОШ» филиал «Детский сад «Рябинка» (д. Русскинская) (стойбищная школа-сад «Вонт школа» Лесная школа)	3	27,3
Итого:	11	100,0

Краткая социально-демографическая характеристика респондентов.

Среди опрошенных: респонденты молодого возраста до 35 лет (27,3%), среднего возраста (36,4%), остальные (36,3%) не указали паспортный возраст. Национальный состав участников опроса представлен: ханты (54,5%), русская (9,1%) и ногайка (9,1%); 27,3% не ответили на вопрос о национальной принадлежности. Среди респондентов преобладают опрошенные с высшим образованием (54,5%), работающие в образовательных организациях: «Детский сад «Город детства» (стойбищная школа-сад «Няврем моньч» Детская сказка) (г. Лянтор), «Детский сад Медвежонок» (д. Чеускино, Нефтеюганский район), «Нижнесортимская СОШ» филиал «Детский сад «Рябинка» (д. Русскинская) (стойбищная школа-сад «Вонт школа» Лесная школа). На вопрос об образовании два респондента в анкете указали: «Неоконченное высшее педагогическое», «Среднее специальное. Учитель начальных классов с дополнительной подготовкой в области родного языка и литературы (по предмету «Хантыйский язык»).

По мнению педагогов, как одних участников образовательного процесса, проект «Стойбищная школа — сад» актуален для семей промысловиков-оленьеводов, специфика заключается в адресности: «Дети коренных народов, проживающие с родителями на родовых угодьях, проходят адаптацию к школе без отрыва от семьи» (18,2%), «Проект своевременный, продуман для детей и родителей» (18,2%).

¹ где n= число опрошенных

² Не участвовали в опросе 2023 г.

В ходе реализации проекта у педагогов приобретается новый опыт и складывается субъективное оценочное мнение. На вопрос об уровне организации дистанционного обучения по проекту «Стойбищная школа-сад» ответили, что проект соответствует требованиям ФГОС и организован на высоком уровне (91%). Оставшийся показатель (9%) ответов с положительным оцениванием, но с дополнительной поправкой о роли живой вербальной коммуникации в познавательной деятельности с детьми дошкольного возраста, эффективнее дистанционной формы: «Дистанционное образование никогда не заменит живого общения» (из ответа респондента).

Опрошенные согласны с суждением, что образовательный проект «Стойбищная школа-сад» — это возможность гармоничного воспитания детей КМНС в условиях природной среды» (72,7%). Считают, что появление новой (дистанционной) формы в системе образования продиктовано социальной реальностью. Проект занял твёрдо своё место, притом вне стандартных условий (на родовых угодьях) (9,1%).

На вопрос «Как Вы считаете, существует ли перспектива развития проекта?» в совокупности 90,9% видят развитие проекта в будущем: «Да, перспектива есть», «Считаю проект очень необходим», «Дистанционное образование может и должно занять своё место в системе образования», «Есть перспектива, но в работе проекта должны быть заинтересованные люди — носители языка и этнической культуры», один респондент с ответом о минимальной эффективности (9,1%) (табл. 2).

Таблица 2. Как Вы считаете, есть ли перспектива развития проекта?

Значения	% от опрошенных
Да, перспектива есть	63,6
Считаю, проект очень необходим	18,2
Минимальная	9,1
Дистанционное образование может и должно занять своё место в системе образования	9,1
Есть перспектива. Но в работе проекта должны быть заинтересованные люди — носители языка	9,1
Итого:	100,0

На момент проведения опроса, от начала его реализации было три года, следовательно, некоторый опыт тьюторской поддержки семей на родовых угодьях педагогами уже был накоплен, что позволило им заключить, о том, что именно дистанционный формат подходит для труднодоступных территорий.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, целесообразно ли организовывать модель стойбищная школа-сад в Вашем районе?» 2023 г., %

Значения	% от опрошенных
Да, целесообразно	81,8
Минимально	9,1
Наверно	9,1
Итого:	100,0

Респонденты считают, что целесообразно организовывать модель «стойбищная школа-сад» в районе (81,8%). Как видно из таблицы 3, у небольшой доли опрошенных возникли сомнения (9,1%), другие видят минимум эффективности (9,1%) (табл. 3).

Как известно, образовательный проект включает в себя различные аспекты организации удалённых занятий с детьми представителей из числа КМНС, реализуется в нестандартных

неаудиторных условиях, в обстановке языкового билингвизма (русский/этнический), следовательно, предполагает наличие методов и методического сопровождения. В этой связи респондентам-педагогам были заданы следующие вопросы: «Как Вы считаете, готовы ли молодые начинающие педагоги работать в рамках проекта «Стойбищная школа-сад?», «Какие методики, технологии в обучении детей Вы применяете для сохранения родного языка детьми из числа КМНС?», «По Вашему мнению, образовательный проект способствует сохранению родных языков, традиций, обычаев для детей из числа КМНС?».

На вопрос о готовности работать в рамках проекта уверенно ответили 63% от числа опрошенных. Отрицаний в ответах не было. Принять участие в тьюторском сопровождении подобного рода проекта, со слов респондентов: «...не все педагоги готовы» (27,3%). Свои ответы респонденты обосновывают фактом кадрового дефицита среди педагогов из числа представителей коренных малочисленных народов Севера: «В нашем ДООУ нет ни одного педагога из числа КМНС», «Да, будут желающие, если создать условия. Найдутся, кто привязаны к своей земле и могут реализовать свои этнические знания на деле», «Сложно найти педагога из числа КМНС и со знанием родного (хантыйского) языка», «Необходимо учесть и привлекать в работу с детьми ханты заинтересованных людей, которые ближе ментально к представителям коренной национальности и являются носителями родного языка (хантыйского, нененецкого) и традиционной культуры» (9,1%). Как видно, на вопрос о привлечении молодых специалистов, в контексте высказываний прослеживается тема этнокультурного подхода.

Педагоги, которые работают с детьми стойбищных групп «Няврем моньч» (Детская сказка (г. Лянтор), «Стойбищная школа-сад имени Юрия Вэллы» (д. Тугины, Пашторы Белоярский район), (стойбищная школа-сад «Вонт школа» Лесная школа) (д. Русскинская, Сургутский район), указали национальность ханты (54%). При постановке вопросов о сохранении этноязыковых компетенций среди воспитанников педагоги ответили, что в работе применяют личные методические разработки с элементами традиционных знаний: «Использую настольные игры с элементами названий на родном (хантыйском) языке (9,1%)»; «Провожу тематические занятия на двух языках (хантыйский/русский), например, по темам: «Времена года», «Названия дней недели», «Спортивные состязания коренных народов» и др. (9,1%); «На занятиях изобразительного искусства знакомимся с детьми с традиционными орнаментами, игрушками ханты» (9,1%), «Использую в работе сказки Г.П. Лаптевой» (9,1%), «Родной язык не применяю на занятиях, так как не владею языком КМНС» (9,1%).

На вопрос, «По Вашему мнению, образовательный проект способствует сохранению родных языков, традиций, обычаев для детей из числа КМНС?» опрошенные чаще отвечали утвердительно (63,6%).

Таблица 4. По Вашему мнению, образовательный проект способствует сохранению родных языков, традиций, обычаев для детей из числа КМНС? 2023 г., %

Значения	% от опрошенных
Да, способствует	63,6
Да, но при условии привлечения родителей, участников образовательного процесса	9,1
Может поспособствовать	9,1
В нашем случае нет. Педагог должен быть носителем языка— ханты.	9,1
Итого:	90,9

* Пропуски: 1 из 11 (9,1%)

Другие (18,2%) считают, что в ходе проекта могут складываться благоприятные условия для языковой сохранности и традиционной культуры, но с активным участием родителей,

как соакторов образовательного процесса. Один ответ респондента (МБДОУ «Няврем моньч» («Детская сказка») г. Лянтор) сформулирован в контексте этнокультурного подхода в работе с детьми стойбищных групп: «В нашем случае нет, не способствует. Педагог должен быть носителем языка ханты» (9,1%) (табл. 4).

Вокруг организации образовательного проекта сформировался и объединился педагогический социум, и для части педагогов, которые с самого начала реализации проекта, актуальным является вопрос о дополнительном обучении. Выяснилось, что 54,6% опрошенных выразили желание пройти обучающие занятия, которые фокусируются на теоретическом и практическом применении: «Всегда есть необходимость в дополнительном обучении (курсы, мастер-классы, вебинары, тренинги и пр.)»; «Необходима подготовка наставников, обеспечивающих реализацию дистанционного обучения».

Таблица 5. **Есть ли необходимость в дополнительном профессиональном обучении педагогов, наставников, которые вовлечены в работу с детьми в рамках проекта?**

Значения	% от ответивших
Да, обязательно	54,5
Нет необходимости	45,5

Другая часть опрошенных не видят необходимости в дополнительном обучении (45,5), наоборот, считают, что в рамках проекта предусмотрена совместная работа с родителями, и для взаимодействия детского сада с семьёй не помешали бы практические тренинги для родителей, чтобы помочь ребёнку в адаптации (табл. 5).

ВЫВОДЫ. Первичный опрос мнения педагогов, задействованных в рамках пилотного проекта «Стойбищная школа-сад», показал, что удовлетворённость ходом реализации дистанционной образовательной формы для детей из числа КМНС, осуществляемой в Нижневартовском, Сургутском, Белоярском районах округа, разделяют большинство участников опроса. Образовательная модель характеризуется респондентами как своевременная. Педагоги, как участники образовательного процесса, считают, что для достижения запланированного результата проекта, заключённого в формировании адаптационных навыков дошкольной подготовки у детей дошкольного возраста, учтены условия.

Обеспечивая реализацию образовательного проекта в условиях территорий традиционного природопользования, респонденты обозначили проблемные вопросы: о кадровом составе педагогов из числа представителей КМНС, владеющих воспитательными приёмами и формами, базирующимися на этнопедагогике и традиционных знаниях в области родного (этнического) языка, традиционной культуры; о необходимости в методическом обеспечении по этнокультурному образованию.

Проект отвечает основным компонентам: предусмотрена ресурсная поддержка на региональном уровне, направленность объекта на целевую аудиторию (семьи из числа КМНС, проживающие на родовых угодьях).

Недостаточно научных исследований о достигаемых целях внутренней дошкольной системы оценки качества образования в рамках проекта «Стойбищная школа-сад», за исключением аналитических отчётов педагогов ДОУ «Детский сад».

ЛИТЕРАТУРА

1. Галямов А.А. Актуальность реализации проекта «Стойбищная школа-сад» для детей из числа коренных малочисленных народов Севера (по результатам мониторинга 2022 года) // Социодинамика. 2022. № 12. С. 59–67.
2. Галямов А.А. Предварительные результаты мониторинга пилотного проекта «Стойбищная школа — сад» за 2022 год // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции

- и инновации: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 20 декабря 2022 года. Тюмень: ФОРМАТ-72, 2023. С. 293–297.
3. IT — стойбище URL: [//depit.admhmao.ru/it-stoybishche/](https://depit.admhmao.ru/it-stoybishche/) // Департамент информационных технологий и цифрового развития Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (дата обращения: 03.02.2025).
  4. Лаптева Г.П. Развитие речи дошкольников на IT — стойбище — «Стойбищная школа-сад» // Кочевье: создание условий для сохранения и развития языков коренных малочисленных народов: Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции, 20 апреля 2023, Якутск. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2023. С. 63–66.
  5. О внесении изменений в приказ Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29 мая 2020 года № 798 «О присвоении статуса окружных пилотных площадок образовательным организациям, реализующим проект «Стойбищная школа-сад» // Департамент образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <https://depobr.admhmao.ru/dokumenty/prik/5844929/> (дата обращения: 26.01.2025).
  6. Отчёт о работе по реализации инновационного проекта (программы) «Стойбищная школа-сад «Ньэврэм моньчэ «Детская сказка» за 2023–2024 учебный год // Департамент образования администрации Сургутского района. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Аналитическая+информация+об+итогах+реализации+регионального+образовательного+проекта+«Стойбищная+школа-сад»+в+2022–2023+учебном+году+I.+Статистическая+информация&clid=2270455&banerid=6400000000%3A6375e0bc3e2df4ad70406553&win=371&lr=57> (дата обращения: 28.01.2025)
  7. План мероприятий по реализации Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера // Сайт "Коренные малочисленные народы" Правительство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <https://kmns.admhmao.ru/kontseptsiya/plan-meropriyatiy-po-realizatsii-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya-korennykh-malochislennykh-narodo/5835092/za-period-2021–2024-gody/> (дата обращения: 26.01.2025).
  8. Региональный образовательный проект Стойбищная школа-сад // Сургутский муниципальный район Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrjRXIUFoewruLi6nA297QI8_qvwujgkljRRHnGJyg-PaTtR4RORHh-4svw1Q3cFdh-pq6uS7i1kN2_o201fARVM2KlJmBsnoHEdljGZBzWtmPtRljlA2hsHrci-aj67QrMZoJl3zco3qjw%3D%3D%3Fsign%3DcljaK84G2ThY1VZCfFYyENS3EnYcpxQvBknosNuGMj-k%3D&name=b65dc8a1-529f-44b1-9e02-817df8d5e0a60a59bbc3-475e-477a-b247-974e9a1d3fcf.docx&nosw=1 (дата обращения: 28.01.2025).
  9. Сайнакова Т.А. Мобильное электронное образование в стойбищной школе-саде // Кочевье: создание условий для сохранения и развития языков коренных малочисленных народов: Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции, 20 апреля 2023 года, Якутск, Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2023. С. 100–102.
  10. Сургутский район презентовал проект стойбищной школы на международной выставке — Администрация сельского поселения Русскинская. URL: <https://russadm.ru/2022/09/16547/> (дата обращения: 29.01.2025).
  11. Ткачук Н.В. Дошкольное этнокультурное образование на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Югры на примере образовательного проекта «Стойбищная школа-сад» // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25. № 2. С. 54–61.
  12. Ткачук Н.В. Проект «Стойбищная школа — сад» (на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры) // Социальная компетентность. 2023. Т. 8, № 1. С. 129–136.
  13. Rimm-Kaufman S. E, Pianta R.C. An Ecological Perspective on the Transition to Kindergarten: A Theoretical Framework to Guide Empirical Research, *Journal of Applied Developmental Psychology*. Volume 21. Issue 5. 2000. S. 491–511. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0193397300000514> (дата обращения: 10.02.2025).
  14. Vitiello V.E., Pianta R.C., Whittaker J.E., Ruzek E.A. Alignment and misalignment of classroom experiences from Pre-K to kindergarten, *Early Childhood Research Quarterly*. Volume 52. Part B. 2020, S. 44–56.

URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0885200619301036>.
10.02.2025).

(дата обращения:

REFERENCES

1. Galyamov A.A. Aktual'nost' realizacii proekta «Stojbishchnaya shkola-sad» dlya detej iz chisla korenyh malochislennyh narodov Severa (po rezul'tatam monitoringa 2022 goda) [The relevance of the implementation of the "Campsite Kindergarten School" project for children from among the indigenous peoples of the North (based on the monitoring results of 2022)] // Sociodinamika. 2022. № 12. S. 59–67. (In Russian).
2. Galyamov, A. A. Predvaritel'nye rezul'taty monitoringa pilotnogo proekta «Stojbishchnaya shkola — sad» za 2022 god [Preliminary monitoring results of the pilot project "Camp school — garden" for 2022] // Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii: Materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoj konferencii, Hanty-Mansijsk, 20 dekabrya 2022 goda. Tyumen': FORMAT-72, 2023. S. 293–297. (In Russian).
3. IT — stojbishche [Aichi camp]. Departament informacionnyh tekhnologij i cifrovogo razvitiya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga-Yugry. URL: <http://depit.admhmao.ru/it-stoybishche/> (data obrashheniya: 03.02.2025). (In English).
4. Lapteva G.P. Razvitie rechi doshkol'nikov na IT — stojbishche — «Stojbishchnaya shkola-sad» [Speech development of preschoolers at the Aichi camp — "Camp school-garden"] // Kochev'e: sozdanie uslovij dlya sohraneniya i razvitiya yazykov korenyh malochislennyh narodov: Sbornik materialov Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, 20 aprelya 2023, Yakutsk. Kirov: Mezhregional'nyj centr innovacionnyh tekhnologij v obrazovanii, 2023. S. 63–66. (In Russian).
5. O vnesenii izmenenij v prikaz Departamenta obrazovaniya i molodyozhnoj politiki Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry ot 29 maya 2020 goda № 798 «O prisvoenii statusa okruzhnyh pilotnyh ploshchadok obrazovatel'nym organizacijam, realizuyushchim projekt «Stojbishchnaya shkola-sad» [On Amendments to the Order of the Department of Education and Youth Policy of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra dated May 29, 2020 No. 798 "On Awarding the status of District Pilot Sites to Educational Organizations Implementing the Campsite Kindergarten Project"]. Departament obrazovaniya i nauki Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry. URL: <https://depobr.admhmao.ru/dokumenty/prik/5844929/> (data obrashheniya: 26.01.2025). (In Russian).
6. Otchyot o rabote po realizacii innovacionnogo proekta (programmy) «Stojbishchnaya shkola-sad» «N'evrem mon'ch'» «Detskaya skazka» za 2023–204 uchebnyj god [Report on the work on the implementation of the innovative project (program) "Campsite kindergarten "Nvram monch "Wild Tale" for the 2023–2024 academic year]. Департамент образования администрации Сургутского района. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Аналитическая+информация+об+итогах+реализации+регионального+образовательного+проекта+«Стойбищная+школа-сад»+в+2022-2023+учебном+году+I.+Статистическая+информация&clid=2270455&banerid=6400000000%3A6375e0bc3e-2df4ad70406553&win=371&lr=57> (data obrashheniya: 28.01.2025). (In Russian).
7. Plan meropriyatij po realizacii Konceptii ustojchivogo razvitiya korenyh malochislennyh narodov Severa [Action plan for the implementation of the Concept of Sustainable Development of the Indigenous peoples of the North]. Sajt \"Korennye malochislennye narody\" Pravitel'stvo Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry. URL: <https://kmns.admhmao.ru/kontseptsiya/plan-meropriyatij-po-realizatsii-kontseptsii-ustojchivogo-razvitiya-korenykh-malochislennykh-narodo/5835092/za-period-2021-2024-gody/> (data obrashheniya: 26.01.2025). (In Russian).
8. Regional'nyj obrazovatel'nyj projekt Stojbishchnaya shkola-sad [Regional educational project Campsite school-garden]. Surgutskij municipal'nyj rajon Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga-Yugry. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXIUfoewruLi6nA297QI8_qvwuj-gkljRRHnGjygPaTtR4RORHh4svw1Q3cFdh-pq6uS7i1kN2_o201fARVM2KlJmBsnoHEldjGZBzWtmPtRljlA-2hsHrciaJ67QrMZojJ3zco3qjw%3D%3D%3Fsign%3DcljaK84G2ThY1VZCfYyENS3EnYcpxQvBknosNuG-Mjk%3D&name=b65dc8a1-529f-44b1-9e02-817df8d5e0a60a59bbc3-475e-477a-b247-974e9a1d3fcf.docx&nosw=1 (data obrashheniya: 28.01.2025). (In Russian).

9. Sajnakova T.A. *Mobil'noe elektronnoe obrazovanie v stojbishchnoj shkole-sade* [Mobile e-education in the camp garden school] // Kochev'e: sozdanie uslovij dlya sohraneniya i razvitiya yazykov korennyh malochislennyh narodov: Sbornik materialov Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, 20 aprelya 2023, Yakutsk. Kirov: Mezhhregional'nyj centr innovacionnyh tekhnologij v obrazovanii, 2023. S. 100-102. (In Russian).
10. *Surgutskij rajon prezentoval proekt stojbishchnoj shkoly na mezhdunarodnoj vystavke — Administraciya sel'skogo poseleniya Russkinskaya* [Surgut district presented the project of a campsite school at the international exhibition — Administration of the rural settlement of Russkinskaya] URL: <https://russadm.ru/2022/09/16547/> (data obrashheniya: 29.01.2025). (In Russian).
11. Tkachuk N.V. *Doshkol'noe etnokul'turnoe obrazovanie na territoriyah tradicionnogo prirodopol'zovaniya korennyh malochislennyh narodov Yugry na primere obrazovatel'nogo proekta «Stojbishchnaya shkola-sad»* [Pre-school ethno-cultural education in the territories of traditional nature management of the indigenous small-numbered peoples of Ugra on the example of the educational project "Camp school-garden"] // Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura. 2024. T. 25, № 2. S. 54-61. (In Russian).
12. Tkachuk N.V. *Proekt «Stojbishchnaya shkola — sad» (na primere Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okrug — Yugry)* [The "Campsite school — garden" project (using the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra)] // Social'naya kompetentnost'. 2023. T. 8, № 1. S. 129-136. (In Russian).
13. Rimm-Kaufman S. E., Pianta R.C. *An Ecological Perspective on the Transition to Kindergarten: A Theoretical Framework to Guide Empirical Research* // Journal of Applied Developmental Psychology, Volume 21, Issue 5, 2000, S. 491-511, URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0193397300000514> (data obrashheniya: 10.02.2025). (In English).
14. Vitiello V.E., Pianta R.C., Whittaker J.E., Ruzek E.A. *Alignment and misalignment of classroom experiences from Pre-K to kindergarten* // Early Childhood Research Quarterly, Volume 52, Part B, 2020, S. 44-56, URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0885200619301036> (data obrashheniya: 10.02.2025). (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.006

ББК 60.561.9

УДК 316.74:378.046.4

Д.И. БОГДАН,
О.В. ВЛАСОВА**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К АНАЛИЗУ КАЧЕСТВА НЕПРЕРЫВНОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**D.I. BOGDAN,
O.V. VLASOVA**METHODOLOGICAL APPROACHES
TO THE ANALYSIS OF THE QUALITY
OF CONTINUOUS PEDAGOGICAL
EDUCATION**

В статье рассмотрены понятия «качество» в целом, «качество образования» и его нормативная составляющая; основные подходы и социологические теории качества образования (профессионального образования), его показатели и критерии; характерные черты качества педагогического образования. Определены ключевые критерии и показатели непосредственно качества непрерывного педагогического образования.

The article examines the concepts of «quality» in general, «quality of education» and its normative component; the main approaches and sociological theories of the quality of education (professional education), its indicators and criteria; characteristic features of the quality of pedagogical education. The key criteria and indicators of the quality of continuous pedagogical education.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: качество образования, педагогическое образование, непрерывное педагогическое образование.

KEY WORDS: quality of education, pedagogical education, continuous pedagogical education.

ВВЕДЕНИЕ. Качество непрерывного педагогического образования представляет собой сложную междисциплинарную проблему, находящуюся на стыке целого ряда специализированных наук об образовании. Интересующий нас социологический ракурс рассмотрения предполагает обращение, в первую очередь, к социологии образования и ее подотраслям — социологии профессионального образования и социологии педагогического образования, а также социологии профессий.

ЦЕЛЬ статьи — показать возможности использования методологических подходов для разработки проблемы изучения качества непрерывного педагогического образования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для содержательного анализа категории «качество непрерывного педагогического образования» нами будут рассмотрены: понятия «качество» в целом, «качество образования» и его нормативная составляющая; основные подходы и социологические теории качества образования (профессионального образования), его показатели и критерии; характерные черты качества педагогического образования. И в завершении необходимо определить ключевые критерии и показатели непосредственно качества непрерывного педагогического образования с позиции социологии.

Переходя к анализу качества образования, представим вначале его нормативное определение. «Качество образования — комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [13].

По мнению С.И. Григорьева, исторически социальная роль, ценности образования и механизм их воспроизводства в обществе изменялись: «...развитие образования и общества в XX в. создали такую ситуацию, когда жизнестойкость и уровень прогресса общества, развития личности стали в основном обеспечиваться качеством образования, его соответствием требованиям времени, динамике изменения социального пространства, его культурных констант во всех основных сферах бытия человека» [5, с. 109]. Автор отмечает, что вопросы качества образования межинституциональны, затрагивают все сферы жизни современного человека и во многом определяют его дальнейший успех и положение в обществе.

Д. Грин и Л. Харви показали неоднозначность трактовки рассматриваемого понятия для разных субъектов образования. Авторы продемонстрировали, что понятие «качество образования» может быть многоуровневым и рассматриваться как минимум в пяти плоскостях [14]: 1) качество как отличительная черта, например, соответствие стандартам; 2) качество как совершенство или состоятельность, то есть отсутствие дефектов; 3) качество как соответствие целям, например, потребителей, производителем и др.; 4) качество как ценность, производимая государством для общества; 5) качество как преобразование. Анализируя эти пять интерпретаций, В.Л. Тамбовцев и И.А. Рождественская пришли к выводу, что некоторые из представленных групп определений не имеет смысла разделять. «Действительно различными представляются такие смыслы понятия качества какого-то объекта, как, во-первых, соответствие некоторой общепринятой категории, с вариантами: (1) совершенство в своей категории, наиболее высокий уровень тех свойств, которые определяют соответствующую категорию, и (2) степень соответствия минимальным значениям свойств, определяющих некоторую категорию» [12, с. 4].

На существующие проблемы интерпретации и понимания качества образования с разных позиций участников образовательного процесса указывают и Х. Вельзонт, Л. Кроуфорд, С. Пульс-Элвидж и Л. Шиндлер. Они отмечают, качество образования — «трудноуловимый термин», используемый во всех научных областях и различными заинтересованными сторонами (поставщики (образовательные организации, управленцы), пользователи продукта (студенты), работники сектора (педагоги) пользователи результатов (работодатели, например, школы)), и у каждой группы свой взгляд на качество [16]. Например, обучающиеся связывают качество с конкретным учебным заведением и программой, которую они осваивают, а школы заинтересованы в квалифицированных сотрудниках-учителях. Еще одной чертой качества образования является его динамичный характер, зависящий от образовательной, экономической, политической и социальной обстановки [16].

В итоге авторы выделяют четыре различные категории показателей качества образования: 1) административные показатели (разработка соответствующей миссии и видения, установление институциональной легитимности, достижение внутренних/внешних стандартов и целей, привлечение ресурсов для оптимального функционирования учреждения); 2) показатели поддержки учащихся (набор показателей качества, которые относятся к доступности и оперативности служб поддержки учащихся (кафедра, деканат, различные отделы и управления); 3) показатели обучения (компетентность преподавателей, содержание программ и курсов, которые готовят студентов к трудоустройству). Первые три категории ориентированы на желаемые результаты обучения и образовательные ресурсы, доступные обучающимся. Последней категорией являются показатели успеваемости учащихся, направленные на результаты, успехи в обучении (расширение знаний, навыков и умений, которые ведут к высокооплачиваемой работе) [16].

Рассмотрим теперь подробнее предлагаемые отечественными учеными критерии и индикаторы для оценки качества образования. Е.Д. Обревко и С.Ю. Сергеева отмечают, что «...качество образования — это многоплановая категория и критерии ее оценки могут быть самыми разными» [10, с. 163]. Они выделяют четыре основных взаимодополняющих аспекта оценки качества образования: гарантированное соблюдение базовых стандартов и эталонов; достижение поставленных целей на всех этапах образовательного процесса; способность удовлетворять

запросы и ожидания потребителей образовательных услуг, а также участников рынка труда; стремление к усовершенствованию процесса обучения [10, с. 163].

К.В. Павленко, определяя качество образования как соответствие образовательного результата (процесса, системы) заданным нормам (потребностям, ожиданиям и др.), помимо этого акцентирует внимание еще на одном социальном компоненте — согласованности всех субъектов образовательного процесса [9, с. 132]. Автор выделяет несколько источников для определения критериев оценки качества, применяя которые к педагогическому образованию, мы можем получить следующую систему. В рамках гражданского порядка (коллективного интереса) критерием оценки его качества являются привитие обучающимся ценностей и норм учительской профессии и его стремление оставаться в системе образования и профессии. Рыночный порядок (индивидуальный интерес) задает основным критерием удовлетворенность конкретного субъекта (не только самого обучающегося или педагога, но и его работодателя или ученика) получаемым или полученным образованием. Также источником критериев для оценки может служить профессиональное сообщество, в которое включен педагог (его соответствие профессии, профессиональному стандарту).

Непосредственно педагогическое образование можно получить на двух уровнях — среднем профессиональном и высшем. Соответственно, прежде чем коснуться качества педагогического образования в целом, вначале мы рассмотрим специфику трактовок и критериев качества образования на каждом из обозначенных уровней.

И.Н. Леденева под качеством среднего профессионального образования (подготовки кадров) понимает «сбалансированное соответствие всех характеристик выпускаемых специалистов целям, потребностям, требованиям, нормам и стандартам» [7, с. 154]. Автор выделяет такие его критерии, как качество требований в виде целей, стандартов и норм, необходимых ресурсов (образовательных программ, кадрового потенциала, материально-технического обеспечения, финансирования и т.д.); качество условий в виде вложений в образование; качество образовательных процессов, выраженных в учебной и научной деятельности, управлении, образовательных технологиях; качество результатов деятельности среднего профессионального учебного заведения, выражающиеся через текущие и итоговые результаты обучения студентов, данные о трудоустройстве и карьерном росте выпускников, их востребованность на рынке труда, уровень заработной платы и др.

В модели В.А. Беликова, Д.И. Павленко, П.Ю. Романова, А.М. Филиппова выделяются следующие критерии качества образовательной деятельности, учитывающей не только обучение в колледже, но и взаимодействие с работодателем: 1) наличие, стабильность и степень удовлетворенности интереса к выбранной профессии; 2) уровень овладения обучающимися учебно-познавательной, учебно-профессиональной и профессиональной деятельности; 3) мотивы, установки и ценностные ориентации обучающихся в аспекте выбранной профессии; 4) уровень овладения общими теоретическими, базовыми учебно-профессиональными и базовыми профессиональными знаниями; 5) общие результаты производственной деятельности обучающихся на предприятии [2, с. 27].

Н.Ш. Никитин и П.Е. Щеглов выделили следующие критерии качества подготовки специалистов [8, с. 46–59]: набор теоретических знаний и практических умений, навыков, необходимых для будущей деятельности, получения дохода и принесения общественной пользы; развитые личностные и профессиональные качества (кругозор; уровень интеллекта (умение решать сложные задачи различного характера, абстрактное мышление); личностно-психологические характеристики (организаторские способности, самостоятельность в принятии решений, чувство ответственности за свои действия и т.д.), необходимые для успешной профессиональной и общественной деятельности (жизни); здоровье и физические навыки, обеспечивающие высокую работоспособность; высокий уровень воспитания и культуры.

По мнению Л.Р. Вышегуровой [4, с. 54–55], при анализе проблемы оценки качества высшего образования на основе субъективных характеристик к основным показателям можно отнести

следующие параметры: мониторинг качества знаний (академическая успеваемость), уровень воспитанности студентов, степень развитости личности студента (сформированность устойчивой мотивации познания студентов, итоги участия студентов в научно-исследовательской деятельности, участие студентов в научных конференциях, конкурсах, олимпиадах), показатели здоровья студента в динамике, которые позволяют отслеживать отрицательные эффекты (последствия) образовательного процесса (перегрузка, переутомление, появление дефектов здоровья), духовно-нравственное развитие личности студента.

Г.Е. Зборовский и П.А. Амбарова в отношении качества высшего образования вводят понятие «полисубъектность», суть которого заключается в том, что интересы субъектов образования, прямо или косвенно включенных в образовательный процесс (ученики, студенты, их родители, преподаватели, менеджеры разных уровней управления, работодатели, стейкхолдеры), часто не соотносятся, а порой и противоречат друг другу [6, с. 149].

В основу исследования качества непрерывного педагогического образования будут заложены три взаимодополняющие теории. Во-первых, это теория высшего порядка — теория человеческого капитала, являющаяся фундаментальной концепцией для исследования непрерывного образования, так как именно оно играет существенную роль в трансформации требований ко всем категориям работников: уже недостаточно получить диплом об образовании, речь идет о постоянном совершенствовании своих знаний, навыков и компетенций для поддержания своей конкурентноспособности. В рамках этой теории образование становится важнейшим фактором производства и накопления человеческого капитала, который формируется за счет инвестиций в человека — в обучение и подготовку, здоровье, миграцию и др. При этом образование является еще и источником будущих заработков и, как следствие, источником удовлетворения потребностей. Однако для улучшения материального благополучия работника и развития той отрасли, в которой он работает, необходимы дополнительные вложения (инвестиции) в образование. Идеи взаимосвязи образования и человеческого капитала заложены в трудах П. Бурдье, Г. Беккера и Дж. Коулмана. Среди отечественных ученых необходимо выделить работы Е.В. Анишина, Н. Багаудинова, Е. Жильцова, В.В. Радаева и другие.

Во-вторых, теории среднего уровня — теории непрерывного образования, образования взрослых и людей «серебряного возраста». Концептуальные основания непрерывного образования, тесно связанного с теорией человеческого капитала, были заложены в документах ЮНЕСКО и Организации экономического сотрудничества и развития, и развивались в работах А.П. Владиславлева, С.Г. Вершловского, М.К. Горшкова, Г.А. Ключарева, Е.И. Огарева, В.Н. Онушкина, Ф.Э. Шереги и других. Непрерывное образование («образование в течение всей жизни») согласно документам ЮНЕСКО, основывается на «интеграции обучения и жизни в целом, охватывая учебную деятельность для людей всех возрастов (детей, молодежи, взрослых и пожилых людей, девочек и мальчиков, женщин и мужчин) во всех жизненных контекстах (семья, школа, общество, работа и др.) и с помощью различных форм (формальных, неформальных и информальных), которые в совокупности удовлетворяют широкому спектру потребностей в обучении» [15].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Переходя к теме качества непрерывного педагогического образования, можно обратиться формулировке М. Барбер и М. Муршед: «качество системы образования не может быть выше качества работающих в ней учителей» [1]. Ученые говорят о взаимосвязи и взаимозависимости всей системы образования (и его подотрасли — педагогического образования) со всеми системами общества. Таким образом, от качества подготовки будущих учителей зависит не просто эффективность самого образования, а развитие нашей страны [3, с. 4–18].

Проведя системный анализ, О.В. Андрюшкова, А.Г. Бермус, АА. Власова, С.Г. Григорьев, М.А. Червонный говорят о том, что зачастую под «качеством непрерывного педагогического образования» понимается следующее: «совокупность более или менее формальных критериев отдельных программ, видов и форм деятельности, ресурсной базы и процедур измерения»

[11]. Но такой подход авторы критикуют за передачу ответственности по оценке качества внешним участникам (управленческим органам), оставляя без внимания внутренних заинтересованных лиц (самих педагогов, студентов и других). Рассматривая модели качества в четырех университетах (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; Томский педагогический университет, Томск; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский городской педагогический университет, Москва) они выделяют в качестве одной из особенностей их целостную форму, учитывающей не только личные достижения студентов как показатель качества полученного образования, но и ценностные и целевые приоритеты, ресурсы.

Таким образом, анализ различных подходов к пониманию содержания, структуры, критериев и показателей качества образования позволяет нам обозначить следующие три группы показателей качества непрерывного педагогического образования.

Первая группа аккумулирует показатели качества условий реализации и организации образовательного процесса и может иметь следующее содержание: кадровый ресурс; учебно-методическое и технологическое обеспечение всего образовательного процесса и отдельных дисциплин; обеспеченность библиотечным фондом и информационными ресурсами; удовлетворенность обучающихся различными аспектами образовательного процесса и другие.

Вторая группа направлена на определение качества управления образовательным процессом: участие руководства образовательной организации, региона и страны в решении вопросов качества педагогического образования; обеспечение соответствия миссии, цели, основных ценностей политики и стратегии в области качества образования образовательной организации реальным действиям; предоставление возможностей для научно-образовательной мобильности; участие обучающихся (студенческого сообщества) в обсуждении и принятии решений в области качества образования и другие.

Последняя группа оценивает результативность образовательного процесса: качество набора на педагогическое образование (обучение в профильном педагогическом классе); готовность выпускников и учителей к продолжению обучения; уровень сформированности универсальных и профессиональных компетенций; удовлетворенность работодателей (в первую очередь, школ) качеством подготовки выпускников; востребованность, трудоустройство выпускников и их профессиональное развитие в рамках педагогической профессии (профессиональное становление); результаты учебной, научной, научно-исследовательской деятельности (участие в конференциях, публикации статей, участие в профессиональных конкурсах); актуальность и применимость полученных знаний и навыков в реальной практике и другие.

Таким образом, при разработке критериев, на основании которых можно оценивать качество непрерывного педагогического образования, важно понимать, что возможны разные трактовки и подходы к пониманию качества, отражающие установки тех или иных субъектов. Следует отметить, что постановка вопроса качества педагогического образования (в том числе непрерывного), его критериев и показателей всегда была прерогативой представителей педагогической науки и практики, а также специалистов системы управления. Особенность их подходов состоит в том, что они ищут пути оптимизации в самой системе подготовки (на уровне СПО, ВО и дополнительного образования), улучшении работы колледжей и вузов, управлении ими и в них, совершенствовании профессиональной деятельности педагогов. Педагоги и руководители образовательных организаций руководствуются нормативными требованиями ФГОС ВО, а также критериями эффективности вузов: общесистемные требования, материально-техническое и учебно-методическое обеспечение программы, кадровые условия и др. Однако, на наш взгляд, такой подход ограничивается формальными условиями получения образования и упускает иные влияющие на него факторы.

ВЫВОДЫ. Феномен непрерывного педагогического образования представляет собой сложную, многоуровневую проблему, требующую синтеза различных наук, подходов и теорий. Актуализация этой темы началась с 60-х годов прошлого века, что было обусловлено научно-

техническим прогрессом (появление персональных компьютеров и сети Интернет, мобильной связи), увеличением свободного времени из-за сокращения (перераспределения) рабочего, которое можно направить на изучение ранее закрытой или трудно получаемой информации, а также нехваткой высококвалифицированных работников, способных работать в быстроменяющихся условиях и обучаться новым навыкам. Для педагогической профессии вопрос о включении в систему непрерывного образования также является значимым, так как современный педагог постоянно сталкивается с новыми вызовами и запросами как в институциональной, так социальной среде. В связи с чем возникает необходимость в более детальном анализе этой социальной общности, её ресурсов и характере включенности в систему непрерывного педагогического образования.

Проведенный анализ предметных подходов с позиции педагогики, психологии, управления и социологии позволяет выделить семь основных направлений изучения непрерывного педагогического образования: непосредственно профессиональное развитие педагога, инновации в образовании и использование современных технологий и новаторских методик в развитии педагога, процессы изменения профессиональной идентичности педагогов, территориальная специфика формирования системы непрерывного педагогического образования, система наставничества и поддержки молодых педагогов, качество непрерывного педагогического образования, роль и место непрерывного педагогического образования в социальном благополучии педагогов.

Общеметодологические подходы к исследованию непрерывного педагогического образования позволили рассмотреть различные стороны феномена непрерывного педагогического образования, как на макро, так и на микроуровне (субъективно-личностном) с позиции межпарадигмальности. В центре исследовательского внимания находится следующая группа вопросов: влияния непрерывного педагогического образования на систему образования в целом и взаимосвязь с другими социальными институтами; роли ценностей (самого непрерывного педагогического образования и трансляция ценностей через педагога); специфики процесса получения (способ, сроки, содержание непрерывного педагогического образования); деятельностных аспектов различных субъектов и образовательных общностей (образовательной организации, педагога, обучающегося); конфликтологических рисков; имеющихся собственных потребностей и ресурсов педагогической общности.

Под «непрерывным педагогическим образованием» мы будем понимать осознанную траекторию профессионального становления и развития педагога, включающую в себя преемственность этапов профессионального самоопределения, получения формального образования (как обязательное условие для профессии) и дальнейшего совершенствования через формальные, неформальные и информальные образовательные практики с учетом характера ресурсности педагога, с целью повышения его социального и профессионального статуса.

В понимании качества непрерывного педагогического образования возможны разные трактовки и подходы, отражающие установки тех или иных субъектов в отношении содержания, структуры, критериев и показателей качества образования. Можно выделить три группы показателей качества непрерывного педагогического образования: 1) показатели качества условий реализации и организации образовательного процесса; 2) показатели качества управления образовательным процессом; 3) показатели результативности образовательного процесса.

На наш взгляд, одним из ключевых факторов, обуславливающих качество непрерывного педагогического образования, являются различные группы ресурсов, используемые педагогической общностью в ходе профессионального становления. Нами выделены восемь групп ресурсов и две группы показателей (объективные и субъективные), отражающие их содержание: социально-демографический ресурс, человеческий ресурс, материальный ресурс, социальный ресурс, темпоральный ресурс, символический ресурс, ресурс мобильности и мотивационно-ценностный ресурс. Представленные группы ресурсов оказывают существенное влияние на процесс непрерывного педагогического образования и, как следствие, на его качество. Ресурсы не являются изолированными, а тесно взаимосвязаны друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбер М., Муршед М. Как добиться стабильно высокого качества обучения в школах. Уроки анализа лучших систем школьного образования мира // Вопросы образования. 2008. № 3. С. 17.
2. Беликов В.А., Романов П.Ю., Павленко Д.И., Филиппов А.М. Влияние дуальной системы профессионального образования на качество подготовки обучающихся организаций СПО // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2020. Т. 12, № 1. С. 27.
3. Борисенков В.П. Качество образования и проблемы подготовки педагогических кадров // Образование и наука. 2015. № 3(122). С. 4–18.
4. Вышегурова Л.Р. Качество высшего профессионального образования в оценках основных субъектов образовательного процесса (по материалам социологических исследований в Алтайском крае в 2009–2011 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата соц. н., Барнаул, 2012. С. 54–55.
5. Григорьев С.И. Социология образования как отраслевая теория социологического витализма и методологическая основа анализа проблем модернизации современного российского общества. Гуманитарный вектор. 2008. № 1. С. 109.
6. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования: монография.— Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. С. 149.
7. Леденева И.Н. Качество подготовки кадров в системе среднего профессионального образования // Вопросы структуризации экономики. 2009. № 2. С. 154.
8. Никитина Н.Ш., Щеглов П.Е. Качество высшего образования. Риски при подготовке специалистов // Университетское управление. 2003. № 1. С. 46–59.
9. Павленко К.В. Оценка качества образования в вузе: неoinституциональный подход // Высшее образование в России. 2009. № 11. С. 132.
10. Сергеева С.Ю., Обревко Е.Д. Современные подходы и методы оценки качества образования // Молодой ученый. 2019. № 37 (275). С. 163.
11. Система качества непрерывного педагогического образования / О.В. Андрюшкова, А.Г. Бермус, А.А. Власова и др. // Педагогическое образование в современной России: стратегические ориентиры развития. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону — Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. С. 231.
12. Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А. Менеджмент качества высшего образования: что означает «качество» и что означает «высшее образование». Управленец. 2020. Том 11. № 1. С. 4.
13. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Ст. 2.
14. Harvey L., Green D. Defining quality. Assessment & Evaluation in Higher Education. 1993. Vol. 18. No. 1. P. 9–34.
15. Lifelong learning / UNESCO Institute for Lifelong Learning Technical Note. URL: <https://uil.unesco.org/fileadmin/keydocuments/LifelongLearning/en/UNESCOtechNotesLLL.pdf> (дата обращения: 18.02.2025)
16. Schindler L., Puls-Elvidge S., Crawford L., Welzant H. Definitions of quality in higher education: A synthesis of the literature // Higher Learning Research Communications. 2015. Vol. 5. No. 3.

REFERENCES

1. Barber M., Murshed M. *Kak dobit'sja stabil'no vysokogo kachestva obuchenija v shkolah. Uroki analiza luchshih sistem shkol'nogo obrazovaniya mira* [How to Achieve Consistently High Quality Education in Schools: Lessons from Analyzing the World's Best School Systems] // Voprosy obrazovaniya. 2008. № 3. S. 17. (In Russian).
2. Belikov V.A., Romanov P.Ju., Pavlenko D.I., Filippov A.M. *Vlijanie dual'noj sistemy professional'nogo obrazovaniya na kachestvo podgotovki obuchajushhihsja organizacij SPO* [The Impact of the Dual System of Vocational Education on the Quality of Training of Students in SPO Organizations] // Vestnik JuUrGU. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki». 2020. T. 12. № 1. S. 27. (In Russian).

3. Borisenkov V.P. *Kachestvo obrazovaniya i problemy podgotovki pedagogicheskikh kadrov* [Quality of education and problems of training teaching staff] // *Obrazovanie i nauka*. 2015. № 3(122). S. 4–18. (In Russian).
4. Vyshegurova L.R. *Kachestvo vysshego professional'nogo obrazovaniya v ocenках osnovnykh subektov obrazovatel'nogo processa (po materialam sociologicheskikh issledovanij v Altajskom krae v 2009–2011 gg.)*. [The quality of higher professional education in the assessments of the main subjects of the educational process (based on the materials of sociological research in the Altai Territory in 2009–2011).] Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata soc. n., Barnaul, 2012. S. 54–55. (In Russian).
5. Grigor'ev S.I. *Sociologija obrazovaniya kak otraslevaja teorija sociologicheskogo vitalizma i metodologicheskaja osnova analiza problem modernizacii sovremennogo rossijskogo obshhestva*. [Sociology of education as a branch theory of sociological vitalism and a methodological basis for analyzing the problems of modernization of contemporary Russian society.] *Gumanitarnyj vektor*. 2008. № 1. S. 109. (In Russian).
6. Zborovskij G.E., Ambarova P.A. *Sociologija vysshego obrazovaniya*. [Sociology of Higher Education]: monografiya. — Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2019. S.149. (In Russian).
7. Ledeneva I.N. *Kachestvo podgotovki kadrov v sisteme srednego professional'nogo obrazovaniya* [Quality of training in the secondary vocational education system] // *Voprosy strukturizacii jekonomiki*. 2009. № 2. S. 154. (In Russian).
8. Nikitina N.Sh., Shheglov P.E. *Kachestvo vysshego obrazovaniya. Riski pri podgotovke specialistov* [Quality of Higher Education. Risks in Training Specialists] // *Universitetskoe upravlenie*. 2003. № 1. S. 46–59. (In Russian).
9. Pavlenko K.V. *Ocenka kachestva obrazovaniya v vuze: neoinstitucional'nyj podhod* [Evaluation of the quality of education in higher education institutions: a neo-institutional approach] // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2009. № 11. S. 132. (In Russian).
10. Sergeeva S.Ju., Obrevko E.D. *Sovremennye podhody i metody ocenki kachestva obrazovaniya* [Modern approaches and methods of assessing the quality of education] // *Molodoy uchenyj*. 2019. № 37 (275). S. 163. (In Russian).
11. *Sistema kachestva nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Quality system of continuous pedagogical education] / O.V. Andryushkova, A.G. Bemus, A.A. Vlasova i dr. // *Pedagogicheskoe obrazovanie v sovremennoj Rossii: strategicheskie orientiry razvitiya*. Juzhnyj federal'nyj universitet. Rostov-na-Donu — Taganrog: Juzhnyj federal'nyj universitet, 2020. S. 231. (In Russian).
12. Tambovcev V.L., Rozhdestvenskaja I.A. *Menedzhment kachestva vysshego obrazovaniya: chto oznachaet «kachestvo» i chto oznachaet «vysshee obrazovanie»* [Quality Management in Higher Education: What Does Quality Mean and What Does Higher Education Mean]. *Upravlenec*. 2020. Tom 11. № 1. S. 4. (In Russian).
13. *Federal'nyj zakon ot 29 dekabrja 2012 g. N 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii»* [Federal Law of December 29, 2012 № 273-FL «On Education in the Russian Federation»] (s izmenenijami i dopolnenijami). St.2. (In Russian).
14. Harvey L., Green D. *Defining quality. Assessment & Evaluation in Higher Education* [Defining quality. Assessment & Evaluation in Higher Education]. 1993. Vol. 18. No. 1. P. 9–34. (In English).
15. *Lifelong learning* [Lifelong learning]. / UNESCO Institute for Lifelong Learning Technical Note. URL: <https://uil.unesco.org/fileadmin/keydocuments/LifelongLearning/en/UNESCOtechNotesLLL.pdf> (data obrashhenija: 18.02.2025). (In English).
16. Schindler L., Puls-Elvidge S., Crawford L., Welzant H. *Definitions of quality in higher education: A synthesis of the literature* [Definitions of quality in higher education: A synthesis of the literature]// *Higher Learning Research Communications*. 2015. Vol. 5. No. 3. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.007

УДК 316.334.2

ББК 60.561.23

Е.С. МАРЧЕНКОВ,
Н.Г. ЧЕВТАЕВА**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАБОТОДАТЕЛЯ
С ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ:
КЕЙС КЛАСТЕРА «СТРОИТЕЛЬСТВО»**E.S. MARCHENKOV,
N.G. CHEVTAEVA**IMPROVING EMPLOYER-EDUCATIONAL
INSTITUTION INTERACTION: A CASE STUDY
OF THE «CONSTRUCTION» CLUSTER**

Формирование партнерских отношений между учебными заведениями и предприятиями для повышения качества подготовки специалистов приобретают особую актуальность в ситуации дефицита кадров на российском рынке труда. В статье рассматривается роль отраслевых и территориальных кластеров в налаживании взаимодействия работодателя с учреждениями среднего профессионального образования.

Цель статьи: выявить организационный потенциал кластерного подхода во взаимодействии работодателя с образовательной организацией при подготовке рабочих кадров.

Методология исследования базируется на кластерном подходе, позволяющем выявлять эффективные механизмы взаимодействия участников образовательного процесса. Эмпирической базой исследования стали статистические данные, связанные с реализацией федерального проекта «Профессионалитет»; анализ результатов фокус группы, среди участников кластера «Строительство» Свердловской области.

Представлена динамика создания образовательно-производственных кластеров в регионах России. Анализ результатов фокус групп позволил выявить эффективные формы взаимодействия образовательной организации с работодателями, представить экспертную оценку качества подготовки выпускников. Научной новизной обладает экспертный анализ внутриорганизационных проблем функционирования кластера «Строительство», представленный со стороны базовых предприятий строительного сектора региона, образовательного сообщества, ассоциаций строителей и министерства строительства Свердловской области. Сформулированные рекомендации позволят совершенствовать взаимодействие образования и реального сектора экономики для решения важной государственной задачи подготовки высококвалифицированных рабочих кадров.

The development of partnerships between educational institutions and businesses to enhance the quality of specialist training is becoming increasingly crucial given the skills shortage in the Russian labor market. This article examines the role of industry and regional clusters in fostering collaboration between employers and vocational education institutions.

The aim of this article is to identify the organizational potential of the cluster approach in the interaction between employers and educational institutions for training skilled workers.

The research methodology is based on the cluster approach, which allows for the identification of effective interaction mechanisms among participants in the educational process. The empirical basis of the study includes statistical data related to the implementation of the federal project «Professionalitet» and an analysis of the results of focus groups conducted among participants in the «Construction» cluster of the Sverdlovsk region.

The article presents the dynamics of the creation of educational and production clusters in the regions of Russia. Analysis of the focus group results revealed effective forms of interaction

between educational institutions and employers, and provides an expert assessment of the quality of graduate training. The scientific novelty lies in the expert analysis of internal organizational problems of the «Construction» cluster, presented from the perspective of key enterprises in the region's construction sector, the educational community, construction associations, and the Ministry of Construction of the Sverdlovsk region. The formulated recommendations will improve the interaction between education and the real sector of the economy to address the important state task of training highly qualified workers.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кластер, ФП «Профессионалитет», работодатель, взаимодействие, колледж, образовательная организация

KEY WORDS: cluster, professional, employer, interaction, college, educational organization

ВВЕДЕНИЕ. Российская система среднего профессионального образования (СПО) в настоящее время находится в состоянии модернизации, адаптируясь к изменяющимся требованиям рынка труда [12]. Подготовка квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена являются предметом пристального внимания как органов государственной власти, так и реального сектора экономики [4]. В 2022 году стартовал федеральный проект «Профессионалитет», запустивший создание во всех субъектах Российской Федерации образовательно-производственных центров (кластеров) и образовательных кластеров среднего профессионального образования. Реализация проекта позволила кардинальным образом перестроить систему подготовки квалифицированных кадров среднего профессионального образования. Тем не менее, на практике участники реализации проекта «Профессионалитет» столкнулись с рядом проблем, затрудняющих эффективную подготовку и трудоустройство выпускников.

ЦЕЛЬ настоящей статьи — на основе статистических и эмпирических данных выявить организационный потенциал кластерного подхода во взаимодействии работодателя с образовательной организацией при подготовке рабочих кадров.

Реализация поставленной в статье цели потребовала решение следующих задач:

- определить эвристическую ценность кластерного подхода при подготовке специалистов рабочих профессий для современного рынка труда;
- проследить динамику создания образовательно-производственных центров (кластеров) и образовательных кластеров среднего профессионального образования в субъектах Российской Федерации;
- выявить эффективные формы взаимодействия образовательной организации с работодателями, представить экспертную оценку качества подготовки выпускников;
- методов фокус групп провести экспертный анализ «болевых точек» организации и функционирования образовательно-производственных центров (кластеров), представленного со стороны базовых предприятий строительного сектора региона, образовательного сообщества, ассоциаций строителей и министерства строительства Свердловской области;
- сформулировать рекомендации и наметить точки роста в совершенствовании взаимодействия всех субъектов образовательно-производственного кластера в процессе подготовки рабочих кадров в соответствии с динамично развивающимися запросами рынка труда.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретические основания исследования

Концепция кластерного подхода, впервые предложенная Майклом Портером в контексте экономической конкурентоспособности регионов, в современности активно применяется при развитии различных отраслей народного хозяйства и в социальной сфере. Однако создание кластеров в рамках государственного управления образованием — явление относительно новое, представляющее собой инновационную стратегию, направленную на создание интегрированной и разнообразной образовательной среды путем объединения различных участников образовательного процесса (образовательных учреждений, предприятий, исследовательских центров и других). В сфере образования

кластером можно назвать «комплекс образовательных учреждений всех уровней образования в пределах определенной географической области, поставщиков ресурсов и работодателей, элементов инновационной системы, а также органов власти и управления, деятельность которых связана с близлежащими отраслями и развитием региональной инновационной системы» [6]. Образовательные кластеры носят региональный характер, объединяют школьные ресурсы с иными образовательными элементами, способствуя интерактивному сотрудничеству работодателей, государства и образовательных учреждений. За рубежом накоплен значительный опыт применения кластерного подхода к управлению системой образования [14; 15]. По мнению Ю.Б. Миндлина, «участие образовательных учреждений в кластерных программах направлено на реализацию инновационно-инвестиционной составляющей экономической политики и практическую интеграцию системы образования в кластеры» [7, С. 45]. Можно назвать следующие основные эффекты от применения кластерного подхода в зарубежных странах: создание благоприятных условий для подготовки студентов всех уровней образования, объединение науки, образования и производства, повышение престижа профессий (в том числе рабочих) [5].

Исследователи отмечают формирование сетевой формы организации образовательного кластера как открытой системы непрерывной профессиональной подготовки кадров [10; 3]. В рамках такой системы главным ее свойством является взаимозаменяемость агентов и элементов системы при сохранении целостности и цели [8]. Однако сетевой формат может быть реализован и на более высоком уровне, охватывая несколько кластеров внутри территории региона, например, создание региональных площадок сетевого взаимодействия приводит к повышению качества образования и улучшению трудоустройства выпускников [2].

Кластерный подход в образовании в России начал активно развиваться в начале 2000-х годов, особенно после включения элементов кластерной политики в Концепцию долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года в 2008 году [1]. В ряде регионов, в частности в Республике Татарстан в 2006 году была утверждена «Концепция формирования образовательных кластеров».

В Российской Федерации в 2022 году стартовал федеральный проект «Профессионалитет», который стал одним из ключевых векторов социально-экономического развития до 2030 года. Проект реализуется в рамках реализации Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. Среди основных инициатив Проекта — создание образовательно-производственных центров (кластеров), представляющих собой интеграцию колледжей и организаций реального сектора экономики.

Основные принципы развития кластеров в субъектах РФ были описаны в «Методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации»¹. С позиций содействия развитию кластеров органам власти было рекомендовано создать специализированную организацию развития кластера, в задачи которой будет входить обеспечение взаимодействия между участниками кластера и стимулирование укрепления сотрудничества между ними. Рост эффективности взаимодействия участников кластера должен быть заложен в стратегию его развития.

С позиций публичного управления такое взаимодействие участников есть форма социального партнерства. Социальное партнерство представляет собой систему взаимодействия между различными участниками, направленного на согласование интересов и решение значимых социальных проблем посредством диалога и совместного принятия решений. В профессиональном образовании партнерами выступают предприятия и организации как ра-

¹ Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития РФ 26.12.2008 N 20615-ак/д19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113283 (Дата обращения 17.03.2025).

ботодатели, органы власти, образовательные учреждения, некоммерческие организации (НКО), функционирующие в данной сфере. Все колледжи и предприятия, входящие в кластер, подписывают партнерское соглашение, согласно которому работодатели получают возможность участвовать в управлении колледжами: регулировать разработку и реализацию образовательных программ, определять требуемое оснащение зон по видам работ, привлекать своих работников к наставничеству на производстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Федеральный проект «Профессионалитет» представляет собой государственную инициативу по совершенствованию сферы СПО, предлагая современную модель взаимодействия работодателей и образовательных организаций для решения проблемы эффективной подготовки кадров. Анализ сегодняшнего этапа реализации федерального проекта «Профессионалитет» позволил выявить положительную динамику создания образовательно-производственных центров (кластеров) и образовательных кластеров среднего профессионального образования в субъектах Российской Федерации».

По состоянию на 1 января 2025 года, в 79 регионах создано 370 образовательно-производственных и образовательных кластеров совместно с предприятиями-партнерами, в которых 1,52 млн студентов получают рабочую профессию по 24 отраслям экономики (Таблица 1²). Партнерами в кластерах являются более 2 тыс. предприятий-работодателей, при этом объем их инвестиций в развитие кластеров составил более 6 млрд рублей.

Таблица 1. Ключевые индикаторы реализации федерального проекта «Профессионалитет» в динамике 2022–2024 гг.

Год	Количество открытых кластеров, ед.	Количество отраслей экономики, ед.	Количество субъектов РФ, ед.	Количество образовательных организаций, ед.
2022	71	9	43	455
2023	70	15	69	818
2024	229	24	79	1280

Для формирования инфраструктуры развития кластеров были созданы два федеральных технопарка профессионального образования в г. Калуга и в г. Нижний Новгород. Методическая и информационная поддержка участников кластеров ведется как очно (технопарки, площадки исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, площадки Министерства просвещения РФ и пр.), так и по специально созданным каналам онлайн-взаимодействия, что повышает оперативность принятия решений.

Для мониторинга результативности развития кластеров создана цифровая платформа мониторинга кластеров (<https://professionalitet.firpo.ru/>), на которой у всех участников процесса взаимодействия формируются личные кабинеты.

В целях мониторинга эффективности деятельности образовательно-производственного кластера (далее ОПК) в рамках отраслевого подхода к подготовке кадров и достижения целей проекта «Профессионалитет» институтом развития профессионального образования рассчитывается рейтинг ОПК.

Развитие кластеров в рамках реализации ФП «Профессионалитет» ведется неравномерно в разных субъектах РФ и даже в разрезе федеральных округов (Таблица 2³). Этот разрыв становится очередным вызовом для совершенствования использования кластерного подхода в рамках профессионального образования.

² Составлено на основе данных, представленных на платформе мониторинга кластеров федерального проекта «Профессионалитет» URL: <https://professionalitet.firpo.ru/> (Дата обращения 17.03.2025).

³ Составлено на основе данных, представленных на платформе мониторинга кластеров федерального проекта «Профессионалитет» URL: <https://professionalitet.firpo.ru/> (Дата обращения 17.03.2025).

Таблица 2. Развитие кластеров в рамках федерального проекта «Профессионалитет» в разрезе по федеральным округам.

Федеральный округ	Общее количество кластеров в 2023 г	Общее количество кластеров в 2024 г
Центральный Федеральный округ	39	61
Приволжский федеральный округ	41	99
Сибирский федеральный округ	22	35
Северо-Западный федеральный округ	17	24
Уральский федеральный округ	15	31
Дальневосточный федеральный округ	13	36
Южный федеральный округ	9	11
Северо-Кавказский федеральный округ	3	4

Неравномерное развитие идет и по линии отраслей, внутри которых формируются кластеры. Так, сейчас функционируют 24 образовательно-производственных кластера, готовящих специалистов по строительным профессиям, что составляет 6,5% от общего числа кластеров. Тем не менее, сама отрасль формирует 13% ВВП РФ, что говорит о необходимости кратного увеличения количества кластеров этой сферы. Однако организация партнерства в рамках уже созданных кластеров достаточно успешна: 19 из них созданы при финансовой и организационной поддержке саморегулируемых организаций.

Особенности создания и развития кластеров в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет» в Свердловской области.

За три года реализации проекта «Профессионалитет» в Свердловской области было создано 12 кластеров с участием свыше 60 колледжей и техникумов. С 1 сентября 2025 года начнет свою работу еще один — по подготовке специалистов атомной отрасли. Участниками этого кластера станут Новоуральский технологический колледж и девять предприятий реального сектора экономики. Разработка стратегии развития кластеров ведется на основе регионального наблюдательного совета образовательно-производственных центров и образовательных кластеров в Свердловской области⁴.

Кейс образовательного кластера «Строительство» в Свердловской области.

В рамках данной статьи рассмотрим кейс значимой для промышленной Свердловской области отрасли — подготовку рабочих кадров для сферы строительства. Кластер «Строительство» в Свердловской области был создан в 2023 году и на тот момент занимал 71 место в рейтинге среди 130 участников (Рисунок1). В рамках кластера взаимодействуют 10 образовательных организаций, 5 предприятий по 9 направлениям подготовки и 21 образовательной программе.

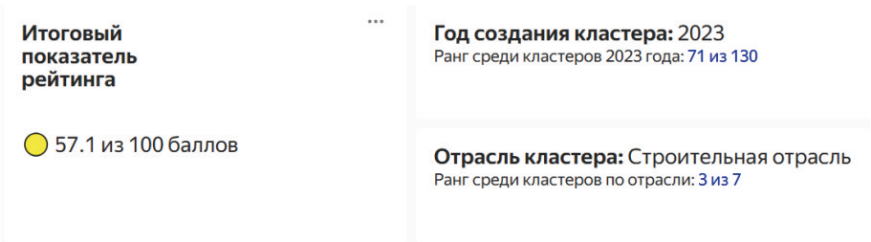

Рис. 1 — Информация о кластере «Строительство» в Свердловской области

⁴ Указ Губернатора Свердловской области от 11.11.2022 № 569-УГ «О региональном наблюдательном совете образовательно-производственных центров (кластеров) в Свердловской области» URL: https://www.pravo.gov66.ru/media/pravo/569-%D0%A3%D0%93_it2hH4F.pdf (Дата обращения 17.03.2025).

Анализ фокус группы. Для определения основных вызовов и перспектив развития кластеров в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет» в феврале 2025 года авторами была организована фокус группа. В составе участников представлены четыре категории экспертов:

1) представителей предприятий: АО «Корпорация «Атомстройкомплекс», ООО «Корпорация «Маяк», ООО «НПП Стройтэк», ООО «ЛСР. Строительство-Урал», ООО «Брусника», ООО «Эфес», АО «Ремстройпуть», ООО «Астра», ООО «Сити Менедж»

2) представители ассоциаций: Ассоциации Развития Бизнеса и Учебных заведений «АРБУЗ», АСРО «ССО» Ассоциация саморегулируемая организация «строители Свердловской области»

3) представители образовательных организаций: Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Свердловской области «Екатеринбургский колледж транспортного строительства»,

Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Свердловской области «Екатеринбургский монтажный колледж», Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Свердловской области «Уральский колледж технологий и предпринимательства»

4) представители министерства строительства Свердловской области.

Круг обсуждаемых вопросов:

1. Формы взаимодействия образовательной организации с работодателями — кластер «Строительство» в рамках проекта «Профессионалитет»
2. Экспертная оценка качества подготовки выпускников.
3. Организационные проблемы функционирования кластера «Строительство» в регионе.

Результаты фокус группы.

1. Формы взаимодействия образовательной организации с работодателями — кластер «Строительство» в рамках ФП «Профессионалитет»

Все группы экспертов положительно оценили потенциал кластерного подхода, предлагающего организационную форму взаимосвязи бизнеса и образования. Прозвучала общая заинтересованность в развитии сотрудничества и совершенствования таких форм взаимодействия, как:

- организация производственной практики на предприятиях, стажировки для студентов с возможностью последующего трудоустройства;
  - привлечение студентов к разработке и реализации проектов, решающих реальные задачи предприятий;
  - проведение мастер-классов и тренингов для студентов, руководимых специалистами предприятий;
  - участие работодателей в разработке и корректировке образовательных программ, обеспечивая их соответствие актуальным требованиям рынка труда;
  - индивидуальная работа специалистов предприятий со студентами в качестве наставников;
  - организация базовых центров на предприятиях для проведения занятий и практических исследований; создание базовых центров на предприятиях;
  - совершенствование дуального обучения, сочетание теоретического обучения в образовательной организации с практическим обучением на предприятии.
2. Экспертная оценка качества подготовки выпускников.

На общем фоне положительных оценок качества подготовки выпускников экспертное сообщество работодателей высказало целый ряд критических позиций:

- нехватка практических навыков: студенты демонстрируют минимальные навыки работы с инструментами и оборудованием.
- слабые теоретические знания и навыки самоорганизации: выпускникам не хватает фундаментальных знаний и умения организовать свою работу.

- проблемы с дисциплиной и мотивацией у студентов: работодатели отмечают недостаточную мотивацию к труду и отсутствие ответственности за результаты работы.

3. Организационные проблемы функционирования кластера «Строительство»:

3.1. Проблемы взаимодействия между участниками кластера: взгляд работодателей

- Сложности с заключением целевых договоров через единую цифровую платформу «Работа в России»: «платформа не позволяет выбирать регион, город, пол работника, не обеспечивает прозрачность соответствия квалификации кандидата требованиям работодателя»; «работодатели вынуждены рассматривать отклики со всей России, что затрудняет поиск нужных специалистов»; «предприятия заинтересованы в самостоятельном отборе кандидатов из своего города/региона/учебного заведения, особенно после прохождения практики».
- Трудности сетевого взаимодействия. В частности, в государственном задании не предусмотрены расходы на оплату услуг за предоставления площадки другим колледжем для проведения производственной практики. Подобные затраты образовательная организация вынуждена оплачивать за счет собственных средств.
- Несовершенство системы адаптации: недостаточно развита система адаптации выпускников на предприятиях во время практики и после трудоустройства, отсутствует сопровождение мастером производственного обучения в первые дни работы выпускника.
- Проблемы с медицинским контролем: выпускники не всегда проходят медицинский осмотр перед началом работы, что может привести к проблемам с трудоустройством из-за несоответствия медицинским требованиям.
- Сокращение сроков обучения: дефицит кадров приводит к сокращению сроков обучения в колледжах, что негативно сказывается на качестве подготовки и создает сложности с организацией практики для несовершеннолетних.

3.2. Проблемы взаимодействия между участниками кластера: взгляд представителей образовательных организаций.

- Недостаточная вовлеченность работодателей в разработку образовательных программ: работодатели мало участвуют в разработке модулей для рабочих программ.
- Низкая вовлеченность мастеров с предприятий в учебную практику: мастера с предприятий редко участвуют в проведении учебной практики на базе колледжей.

3.3. Проблемы взаимодействия между участниками кластера: взгляд представителей ассоциаций:

- Низкая вовлеченность колледжей и представителей предприятий работодателей в конкурсы Профессионального мастерства организуемые АСПО «ССО» Ассоциация саморегулируемая организация «строители Свердловской области».
- Низкая вовлеченность колледжей и представителей предприятий работодателей в проект цифровой трансформации строительной отрасли и разработки государственной информационной системы обеспечения градостроительной деятельности Российской Федерации.

3.4. Проблемы взаимодействия между участниками кластера: взгляд со стороны Министерства строительства.

Остается проблема дисбаланса: система СПО не покрывают дефицит кадров на рынке труда Свердловской области. По-прежнему значительная часть выпускников не идет работать в реальный сектор экономики в соответствии с полученной специальностью. В результате область вынуждена привлекать трудовых мигрантов, а качество этой рабочей силы оставляет желать лучшего.

Выводы и рекомендации. Анализ результатов фокус групп позволил авторам сформулировать рекомендации по улучшению взаимодействия колледжей и предприятий-работодателей региона в кластере «Строительство».

1. Повышение мотивации работодателей к участию в демонстрационном экзамене:
  - Компенсация затрат: предусмотреть механизмы компенсации работодателям затрат, связанных с освобождением экспертов/мастеров от работы на время проведения экзамена (например, оплата труда эксперта, компенсация потерь производства).
  - Упрощение процедуры обучения экспертов: разработать удобные и доступные онлайн-курсы для подготовки экспертов демонстрационного экзамена, минимизировав временные затраты работодателей.
  - Признание статуса эксперта: повысить престиж участия в демонстрационном экзамене, например, выдавать сертификаты экспертов, проводить публичные мероприятия с их участием, освещать их деятельность в СМИ.
  - Демонстрация преимуществ: четко донести до работодателей преимущества участия в экзамене: возможность оценить уровень подготовки будущих специалистов, повлиять на содержание образовательных программ, привлечь талантливых выпускников.
2. Стимулирование участия в конкурсах профессионального мастерства и проекте цифровой трансформации:
  - Проводить активную информационную кампанию о конкурсах и проекте цифровой трансформации, освещая их цели, задачи и преимущества участия для колледжей и предприятий.
  - Организовывать встречи, семинары, конференции для обмена опытом и обсуждения актуальных вопросов в сфере строительства, вовлекая представителей колледжей и предприятий.
  - Инициировать разработку совместных проектов в рамках цифровой трансформации строительной отрасли, предоставляя колледжам и предприятиям возможность получить финансирование и реализовать свои идеи.
  - Ввести систему поощрений для активных участников конкурсов и проекта цифровой трансформации (например, гранты, публичное признание заслуг, приоритетное право на участие в других проектах).
3. Общие рекомендации по улучшению взаимодействия участников кластера «Строительство»:
  - Создать онлайн-платформу для взаимодействия колледжей и предприятий, где можно размещать информацию о вакансиях, практиках, проектах, конкурсах, а также общаться и обмениваться опытом.
  - Внедрить систему мониторинга и оценки эффективности взаимодействия колледжей и предприятий, чтобы своевременно выявлять проблемы и корректировать стратегию развития кластера.
  - Способствовать установлению долгосрочных партнерских отношений между колледжами и предприятиями, основанных на взаимной выгоде и доверии.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. О высокой результативности использования кластерного подхода при подготовке рабочих кадров сами за себя говорят некоторые официальные цифры. Более 3,5 тыс. организаций реализуют программы ФП «Профессионалитет», на программах обучается более 3,7 миллиона студентов, их наставниками являются свыше 200 тысяч педагогов. Растет популярность системы СПО среди выпускников 9-х классов⁵, трудоустройство обучившихся в 2023 г. по программам ФП «Профессионалитет» составляет 68% после выпуска, выпускников 2024 г. — 73%, трудоустроены 85% обучавшихся по целевым договорам (ОАО «Российские железные дороги» — 1,4 тыс. чел), существенно обновлены образовательные программы под запросы работодателей,

⁵ К 2030 году «Профессионалитет» охватит 100% профессиональных образовательных организаций. Официальный сайт Национальные приоритеты. рф URL: <https://edu.gov.ru/press/8540/dmitriy-chernyshenko-k-2030-godu-proekt-professionalitet-ohvatit-100-professionalnyh-obrazovatelnyh-organizatsiy> (Дата обращения 17.03.2025).

предусмотрены компетенции и виды деятельности, востребованные на производствах⁶ работодатели активно участвуют в разработке образовательных программ и оценке сформированных знаний и навыков и многое другое.

Вместе с тем, многие выявленные в ходе проведения фокус группы проблемы в кластере «Строительство» оказываются достаточно типичными для сферы среднего профессионального образования. Исследователи, обобщая опыт функционирования различных кластеров в других регионах России [10; 11; 13], подчеркивают необходимость усиления практико-ориентированной составляющей при подготовке выпускников. Отмечаются также проблемы недостаточного взаимодействия работодателей и образовательных учреждений при решении таких важных вопросов, как заключение соглашений, формирование точечного запроса и предложений работодателей при корректировке образовательных программ, сопровождение выпускников при трудоустройстве). Лейтмотивом звучит ориентация на совершенствование координации всех субъектов образовательного процесса с учетом долгосрочных перспектив динамично меняющегося рынка труда.

ВЫВОДЫ. Кластерный подход признан способствовать налаживанию эффективного механизма повышения качества подготовки квалифицированных кадров на уровне среднего профессионального образования.

Намечая перспективы дальнейшего исследования важно определить предметные области анализа. Требуется дальнейшего совершенствования усиление практической составляющей в обучении, разработка разнообразных форм привлечения работодателей к системному участию в образовательном процессе подготовки будущих специалистов. Представители образовательного сообщества ожидают от специалистов сферы занятости точного прогнозирования кадровых потребностей с учетом появления новых профессий на региональных рынках труда.

Нуждаются в дальнейшем развитии методы диагностики в организации работы по профессиональной ориентации учащихся.

Таким образом, кластерный подход демонстрирует большой потенциал для улучшения системы профессионального образования в России, однако для полной реализации его возможностей необходимо решить существующие проблемы и продолжить поиск эффективных механизмов взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов С.В., Лукьянова М.И. Кластерный подход в региональном образовании // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1047.
2. Зеленев Ю.Н., Пачикова Л.П., Якобук Л.И. Взаимодействие организации среднего профессионального образования с социальным партнером с учетом современных требований регионального рынка труда // АПК: инновационные технологии. 2022. № 1 (56). С. 39-45.
3. Иванов С.А. Кластерный подход в образовании как организационная и методологическая основа развития системы образования Российской Федерации // Kant. 2023. № 4 (49). С. 307-314.
4. Качанова Е.А., Чевтаева Н.Г., Ударцев Н.С. Глобальные вызовы для социально-экономического развития России: анализ и оценка // Проблемы теории и практики управления. 2022. № 3. С. 183-198.
5. Кетова Н.П., Вэй Синьчжэ Образовательные кластеры в России и Китае: формирование, управление, стратегии развития // Креативная экономика. 2021. № 15 (2). С. 393-410.
6. Ковалева Т.Ю., Балеевских В.Г. Моделирование образовательных кластеров в целях определения направлений государственной политики развития региона (на примере Пермского края) // Ars administrandi. 2015. № 1. С. 28-49.

⁶ К 2030 году «Профессионалитет» охватит 100% профессиональных образовательных организаций. Официальный сайт Национальные приоритеты. рф URL: <https://edu.gov.ru/press/8540/dmitriy-chernyshenko-k-2030-godu-proekt-professionalitet-ohvatit-100-professionalnyh-obrazovatelnyh-organizaciy> (Дата обращения 17.03.2025).

7. Миндлин Ю.Б. Кластерный подход к модернизации образования: отечественный и зарубежный опыт // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. 2019. № 9. С. 45–51.
8. Назаров А.В. Методика ранжирования стейкхолдеров образовательной организации // Вопросы управления. 2024. № 2 (87). С. 65–80.
9. Токарева Е.А. Особенности реализации кластерного подхода в среднем профессиональном образовании на примере участников федерального проекта «Профессионалитет» Калининградской области // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2024. № 3 (23). С. 16–32.
10. Фаузер В.В. Кластеризация в современном образовании: методология и практика // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2016. № 2 (26). С. 93–94.
11. Федоров В.А., Третьякова Н.В., Тюрина Г.А. Организация взаимодействия колледжа с социальными партнерами в интегрированной образовательно-производственной среде при подготовке квалифицированных рабочих // Профессиональное образование и рынок труда. 2024. № 3. С. 100–116.
12. Ширинкина Е.В. Развитие новых систем разделения труда и форматов работы в условиях новой реальности // Вопросы управления. 2022. № 1 (74). С. 62–72.
13. Юсупов В.З., Башкирова Л.И., Мухаметзянова Ф.Г. Модель управления образовательным процессом в колледже на основе кластерного подхода // Казанский педагогический журнал. 2023. № 2. С. 159–168.
14. Courchesne S., Stynen D., Semeijn J., Daniels M. New ways of fostering sustainable employability in inter-organizational networks: an explorative study to understand the factors and mechanisms for their success // Employee Relations. 2023. — Vol. 46. Pp. 115–140.
15. Moeller B. "Workplace learning potential in uncertain situations in care work" // Journal of Workplace Learning. 2025. Vol. 37. № 1. Pp. 78–92.

REFERENCES

1. Danilov S.V., Lukyanova M.I. *Klasternii podhod v regionalnom obrazovanii* [Cluster approach in regional education] // *Sovremennye problemi nauki i obrazovaniya*. 2015. № 1–1. S. 1047. (In Russian).
2. Zelenov Yu.N., Pachikova L.P., Yakobyuk L.I. *Vzaimodeistvie organizatsii srednego professionalnogo obrazovaniya s socialnim partnerom s uchetom sovremennih trebovaniy regionalnogo rinka truda* [Interaction of a secondary vocational education organization with a social partner, taking into account the modern requirements of the regional labor market] // *APK innovatsionnye tekhnologii*. 2022. № 1(56). S. 39–45. (In Russian).
3. Ivanov S.A. *Klasternii podhod v obrazovanii kak organizatsionnaya i metodologicheskaya osnova razvitiya sistemi obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii* [Educational clusters in Russia and China: formation, management, development strategies] // *Kant*. 2023. № 4 (49). S. 307–314. (In Russian).
4. Kachanova E.A., Chevtayeva N.G., Udarcev N.S. *Globalnie vizovi dlya socialno ekonomicheskogo razvitiya Rossii analiz i ochenka* [Global challenges for the socio-economic development of Russia: analysis and assessment] // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2022. № 3. S. 183–198. (In Russian).
5. Ketova N.P. *Vei Sinchje Obrazovatelnie klasteri v Rossii i Kitae_ formirovanie upravlenie strategii razvitiya* [Educational clusters in Russia and China: formation, management, development strategies] // *Kreativnaya ekonomika*. 2021. № 15 (2). S. 393–410. (In Russian).
6. Kovaleva T.Yu., Baleevskikh V.G. *Modelirovanie obrazovatelnykh klasterov v celyakh opredeleniya napravlenii gosudarstvennoi politiki razvitiya regiona _na primere Permskogo kraya* [Modeling educational clusters in order to determine the directions of state policy for the development of the region (on the example of the Perm Region)] // *Ars administrandi*. 2015. № 1. S. 28–49. (In Russian).
7. Mindlin Yu.B. *Klasternii podhod k modernizatsii obrazovaniya_ otechestvennii i zarubejnii opit* [Cluster approach to modernization of education: domestic and foreign experience] // *Sovremennaya nauka aktualnye problemy teorii i praktiki*. Seriya Ekonomika i Pravo. 2019. № 9. S. 45–51. (In Russian).

8. Nazarov A.V. *Metodika ranjirovaniya steikholderov obrazovatelnoi organizatsii* [Methodology of ranking stakeholders of an educational organization] // *Voprosi upravleniya*. 2024. № 2 (87). S. 65–80. (In Russian).
9. Tokareva E. A. *Osobennosti realizatsii klasternogo podhoda v srednem professionalnom obrazovanii na primere uchastnikov federalnogo proekta «Professionalitet» Kaliningradskoi oblasti* [Features of the implementation of the cluster approach in secondary vocational education on the example of participants in the federal project “Professionalism” of the Kaliningrad region] // *Nauchno metodicheskii elektronnyi jurnal «Kaliningradskii vestnik obrazovaniya»*. 2024. № 3 (23). S. 16–32. (In Russian).
10. Fauzer V.V. *Klasterezatsiya v sovremennom obrazovanii_ metodologiya i praktika* [Clusterization in modern education: methodology and practice] // *Izvestiya Komi NC UrO RAN*. 2016. № 2 (26). S. 93–94. (In Russian).
11. Fedorov V.A., Tretyakova N.V., Tyurina G.A. *Organizatsiya vzaimodeistviya kolledja s socialnimi partnerami v integrirovannoi obrazovatelno_proizvodstvennoi srede pri podgotovke kvalificirovannykh rabochih* [Organization of college interaction with social partners in an integrated educational and industrial environment in the training of skilled workers] // *Professionalnoe obrazovanie i riнок truda*. 2024. № 3. S. 100–116. (In Russian).
12. Shirinkina E.V. *Razvitie novykh sistem razdeleniya truda i formatov raboty v usloviyakh novoi realnosti* [The development of new systems of division of labor and work formats in a new reality] // *Voprosi upravleniya*. 2022. № 1 (74). S. 62–72. (In Russian).
13. Yusupov V.Z., Bashkirova L.I., Muhametzyanova F.G. *Model upravleniya obrazovatelnim processom v kolledje na osnove klasternogo podhoda* [A model of management of the educational process in college based on a cluster approach] // *Kazanskii pedagogicheskii jurnal*. 2023. № 2. S. 159–168. (In Russian).
14. Courchesne S., Stylen D., Semeijn J., Caniels M. *New ways of fostering sustainable employability in inter-organizational networks: an explorative study to understand the factors and mechanisms for their success* // *Employee Relations*. 2023. Vol. 46. S. 115–140. (In English).
15. Moeller B. *Workplace learning potential in uncertain situations in care work* // *Journal of Workplace Learning*. 2025. Vol. 37. № 1. S. 78–92. (In English).

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ**SOCIOLOGY OF PROFESSIONAL COMMUNITIES**

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.008

ББК 60.543.129в64

УДК 316.343.724

Я.А. ГРИГОРЕНКО,
Т.В. ДУРАН**ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ГУ МВД
РОССИИ ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**YA.A. GRIGORENKO,
T.V. DURAN**THE VALUE COMPONENT
OF THE DEVELOPMENT POTENTIAL OF CIVIL
SERVANTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL
AFFAIRS OF RUSSIA IN THE SVERDLOVSK
REGION: EMPIRICAL RESEARCH EXPERIENCE**

В статье рассматриваются теоретические основания анализа ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих МВД России и результаты эмпирического исследования оценок служащими ГУ МВД по Свердловской области ценностной составляющей потенциала развития. Проведен анализ трактовок потенциала развития государственных служащих органов внутренних дел и их профессиональных ценностей, дана типология ценностей, на основании которой разработан инструментарий эмпирического исследования. В статье представлены результаты авторского эмпирического исследования, цель которого — анализ мнений и оценок служащими ГУ МВД по Свердловской области ценностного аспекта потенциала развития служащих органов внутренних дел.

The article examines the theoretical foundations of the analysis of the value component of the development potential of civil servants of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the results of an empirical study of the assessments of the value component of the development potential by employees of the Ministry of Internal Affairs of the Sverdlovsk region. The analysis of interpretations of the development potential of civil servants of internal affairs bodies and their professional values is carried out, a typology of values is given, on the basis of which an empirical research toolkit has been developed. The article presents the results of the author's empirical research, the purpose of which is to analyze the opinions and assessments by employees of the Ministry of Internal Affairs of the Sverdlovsk region of the value aspect of the development potential of employees of internal affairs bodies.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ценности, потенциал развития, государственные служащие, органы внутренних дел, полиция

KEY WORDS: values, development potential, civil servants, law enforcement agencies, police

ВВЕДЕНИЕ. Многогранный характер ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих предполагает рассмотрение вопросов их профессиональных ценностей и потенциала развития. Изучение данной темы следует начать с определения термина «потенциал развития государственных служащих». В научной литературе данный

термин рассматривается с различных позиций. Обращение к этимологии термина «*potentia*» позволяет увидеть, что с латинского языка он переводится как «сила, безграничные возможности или скрытые способности». Расширение компонентов, составляющих основу потенциала развития государственных служащих вследствие возрастания исследовательского интереса, привело к появлению новых трактовок данного феномена. «Потенциал развития» изучается в контексте человеческого потенциала, который понимается исследователями как многообразие выбора возможностей развития индивидуумом в обществе.

Анализ человеческого потенциала предполагает изучение его компонентов, прежде всего, ценностей. Идею о ценностях как компоненте потенциала выдвигали Н.М. Римашевская, И.В. Соболева и др. Развитие этих идей нашло отражение в исследованиях Н.В. Латовой и О.И. Иванова. Н.В. Латова, исследуя человеческий потенциал россиян, подчеркивает, что в него входят такие ключевые ценности, как работа и самореализация [9, с. 48]. В свою очередь О.И. Иванов, описывая показатели человеческого потенциала и подразделяя их на четыре группы, выделяет среди них свойства внутренних компонентов, раскрывающих человеческий потенциал. По мнению автора, эти компоненты включают в себя мотивы, намерения, потребности и степень готовности их носителей к выполнению социально значимой деятельности [7, с. 90]. Автор акцентирует внимание на ведущей роли ценностей в определении потребностей, мотивов, намерений и готовности к осуществлению социально значимой деятельности. Такой подход в большей степени применим к анализу ценностной составляющей профессиональной служебной деятельности государственных служащих. Поэтому мы остановились на позиции О.И. Иванова в связи с тем, что выделенные им группы показателей в значительной степени используются нами при проведении эмпирического исследования ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих органов внутренних дел.

Обращение к проблематике потенциала государственных служащих предполагает выделение сущностных характеристик потенциала развития. Данное понятие часто применяется в исследованиях, посвященных экономике и деятельности профессиональных групп. В некоторых случаях «потенциал развития» используется как оценочная категория для определения перспектив стратегического развития организации. Отличие потенциала развития от человеческого потенциала заключается в том, что первый рассматривается как условия или среда, которыми располагают индивид, социальная общность и организация.

Ряд авторов рассматривают «потенциал развития» как качественную характеристику, присущую определённому субъекту. Например, Т.Н. Прижигалинская, Д.С. Терновский и М.Г. Пьянкова описывают потенциал развития как качественное свойство, позволяющее своевременно адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды [13, с. 10]. Благодаря данному свойству существует возможность сохранить приоритетные направления деятельности для достижения намеченного результата. Такое понимание потенциала значимо для системы государственной службы и государственных служащих. Применяя термин «потенциал развития» к изучению профессиональных групп, необходимо отметить, что он в первую очередь характеризует инновационный потенциал и его составляющие. Так Д.Г. Багдасарова, выделяя элементы инновационного потенциала, подчеркивает, что ключевым из них выступают аксиологические ориентации, отражающие морально-нравственные ценности личности [3, с. 120].

Проведенный анализ трактовок понятия «потенциал» показал отсутствие специальных теоретических исследований, посвященных потенциалу развития государственных служащих. Несмотря на это, исследование потенциала развития государственных служащих предполагает опору на уже существующие исследования в других сферах общественной жизни и профессиональных групп. Рассмотрев категории «потенциал», «человеческий потенциал», «потенциал развития» и «инновационный потенциал» можно сделать вывод, что понятия «потенциал» и потенциал развития концентрируют внимание не только на ресурсах

(скрытых и явных), а фиксируют особое свойство деятельности, позволяющее адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды и профессионально развиваться.

В первую очередь проанализируем ценностную составляющую потенциала развития на государственной службе, изучив профессиональные ценности государственных служащих.

Профессиональные ценности государственных служащих стали объектом научных исследований сравнительно недавно. В процессе развития государственной службы в России возрастал интерес к профессиональным ценностям государственных служащих. По мнению, А.В. Куракина профессиональные отношения, приобретая качественную устойчивость, формируют особые нравственные установки, соответствующие характеру выполняемой трудовой деятельности [8, с. 33]. Н.А. Ахметова подчеркивает, что профессиональные ценности со временем приобретают свойство общественного характера, становясь основанием профессиональной идентичности. Таким образом, профессиональные ценности определяют потенциал развития государственного служащего, а также ощущение значимости выполняемой трудовой деятельности [2, с. 108].

Профессиональные ценности государственных служащих зависят многих факторов, среди которых: осознанность и индивидуальность личности, уровень её самореализации, чувствительность к собственным потребностям, самоуважение, способность управлять своей жизнью, креативность, наличие жизненных целей, представления о природе человека, а также уверенность в себе и другие. К их числу можно также отнести высокий профессионализм и компетентность в отдельных вопросах профессионально служебной деятельности.

При обращении к детерминантам профессиональных ценностей государственных служащих заслуживает внимания классификация О.В. Фролова. Он выделяет четыре основных аспекта, влияющих на состояние и динамику ценностей профессиональной деятельности государственных служащих в условиях социально-экономических перемен, такие как: национальная культура, корпоративная культура, индивидуальная культура руководителя и субкультура формальных и неформальных профессиональных групп [15, с. 144].

В тоже время необходимо учитывать, что формирование ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих определяется спецификой их профессиональной деятельности.

Государственные служащие, являясь представителями особой социально-профессиональной группы, обеспечивают исполнение полномочий государственными органами в пределах государственной политики, реализуемой соответствующими органами власти. Их ценности оказывают влияние на проводимые преобразования и реформы, на интересы и мотивы поведения всех участников общественных отношений. Однако статус государственных служащих имеет двойственный характер. С одной стороны, они выступают представителями власти, осуществляющей государственное управление в различных сферах общественной жизни. С другой стороны — членами общества, ощущающими на себе последствия реформ и реализуемых мер государственной политики.

Анализ научной литературы, посвящённой проблематике исследования, позволил дать классификацию ценностей государственных служащих, включающая три группы:

- *общечеловеческие*: имеют особую важность для государственных служащих, так как в своем большинстве являются общепризнанными для всех участников социальных отношений (благородств, вера, добро, достоинство, жизнь, истина, красота, совесть, свобода, справедливость);
- *нормативные*: закреплены в основном законе страны, нормативных актах, регулирующих государственную службу. Для лиц, поступивших на службу они становятся профессиональными, так как на них возлагаются обязательства по соблюдению данных норм (беспристрастность, государственность, законность, мужество, открытость, патриотизм, профессионализм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, человек, его права и свободы, честность);

— *профессиональные*: наиболее значимые в профессиональной деятельности лиц, проходящих государственную службу (дисциплинированность, исполнительность, ответственность, взаимоуважение, взаимопомощь, карьера, креативность, ответственность, развитие, труд);

Общечеловеческие ценности государственных служащих органов внутренних дел изучаются с позиции морально-нравственной стороны профессионально служебной деятельности. В частности, А.В. Абрамов, анализируя ценности сотрудников органов внутренних дел, отмечает, что профессия сотрудника полиции невозможна без моральных ценностей, определяющих профессиональное сознание [1, с. 24]. По мнению Е.А. Мамай, к морально-нравственным ценностям сотрудников полиции, определяющим основу морального духа, относятся достоинство, свобода и совесть [10, с. 107]. Л.М. Осинцева, рассматривая проблемы нравственно-правового воспитания сотрудников органов внутренних дел, дополнила данный перечень, включив в него такие ценности, как благородство, добро и справедливость [12, с. 99]. Учитывая социальную значимость государственной службы в органах внутренних дел необходимо подчеркнуть, что данное обстоятельство обуславливает высокий уровень требований к морально-нравственным ценностям сотрудников полиции.

Нормативные ценности государственных служащих органов внутренних дел рассматриваются как закреплённые в нормативно-правовых документах нормы служебного поведения лиц, проходящих государственную службу. По вопросу об основных нормах, определяющих профессиональную деятельность государственных служащих, существуют различные точки зрения. В исследованиях Е.А. Бойко и В.Н. Меньшовой, отмечается, что основными ценностями государственных служащих выступают нормы конституционного характера [4, с. 120]. Вместе с этим авторы отмечают необходимость конкретизации и последующего нормативно-правового закрепления ценностей государственных служащих [5, с. 14]. Аналогичной точки зрения придерживается М.В. Сальников, дополняя вышеупомянутые конституционные нормы положениями из нормативно-правовых документов в сфере традиционных российских духовно-нравственных ценностей [14, с. 239]. Таким образом к конституционной ценности «человек, его права и свободы» добавляются патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, справедливость и другие. Важно отметить, что в той или иной степени вышеперечисленные ценности совпадают с теми, что изложены в нормативно-правовых актах, регулирующих прохождение государственной гражданской службы и службы иных видов. К ранее отмеченным нормативным ценностям государственных служащих органов внутренних дел следует добавить такие ценности, как беспристрастность, государственность, законность, мужество, открытость, профессионализм и честность.

Профессиональные ценности государственных служащих органов внутренних дел следует рассматривать с позиции особенностей прохождения службы. Безусловно, функциональная направленность служебной деятельности государственных гражданских служащих и сотрудников полиции имеет отличительные особенности. Однако в данном случае ценности определяют отношение к выполняемой работе, что выражается в уровне профессионализма государственных служащих. Так С.Ю. Михайлова, Е.А. Слесарева и Н.В. Задохина подчеркнули, что улучшение социально-психологического климата сотрудников полиции напрямую зависит от степени развитости ценностей взаимопомощи и взаимоуважения [11, с. 53]. Кроме этого И.А. Галкин обращает внимание на то, что труд является одной из значимых ценностей государственных служащих [6, с. 39]. К данным ценностям справедливо следует отнести аккуратность, дисциплинированность, исполнительность и ответственность.

Таким образом, профессиональные ценности государственных служащих различаются в зависимости от вида прохождения государственной службы. В органах внутренних дел предусмотрено два вида прохождения государственной службы: федеральная государственная гражданская служба и служба иных видов. Однако в научной литературе ценности го-

сударственных служащих не различаются в зависимости от видов государственной службы по нескольким причинам.

Во-первых, единство правовой системы, формирующей основы прохождения государственной службы в стране. Во-вторых, системный характер службы в органах внутренних дел. В-третьих, схожесть теоретических подходов к определению совокупности основных ценностей государственных служащих в органах внутренних дел. На основании вышесказанного профессиональные ценности государственных служащих органов внутренних дел несмотря на отличия прохождения службы имеют целостную нормативно-правовую основу, определяющую единство ценностной составляющей государственной службы.

Предложенные классификация и перечень ценностей не являются исчерпывающим, а скорее представляют попытку сформулировать основу ценностной составляющей государственной службы в органах внутренних дел.

ЦЕЛЬ исследования — анализ ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих ГУ МВД по Свердловской области.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для исследования ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих ГУ МВД России по Свердловской области использованы два метода исследования — экспертные интервью и анкетирование. Применение данных методов позволило осуществить системный анализ ценностей, составляющих основу потенциала развития государственных служащих органов внутренних дел Свердловской области. Экспертные интервью позволили изучить мнения государственных служащих о ценностной составляющей потенциала развития и её значимости для профессиональной служебной деятельности. Результаты анкетирования позволили выявить основные ценности государственных служащих, факторы, влияющие на их мотивацию, а также определить методы формирования ценностей, применяемые в органах внутренних дел.

В качестве участников экспертных интервью отобраны 20 респондентов, из которых 10 федеральных государственных гражданских служащих старшей группы должностей и 10 сотрудников органов внутренних дел, представляющих средний и старший начальствующие составы. Возраст информантов составил от 26 лет до 64 лет. По гендерному признаку респонденты разделились пропорционально. Участниками анкетирования стали 607 опрошенных, среди которых федеральные государственные гражданские служащие и сотрудники органов внутренних дел, замещающие должности младшего, среднего и старшего начальствующих составов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Экспертное интервью состояло из четырёх групп вопросов, две из которых посвящены пониманию потенциала развития и его ценностной составляющей государственными служащими. Государственные служащие понимают **«потенциал развития»** как совокупность имеющихся и скрытых возможностей, навыков и личностных качеств, позволяющих им достигать поставленных целей и преумножать свои знания в процессе выполнения служебных обязанностей. *«Потенциал развития на службе, на мой взгляд, это не только имеющиеся и накопленные знания и опыт, а также умение сохранить определенный интерес к службе, не взирая на все трудности. Иначе, не сумев не сломаться, в трудной ситуации ты не сможешь реализовать свой потенциал»* (мужчина, возраст 53 года, главный специалист-эксперт, стаж службы 34 года). По мнению информантов, потенциал развития включает в себя как уже существующие способности, так и те, которые могут быть раскрыты в ходе профессиональной деятельности, а также определяют карьерные перспективы и возможности для дальнейшего роста. *«Наличие в человеке скрытых возможностей и способностей, которые при их раскрытии помогут улучшить результаты профессиональной деятельности госслужащего. Возможно, это те вершины карьеры на службе, которые человек может достичь за счет личных и профессиональных качеств, позволяющих ему развиваться на государственной службе»* (женщина, возраст 30 лет, ведущий специалист-эксперт, стаж службы 8 лет).

По мнению респондентов, ключевыми факторами, определяющими потенциал развития государственного служащего, являются: высокий уровень образования, постоянное повышение квалификации, опыт и профессиональные навыки, мотивация и личные качества, стремление к профессиональному росту, инициативность, поддержка со стороны руководства. Эти факторы взаимосвязаны, поскольку высокий уровень образования и квалификации способствует развитию профессиональных навыков, а мотивация и поддержка со стороны руководства создают благоприятные условия для непрерывного профессионального роста.

К компонентам потенциала развития участники интервью отнесли следующие:

- Профессиональные навыки и знания (*владение специализированными знаниями, необходимыми для выполнения служебных обязанностей, включая знание законодательства и методов работы*);
- Личностные качества (*уважение к закону и правам граждан, чувство долга и соблюдение профессиональной этики*);
- Коммуникативные навыки (*умение эффективно общаться с коллегами, начальством и гражданами, а также навыки деловой коммуникации*);
- Способность к обучению (*готовность к непрерывному обучению и усвоению новой информации, а также извлечение уроков из проблемных ситуаций*);
- Мотивация и стремление к развитию (*внутренняя мотивация к профессиональному росту и желание улучшать свои результаты*);
- Ценностную составляющую (*беспристрастность, достоинство, патриотизм, профессионализм, справедливость и другие*).

Вышеперечисленные компоненты в совокупности составляют основу потенциала развития, позволяющего государственным служащим достигать высоких результатов в своей профессиональной деятельности.

Далее более подробно рассмотрим ценностную составляющую как компонент потенциала развития в представлении государственных служащих. Исходя из проведенных интервью следует, что наиболее часто информантами отмечались следующие ценности: профессионализм и честность — 20 ответов; законность — 11 ответов; служение — 10 ответов; справедливость — 8 ответов; патриотизм и честность — 7 ответов; жизнь — 4 ответов; беспристрастность, благородство и взаимоуважение по 3 ответа. Респонденты отметили, что данные ценности важны при принятии решений в профессиональной служебной деятельности, а также они способствуют осознанию важности своей роли как человека, находящегося на службе у своей страны. «Основные ценности государственной службы я бы отметил, как те, которые в нас есть до прихода на службу будучи гражданами, а вместе с ними появляются те, что становятся спецификой нашей профессиональной деятельности. Я вот пришел почти как ты, там было это страшно сказать сколько лет назад. Родину любил, правда, меня в армии этому научили, но и до это любил (респондент немного посмеялся, произнеся данную фразу). Имел одним словом чувство патриотизма за великую историю, за великих людей, за выдающие достижения. Жизнь ценил и свою и чужую. Знал, что надо иметь честь, достоинство, чтобы быть настоящим офицером. Годы прошли и вот закон добавил, что я должен быть беспристрастным, соблюдать законность прав и свобод, придерживаться государственности. Может я такой и мне это кажется странным, но я и раньше этому всему следовал. Отдать более четверти века службе что-то помогло. Так что, мой дорогой, вот такие они ценности службы для меня, да, в целом они должны быть примерно такими для всех» (мужчина, возраст 48 лет, образование — высшее, начальник отделения — заместитель начальника отдела, стаж службы 27 лет).

Результаты экспертных интервью показывают, что для государственных служащих профессиональные ценности играют ключевую роль в развитии потенциала. Они выполняют следующие функции: регулируют служебное поведение, выступая морально-нравственной основой для принятия решений и определения приоритетов в профессионально служеб-

ной деятельности; повышают уровень профессиональной этики, способствуя повышению доверия со стороны граждан. *«Это к вопросу о ценностях и мотивах. Что движет человеком, то и помогает ему реализовать себя в профессиональной деятельности. Да, тут надо сделать оговорку, что нас побуждают личные мотивы, ценности, цели, поэтому нужно понимать простую формулу, что необходимо соотносить все это с той сферой, где ты работаешь. Сотрудник ОВД должен понимать, что у него есть свои стремления, мотивы, ценности, а также системы органов внутренних дел. Нужно понимать, что необходимо соотносить эти точки, чтобы произошло соприкосновение, от которого можно отталкиваться. Нельзя только для себя делать, а нужно думать об общих целях, задачах и коллегах»* (мужчина, возраст 47 лет, заместитель начальника управления, стаж службы 28 лет). Кроме этого информанты отметили, что изменения в ценностях человека могут существенно повлиять на его потенциал к профессиональному и личному росту. Они подчеркнули, что изменения в ценностях могут привести к более ответственному поведению, что положительно скажется на эффективности выполняемой работы. Однако и выделили профессиональное выгорание, разочарование в службе в силу отрицательного эффекта изменений. *«Конечно, могут на принятие решений и действий. Перспективы продолжения службы. Порой так можно засомневаться, что некоторые вещи становятся здесь хуже, лучше не будет и стоит просто уйти от бессилия. Для МВД в последние годы все стала характернее данная тенденции»* (женщина, возраст 48 лет, ведущий специалист-эксперт, стаж службы 25 лет). Далее рассмотрим результаты анкетирования.

Анализируя данные анкетирования следует начать с основы ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих органов внутренних дел. Большинство респондентов (73,5%) считают, что основу ценностей составляющей государственных служащих ГУ МВД России по Свердловской области составляют нормативные ценности (беспристрастность, законность, открытость, профессионализм, честность). Четверть опрошенных такой основой считают профессиональные ценности (взаимопомощь, креативность, дисциплинированность, исполнительность, ответственность). Лишь 1,5% респондентов выделили общечеловеческие ценности (добро, жизнь, истина, красота, любовь) как фундаментальные для государственной службы в органах внутренних дел.

Далее рассмотрим наиболее значимые для государственных служащих ГУ МВД России по Свердловской области ценности, представленные в приведенной выше типологии.

Общечеловеческие ценности. На основании данных ответов участников анкетирования наиболее значимой ценностью является справедливость, которую отметили 83% респондентов. Второе место занимают совесть и достоинство — 62% и 58% соответственно. На третьем месте стоят жизнь и благородство (32% и 30% раза от всех опрошенных). Ценности добра и истины выбрали 21% и 18% респондентов соответственно. Менее значимыми для сотрудников ОВД стали ценности веры и красоты, которые получили по 7% и 3% от всех данных ответов соответственно.

Нормативные ценности. Полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее важными ценностями для сотрудников полиции являются законность и профессионализм, выбранные 70% и 67% соответственно. Последующими ценностями, которые важны для сотрудников органов внутренних дел стали, беспристрастность, человек, его права и свободы, а также честность, получившие по 37% от всех полученных ответов. Ближе к ранее перечисленным ценностям расположились мужество и патриотизм, выбранные по 32% от всех данных ответов. Кроме этого нельзя не отметить, что 26% респондентов отметили ценность служения Отчеству и ответственности за его судьбу. Менее важными ценностями для сотрудника ОВД по числу полученных ответов оказались открытость и государственность, набравшие по 12% и 9% от всех ответов респондентов.

Профессиональные ценности. Результаты анкетного опроса показали, что наиболее важными ценностями для сотрудников органов внутренних дел выступают дисциплиниро-

ванность и ответственность, их выбрали 74% и 71% опрошенных респондентов. На втором месте по значимости стоят: взаимопомощь — 51%, взаимоуважение — 50% и исполнительность — 46%. Развитие и аккуратность в системе ценностей сотрудников органов внутренних дел заняли третье место — 17% и 15% соответственно. Наименьшую значимость имеют ценности труда, карьеры и креативности, выбранные в качестве ответов по 11%, 10% и 6% соответственно.

Различная значимость ценностей среди сотрудников полиции может объясняться их непосредственной связью с повседневными обязанностями и задачами, которые стоят перед ними. Дисциплинированность и ответственность, выбранные 74% и 71% респондентов, являются важнейшими для выполнения одной из основных функций МВД — обеспечения правопорядка, выполнения служебных обязанностей, что делает их критически важными для успешной работы в правоохранительных органах. Взаимопомощь и взаимоуважение (51% и 50%) отражают необходимость командной работы и поддержки среди коллег, что также имеет большое значение в условиях повышенной эмоциональной нагрузки и стресса. Последующие вопросы затрагивали темы престижа службы и её полезности для общества.

На вопрос «Считаете ли Вы престижной государственную службу в органах внутренних дел?» почти четверть респондентов (24,2%) ответили «да». Вариант ответа «скорее да, чем нет» выбрали 29% респондентов. Выразили мнение «скорее нет, чем да» 20,9% опрошенных и только 17,3% государственных служащих не считают службу в органах внутренних дел престижной. На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что более половины респондентов — 53,2% оценивают государственную службу в ОВД как престижную. Это свидетельствует о наличии положительного восприятия службы среди участников опроса, что может быть связано с осознанием значимости их роли в обеспечении правопорядка и безопасности в обществе. Однако стоит обратить внимание на то, что более 46% опрошенных не считают службу престижной или выражают сомнения в этом. Возможно, данное обстоятельство указывает на существующие проблемы, связанные с восприятием государственной службы, которые могут быть связаны с негативными стереотипами, недостаточной поддержкой со стороны общества или внутренними трудностями в работе органов внутренних дел. Отвечая на вопрос, «считаете ли Вы, что Ваша служебная деятельность приносит пользу обществу?», 54,7% опрошенных отметили «да», а также 34,4% респондентов выбрали «скорее да, чем нет». Таким образом, значительная часть респондентов — 82,1% всех участников опроса — оценивают свою службу как полезную для общества. Следовательно, в настоящее время среди личного состава ГУ МВД России по Свердловской области наблюдается усиление значимости профессиональных ценностей и высокий уровень оценки полезности служебной деятельности для общества.

Рассматривая факторы, влияющие на мотивацию государственных служащих, стоит начать с того, что основным из них является материальное вознаграждение, отмеченное 75% опрошенных. Следующим фактором по значимости оказалась возможность приносить пользу окружающим, выбранная 46% участников опроса. После расположились факторы: возможность получения социальных льгот и гарантий — 43%, возможность профессионального развития, самореализации — 40%, коллектив — 39%, а также условия труда — 33%. Менее значимы такие факторы, как удобства расположения рабочего места, высокий социальный статус, а также власть и влияние.

Один из вопросов анкеты был посвящен основным методам формирования ценностей, применяемые в органах внутренних дел. Рассматривая полученные данные, необходимо отметить, что наиболее эффективными методами формирования ценностей для сотрудников органов внутренних дел выступают информирование о принятых нормативно-правовых актах — 49%, информирование личного состава о мерах юридической ответственности сотрудников за совершение правонарушений — 47%, программы в рамках профессиональной переподготовки и повышения квалификации — 46%, и выступления лиц руководящего

состава с лекциями и беседами — 45%. Следовательно, наиболее эффективными практиками морально-психологического обеспечения для сотрудников ГУ МВД России по Свердловской области выступают мероприятия, формирующие правосознание, развивающие потенциал сотрудников и создающие служебную культуру.

ВЫВОДЫ. Результаты авторского эмпирического исследования позволили сделать вывод, что представления государственных служащих о «потенциале развития» сходятся во многих аспектах, несмотря на разницу в возрасте и опыт службы. Все респонденты отметили важность профессионального опыта, уровня знаний и стремления к росту.

Ценностные ориентации играют ключевую роль в формировании профессиональной идентичности государственных служащих. Респонденты акцентировали внимание на том, что осознание ценностей и их внедрение в профессиональную деятельность являются важными для повышения мотивации и удовлетворенности работой. Исследование показало высокий уровень осознания значимости ценностей в профессиональной служебной деятельности государственных служащих ОВД.

Анкетный опрос показал, что сотрудники МВД следуют ценностным установкам, которые включают профессиональные, нормативные и общечеловеческие ценности. Эти ценности влияют на исполнение служебных обязанностей, мотивацию и поведение служащих, что подчеркивает их значимость для формирования потенциала развития на государственной службе. Наиболее значимыми ценностями оказались беспристрастность, законность, открытость и профессионализм. Эти ценности формируют профессиональную идентичность сотрудников и способствуют их эффективной профессионально служебной деятельности. Материальное вознаграждение и социальные льготы являются более важными факторами мотивации, что подтверждается результатами исследования. Однако нельзя не отметить, что респонденты высоко оценивают значимость своей деятельности для общества и возможности самореализоваться в профессии.

Полученные результаты имеют высокую значимость для формирования ценностной составляющей потенциала развития государственных служащих системы МВД. Они подчеркивают необходимость акцентирования внимания на развитии профессиональных ценностей государственных служащих органов внутренних как фактора развития их потенциала. Триада нормативных, профессиональных и общечеловеческих ценностей способствует формированию профессионального осознания, что в перспективах может способствовать улучшению деятельности сотрудников органов внутренних дел. Важно продолжать работу по укреплению этих ценностей, что, в свою очередь, будет способствовать росту доверия населения к правоохранительным органам и престижу службы в органах внутренних дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. Политические и моральные ценности в структуре профессионального сознания сотрудника полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 19–27.
2. Ахметова Н. А. 2009. Роль профессиональной этики в профилактике коррупции. Власть. № 6. С. 106–109.
3. Багдасарова Д. Г. К вопросу о структуре и основных тенденциях развития инновационного потенциала преподавателей вузов // В сборнике: Инновационные перспективы Донбасса. Материалы 6-й Международной научно-практической конференции. Донецк, 2020. С. 119–122.
4. Бойко Е. А. Ценности государственной службы и гражданских служащих: перспективы для России // Власть. 2015. № 4. С. 116–123.
5. Бойко Е. А. Ценности государственной службы России — от деклараций к действиям // Вопросы управления. 2017. № 1 (44). С. 7–16.
6. Галкин И. А. Трудовая карьера в системе ценностей государственных (муниципальных) служащих // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2016. № 3 (8). С. 39–41.

7. Иванов О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // Социологические исследования. 2014. № 6 (362). С. 89–95.
8. Куракин А.В. Этические принципы служебного поведения государственных служащих как способ предупреждения коррупции // Современное право. 2003. № 2. С. 33–36.
9. Латова Н.В. Человеческий потенциал российских рабочих: ценности и установки // Journal of institutional studies. 2018. № 2 (10). С. 44–58.
10. Мамай Е.А. Морально-нравственные основы и ориентиры профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: по итогам всероссийского круглого стола // Научный компонент. 2021. № 2 (10). С. 106–112.
11. Михайлова С.Ю., Слесарева Е.А., Задохина Н.В. Психологическое содержание толерантности как профессионального качества сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 2. С. 51–55.
12. Осинцева Л.М. Теоретическая модель улучшения нравственно-правовых качеств курсантов вузов МВД России // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 2. С. 97–100.
13. Прижигалинская Т.Н. Методика количественной оценки потенциала развития организации с позиций ресурсно-затратного и результативного подходов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. № 1 (57). С. 9–15.
14. Сальников М.В. Нравственно-правовые ценности как основание профессиональной культуры сотрудников государственной службы // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 234–250.
15. Фролов О.В. Ценности профессиональной деятельности государственных служащих // Ценности и смыслы. 2017. № 1(47). С. 134–143.

REFERENCES

1. Abramov A.V. *Politicheskie i moral'nye cennosti v strukture professional'nogo soznaniya sotrudnika policii* [Political and moral values in the structure of professional consciousness of a police officer] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 3. S. 19–27. (In Russian).
2. Ahmetova N.A. 2009. *Rol' professional'noj etiki v profilaktike korrupcii* [The role of professional ethics in the prevention of corruption]. *Vlast'*. № 6. S. 106–109. (In Russian).
3. Bagdasarova D.G. *K voprosu o strukture i osnovnykh tendentsiyah razvitiya innovacionnogo potentsiala prepodavatelej vuzov* [On the issue of the structure and main trends in the development of the innovative potential of university teachers] // V sbornike: Innovacionnye perspektivy Donbassa. Materialy 6-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Doneck, 2020. S. 119–122. (In Russian).
4. Bojko E.A. *Cennosti gosudarstvennoj sluzhby i grazhdanskih sluzhashchih: perspektivy dlya Rossii* [Values of civil service and civil servants: prospects for Russia] // *Vlast'*. 2015. № 4. S. 116–123. (In Russian).
5. Bojko E.A. *Cennosti gosudarstvennoj sluzhby Rossii — ot deklaracij k dejstviyam* [The values of the Russian civil service — from declarations to actions] // *Voprosy upravleniya*. 2017. № 1 (44). S. 7–16. (In Russian).
6. Galkin I.A. *Trudovaya kar'era v sisteme cennostej gosudarstvennyh (municipal'nyh) sluzhashchih* [Labor career in the system of values of state (municipal) employees] // *Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnogo i nauchno-tekhnicheskogo znaniya*. 2016. № 3 (8). S. 39–41. (In Russian).
7. Ivanov O.I. *Chelovecheskij potencial: voprosy teorii i metodologii issledovaniya* [Human potential: issues of theory and methodology of research] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2014. № 6 (362). S. 89–95. (In Russian).
8. Kurakin A.V. *Eticheskie principy sluzhebnogo povedeniya gosudarstvennyh sluzhashchih kak sposob preduprezhdeniya korrupcii* [Ethical principles of official conduct of civil servants as a way to prevent corruption] // *Sovremennoe pravo*. 2003. № 2. S. 33–36. (In Russian).
9. Latova N.V. *Chelovecheskij potencial rossijskih rabochih: cennosti i ustanovki* [Human potential of Russian workers: values and attitudes] // *Journal of institutional studies*. 2018. № 2 (10). S. 44–58. (In Russian).
10. Mamaj E.A. *Moral'no-nravstvennye osnovy i orientiry professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del: po itogam vserossijskogo kruglogo stola* [Moral foundations and guidelines for the

- professional activities of law enforcement officers: based on the results of the All-Russian round table] // Nauchnyj komponent. 2021. № 2 (10). S. 106–112. (In Russian).
11. Mihajlova S. Yu., Slesareva E. A., Zadohina N. V. *Psichologicheskoe sodержanie tolerantnosti kak professional'nogo kachestva sotrudnikov organov vnutrennih del* [The psychological content of tolerance as a professional quality of law enforcement officers] // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2022. № 2. S. 51–55. (In Russian).
  12. Osinceva L. M. *Teoreticheskaya model' uluchsheniya нравственно-правовых kachestv kursantov vuzov MVD Rossii* [A theoretical model for improving the moral and legal qualities of university cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2011. № 2. S. 97–100. (In Russian).
  13. Prizhigalinskaya T. N. *Metodika kolichestvennoj ocenki potentsiala razvitiya organizacii s pozicij resursno-zatratnogo i rezul'tativnogo podhodov* [Methodology for quantifying the development potential of an organization from the perspective of resource-costly and effective approaches] // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava. 2016. № 1 (57). S. 9–15. (In Russian).
  14. Sal'nikov M. V. *Nravstvenno-pravovye cennosti kak osnovanie professional'noj kul'tury sotrudnikov gosudarstvennoj sluzhby* [Moral and legal values as the basis of the professional culture of civil service employees] // Teoriya gosudarstva i prava. 2024. № 1 (35). S. 234–250. (In Russian).
  15. Frolov O. V. *Cennosti professional'noj deyatel'nosti gosudarstvennyh sluzhashchih* [The values of professional activity of civil servants] // Cennosti i smysly. 2017. № 1(47). S. 134–143. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.009

УДК 316.344.24:378.12

ББК 60.543.129в643

Т.В. ДЕВЯТАЕВА

**АНАЛИЗ МОТИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ**

T.V. DEYYATAEVA

**ANALYSIS OF THE MOTIVATIONAL
STRUCTURE OF RESEARCH
AND TEACHING STAFF**

В статье описывается экспериментальное исследование мотивационной структуры научно-педагогических работников Сургутского государственного педагогического университета на основе теста Ф. Герцберга. Проведен сравнительный анализ мотивационной структуры научно-педагогических работников трех возрастных категорий. Представлен результат экспериментального исследования, выделены ключевые компоненты мотивационной структуры научно-педагогических работников в зависимости от принадлежности к возрастной когорте.

The article describes an experimental study of the motivational structure of scientific and pedagogical staff of Surgut State Pedagogical University based on the F. Herzberg test. A comparative analysis of the motivational structure of scientific and pedagogical staff of three age categories has been carried out. The result of an experimental study is presented, the key components of the motivational structure of research and teaching staff are identified, depending on their age cohort.

KEY WORDS: motivation, motivation profile, motivation structure, F. Herzberg test.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мотивация, мотивационный профиль, мотивационная структура, тест Ф. Герцберга.

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время одним из ключевых факторов, влияющих на развитие и успешное существование любой организации, является грамотное и своевременное использование внутреннего ресурса — работников. И мотивационная составляющая кадровой политики любой организации основывается на анализе удовлетворенности работниками своей профессиональной деятельностью и деятельностью организации в которой они работают. Воздействие работодателем на мотивацию труда работников повышает уровень развития организации.

ЦЕЛЬ статьи — экспериментальное исследование мотивационной структуры научно-педагогических работников Сургутского государственного педагогического университета на основе теста Ф. Герцберга.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Существующие методы воздействия на мотивацию труда, в которые входят материальное и нематериальное стимулирование, описанное в междисциплинарных подходах, не всегда, на наш взгляд, позволяет вывести мотивацию труда работников на необходимый уровень, так как факторы, влияющие на мотивационную модель, зависят не только от работодателя. Так материальное и нематериальное стимулирование — внутренние факторы и механизмы, можно использовать в системе управления кадровой политикой организации, однако влияние внешних факторов, например, таких как изменение условий работы научно-педагогических работников, внедрение инноваций в образовании, диктуемых соответствующими институтами, ставит перед высшими учебными заведениями условия, требующие изменений внутри организации, что напрямую

затрагивает трудовые функции, условия труда и уровень удовлетворенности работников.

Следовательно, вопросы мотивации труда научно-педагогических работников высших учебных заведений остаются актуальными, так как механизмы построения действенной мотивационной модели, выявление составляющих компонентов мотивации труда научно-педагогических работников, на наш взгляд, изучены недостаточно и требуют более детального рассмотрения.

Говоря о вопросах мотивации работников вузов, нельзя не отметить проводимые исследования в этой области профессором-исследователем Г.Е. Зборовским, профессором П.А. Амбаровым и их исследовательским коллективом в области мотивации научно-педагогических работников. Они представляют оригинальный новый взгляд на эти проблемы в части разрабатываемой ими концепции ресурсности научно-педагогических работников. Ресурсность рассматривается исследователями как индикатор, способствующий решению задач использования человеческого ресурса педагогической общности в части образовательной и научно-исследовательской деятельности [3, с. 334].

По нашему мнению, те ресурсы, которые являются частью указанной выше концепции, взаимосвязаны с целями образовательной организации, так как мониторинг эффективности высших учебных заведений, которые проводится ежегодно Министерством образования и науки Российской Федерации, частично имеет показатели эффективности, связанные с этими ресурсами, такие как исследовательские, публикационные, символические, ресурс научно-педагогической квалификации, социально-демографические, образовательно-педагогические. Эффективное использование этих ресурсов научно-педагогическими работниками, являются частью стратегии развития образовательной организации в целом, что, по нашему мнению, может стать надежным инструментом управления мотивацией научно-педагогических работников.

Отдельное внимание стоит уделить символической ресурсности научно-педагогических работников, имеющей центральное место в концепции Г.Е. Зборовского/П.А. Амбаровым. Важно замечание, речь идет о символической ресурсности, как «продуктивности» научных званий, ученых степеней, наград, экспертных статусов. По нашему мнению, эта часть концепции имеет важное значение, потому как деятельность, направленная на достижение научно-педагогическим работником этих ресурсов, напрямую связана с его мотивацией, а после достижения ресурса — выявляется лидер в педагогической группе [3, с. 334].

По мнению исследователей, активность (пассивность или имитационность) стратегий научно-педагогических работников, рассмотренные с позиции ресурсного подхода, могут быть объяснены либо дефицитом, либо наличием тех или иных ресурсов в их профессиональной деятельности [3, с. 342]. Для выявления дефицита ресурсов научно-педагогических работников также необходимо понимать уровень мотивации работников.

На сегодняшний день для его выявления существует множество механизмов в виде тестов и опросников, позволяющих определить уровень мотивации работников, одним из которых является тест мотивационной структуры Фредериха Герцберга. Согласно Ф. Герцбергу, создание приемлемых условий на рабочем месте недостаточно. Для того чтобы достичь успешного управления, руководителю организации необходимо выявлять, что мотивирует сотрудников, и правильно стимулировать их [1, с. 103].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Согласно теории Ф. Герцберга, мотивация основывается на двух группах факторов: мотивационных и гигиенических. Мотивационные факторы определяются условиями, которые создают высокий уровень мотивации, но при их отсутствии неудовольствие не возникает, гигиенические факторы по своей сущности являются условиями труда, частичное отсутствие которых приводит к неудовольствию, а их наличие не создает сильной мотивации [2, с. 2].

Структура мотивационных факторов согласно двухфакторной теории Ф. Герцберга состоит из таких показателей как премии за достижения, предоставление свободы действий,

использование накопленного опыта, суть самой работы, определенная ответственность, доступ к информации, карьерный рост. К гигиеническим факторам отнесены экономические показатели, статус, ориентация, социальные отношения в коллективе, физические (общие условия труда) и безопасность [1, с. 103].

Следовательно, можно говорить о том, что для работников, в том числе научно-педагогических, важными факторами для удовлетворительной работы могут являться не только материальное стимулирование, но и нематериальное, которое заключается в отношениях между коллегами, в части обмена опытом, понимании сути требуемых трудовых функций, доступности их реализации, а также участия в управлении организацией, что еще раз подтверждает ранее полученные нами результаты в проведенном разведывательном исследовании с использованием теста Motype В.И. Герчикова [4, с. 106].

В июле 2024 года нами было проведено экспериментальное исследование по определению мотивационной структуры научно-педагогических работников БУ «Сургутский государственный педагогический университет» с использованием теста Ф.Герцберга, состоящего из 28 вопросов, целью которого являлось выявление компонентов мотивационной структуры, которые могут лечь в основу мотивационной модели научно-педагогических работников.

В опросе приняли участие 62 научно-педагогических работника Сургутского государственного педагогического университета, которые были разделены по трем возрастным категориям: работники до 35 лет (1 группа), мы рассматривали данную категорию работников, как молодых специалистов, не имеющих большого профессионального опыта работы и не имеющих полного представления о потребностях, работники в возрасте от 36 лет до 49 лет (2 группа), имеющие, по мнению исследователей, стабильность как ведущий положительный мотив трудовой деятельности, работники от 50 лет и старше (3 группа), для которых важно различать положительные и отрицательные стороны трудовой деятельности [5, с. 122]. Исследование проводилось сплошным методом отбора.

По возрастным категориям респонденты распределились следующим образом: 1 группа — 11 человек, что составило 17,7% от общего числа опрашиваемых, 2 группа — 30 человек (48,4%), 3 группа — 21 человек (30,9%).

По половому признаку в опросе приняли участие 48 женщин, что составило 77,4% от общего числа респондентов и 14 мужчин, процент которых составил 22,6 соответственно.

По профессиональному признаку в опросе приняло участие 7 ассистентов (преподавателей) (11,3%), 11 старших преподавателей (17,7%), 39 доцентов (62,9%) и 5 профессоров (8,1%). По острепенности опрос прошли 39 научно-педагогических работников, имеющих ученую степень кандидата наук, что составило 62,9% от общего числа опрошенных, 5 докторов наук (8,1%) и 18 работников, не имеющих ученую степень (29%).

Респондентам было предложено пройти тест Ф. Герцберга, который состоит из 28 вопросов, каждый из которых содержит по два противоположных утверждения. Определение удовлетворенности или неудовлетворенности научно-педагогических работников осуществлялось через факторы, которые разделены Ф. Герцбергом на внутренние и внешние, а также на гигиенические и мотивационные, которые были обозначены соответствующими буквенными кодами:

- А — финансовые мотивы (внешние) — гигиенический фактор;
- Б — общественное признание (внешние) — гигиенический фактор;
- В — ответственность работы (внутренние) — мотивационный фактор;
- Г — отношение с руководством (внешние) — гигиенический фактор;
- Д — карьера, продвижение по службе (внутренние) — мотивационный фактор;
- Е — достижение личного успеха (внутренние) — мотивационный фактор;
- Ж — содержание работы (внутренние) — мотивационный фактор;
- З — сотрудничество в коллективе (внешние) — гигиенический фактор [6, с. 49].

Далее была произведена суммарность полученных баллов.

Полученные результаты опроса научно-педагогических работников группы 1 (в возрасте до 35 лет) позволяет выстроить мотивационную модель, в которой преобладающими факторами являются финансовые мотивы, общественное признание, ответственность работы и отношение с руководством. Малозначимыми факторами для молодых специалистов являются сотрудничество внутри коллектива, содержание работы и достижение личного успеха (Рис. 1).

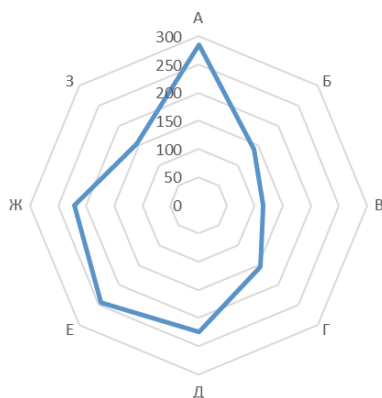

Рис. 1. Мотивационная модель научно-педагогических работников в возрасте до 35 лет

Результаты проведенного исследования группы 2 научно-педагогических работников (в возрасте от 36 до 49 лет), мотивация труда которых является более устойчивой к изменяющимся условиям труда, отличаются от результатов предыдущей группы. Так для категории опытных специалистов основным мотивационным фактором является уровень заработной платы и получение материальных благ, а также достижение успеха, что отличает опытных научно-педагогических работников от молодых специалистов. Необходимо отметить, что достижение успеха научно-педагогические работники не соотносят с карьерным ростом. В связи с этим можно сделать вывод о том, что достигаемый успех предполагает признание опыта внутри и вне коллектива. В тоже время полученные результаты могут свидетельствовать о том, что у специалистов данной группы может отсутствовать желание прилагать усилия для дальнейшего роста (получения ученой степени, ученого звания и др.). Малозначимыми факторами выступили отношение с руководством, ответственность работы и карьерный рост (Рис. 2).

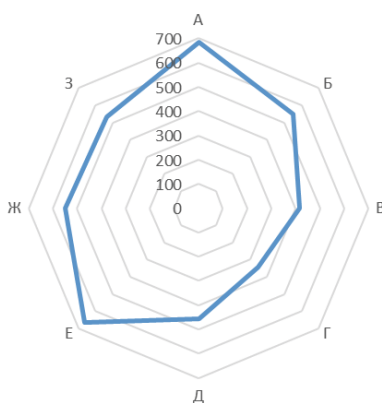

Рис. 2. Мотивационная модель научно-педагогических работников в возрасте от 36 до 49 лет

Для респондентов группы 3 (в возрасте от 50 лет и старше), основным и самым важным фактором в профессиональной деятельности является содержание работы и достижение личного успеха. Учитывая тот факт, что научно-педагогические работники данной возрастной категории имеют большой профессиональный опыт, известны в профессиональном сообществе, личный успех занимает одно из важных мест в мотивационном профиле. Финансовое благополучие,

уровень заработной платы занимают среднюю нишу профиля, несмотря на то, что карьерный рост для респондентов группы ушёл на заднюю ступень. Менее важным респонденты отметили отношения с руководством, карьерный рост. Однако показатель общественного признания в ответах респондентов так является малозначительным, что, по нашему мнению, может свидетельствовать об отсутствии заботы о признании в связи с уже достигнутыми целями (Рис. 3).

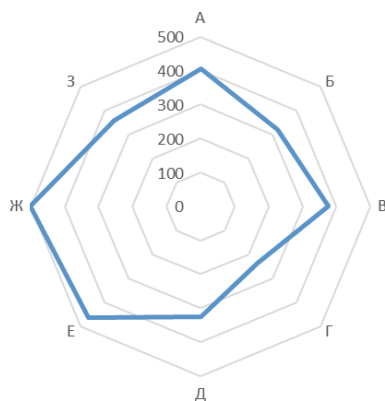

Рис. 3. Мотивационная модель научно-педагогических работников в возрасте от 50 лет

ВЫВОДЫ. Исходя из представленных результатов можно сделать вывод о том, что для научно-педагогических работников Сургутского государственного педагогического университета важными являются как гигиенические факторы, которые представляют собой совокупность внутренних стремлений, которые присуще любому человеку — быть здоровым, находиться в безопасности, быть сытым, иметь финансовое благополучие, обеспечить нормальные условия для проживания и окружения себя правильной социальной средой, так мотивационные факторы, которые зависят от определенных характеристик профессиональной группы.

Для профессиональной общности научно-педагогических работников мотивирующими факторами по отношению к труду являются признание их важности в коллективе, перспективы карьерного роста, совершенствование профессиональных навыков, содержание работы, участие в постановке задач организации, в принятии решений руководством, а также материальное стимулирование посредством гигиенических факторов через создание определенных условий для достижения целей организации в целом.

Сравнение возрастных когорт научно-педагогических работников позволило выявить, что такой фактор мотивационной структуры, например, как коллектив, чувство принадлежности к профессиональной общности является одним из важных для всех научно-педагогических работников, однако существуют и различия, в зависимости от принадлежности к определенной возрастной когорте. Мы подразумеваем, что мотивационные модели имеют возрастные различия, в связи с чем, ценности и факторы смещаются на иные в зависимости от достижения определенного возраста научно-педагогического работника.

Существующая на сегодня проблема старения кадров не обходит стороной и научно-педагогическое сообщество. Отмечающийся дефицит молодых ученых на рынке труда влечет за собой «застой» среди научно-педагогических кадров в организации, что, на наш взгляд, может приводить к дисбалансу компонентов мотивационной модели, несмотря на способность сохранения традиционности и «консервирования» развития образования в целом. Учитывая вышеизложенное, молодые кадры попадают в ловушку и оказываются заложниками в уже уготовленной процедуре традиционности и давления на идеи и новшества.

Проведенное экспериментальное исследование показало, что в связи с тем, что мотивационная модель научно-педагогических работников отличается в зависимости от возрастной принадлежности к определенной когорте, отмечается необходимость более глубокого изучения вопроса мотивации труда научно-педагогических работников.

Существующие динамические инновационные изменения в системе образования в Российской Федерации требуют от научно-педагогических работников более интенсивного труда как в учебно-методической, воспитательной, так и в научной деятельности, что непосредственно связано с дополнительным обучением и временными затратами на выполнение трудовых обязанностей. Слабая мотивация научно-педагогических работников, как и не сформированная система мотивации, с учетом мотивационных моделей и мотивационных профилей научно-педагогических работников, не позволит образовательной организации развиваться. Не смотря на сформированную стратегию и миссию слабо мотивированные профильные работники не будут являться ключевым звеном в решении задач образовательной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацокин А.О. Актуальность двухфакторной теории мотивации Фридриха Герцберга // Всероссийский журнал научных публикаций. 2013. № 5 (20). С. 48–51.
2. Девятаева Т.В., Засыпкин В.П. Экспериментальное исследование типов мотиваций работников университета: результаты пробного разведывательного опроса // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 2 (89). С. 111–117.
3. Зборовский Г.Е. Научно-педагогические работники в современной России: теория и биография социальной общности: монография / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2024. 430 с.
4. Кузнецова Т.В., Ярушева С.А. Мотивационный тест Ф. Герцберга — история и значение // Общество, экономика, управление. 2017. № 1. С. 102–106.
5. Прохорова М.В. Возрастные особенности мотивации трудовой деятельности работников коммерческих организаций // Акмеология, 2016. № 1 (57). С. 119–125.
6. Сошникова А.И., Александров А.А. Модель мотивации Ф. Герцберга как один из инструментов управления человеческой деятельностью в профессиональной сфере // Гуманитарный вестник. 2019. № 1 (75). С. 1–6.

REFERENCES

1. Bacokin A.O. *Aktual'nost' dvuhfaktornoj teorii motivacii Fridriha Gercberga* [The relevance of Friedrich Herzberg's two-factor theory of motivation] // Vserossijskij zhurnal nauchnyh publikacij. 2013. № 5 (20). S. 48–51. (In Russian).
2. Devyataeva T.V., Zasyypkin V.P. *Eksperimental'noe issledovanie tipov motivacij rabotnikov universiteta: rezul'taty probnogo razvedyvatel'nogo oprosa* [Experimental study of types of motivations of university employees: results of a trial intelligence survey] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2024. № 2 (89). S. 111–117. (In Russian).
3. Zborovskij G.E. *Nauchno-pedagogicheskie rabotniki v sovremennoj Rossii: teoriya i biografiya social'noj obshchnosti* [Scientific and pedagogical workers in modern Russia: theory and biography of a social community]: monografiya / G.E. Zborovskij, P.A. Ambarova. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2024. 430 s. (In Russian).
4. Kuznecova T.V., Yarusheva S.A. *Motivacionnyj test F. Gercberga — istoriya i znachenie* [Herzberg's motivation test — history and significance] // Obshchestvo, ekonomika, upravlenie. 2017. № 1. S. 102–106. (In Russian).
5. Prohorova M.V. *Vozrastnye osobennosti motivacii trudovoj deyatel'nosti rabotnikov kommercheskih organizacij* [Age-related features of motivation of labor activity of employees of commercial organizations] // Akmeologiya, 2016. № 1 (57). S. 119–125. (In Russian).
6. Soshnikova A.I., Aleksandrov A.A. *Model' motivacii F. Gercberga kak odin iz instrumentov upravleniya chelovecheskoj deyatel'nost'yu v professional'noj sfere* [Herzberg's motivation model as one of the tools for managing human activity in the professional sphere] // Gumanitarnyj vestnik. 2019. № 1 (75). S. 1–6. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.010

УДК 316.74:796

ББК 60.564.03

А.В. ЕРМИЛОВА

**ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ СПОРТСМЕНОВ
ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ КАК ФАКТОР
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

A.V. ERMILOVA

**HEALTH CARE OF ATHLETES OF HIGHER
ACHIEVEMENTS AS A FACTOR
OF PROFESSIONAL STABILITY:
A SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Рассматривается проблема профессиональной устойчивости спортсменов высших достижений через призму концепции здоровьесбережения, вызывающая интерес в большей степени у специалистов в области медицинских исследований сферы спорта, что подтолкнуло автора к социологическому анализу проблемы сохранности здоровья спортсменов высших достижений. С опорой на теоретические подходы изучения здоровья М. Лалонда и Н.А. Лебедевой-Несевря было осуществлено социологическое исследование «Профессиональное долголетие спортсменов высших достижений» с применением анкетного опроса спортсменов (n=400 чел.; выборка осуществлена методом «снежного кома») на кафедре общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2023–2024 гг. с целью оценки здоровьесбережения как фактора профессиональной устойчивости спортсменов высших достижений. В итоге были выявлены: рискогенность спортивной деятельности, состояние здоровья спортсменов, типология распространенных заболеваний, проблемы реализации концепции здоровьесбережения спортсменов в РФ, наиболее востребованные специалисты в процессе функционирования спортсмена в субполе спорта высших достижений, так и за его пределами. На основе личного практического опыта спортсменов делается заключение о том, что здоровье является самым дефицитным ресурсом в процессе реализации в субполе спорта высших достижений в связи с высоким уровнем травматизма, наличием хронических заболеваний, инвалидизацией. В постспортивный этап встречаемость с болезнями, вызванными трудовой деятельностью в спорте высших достижений, не снижается, что актуализирует проблему востребованности медико-социального сопровождения действующих спортсменов, а также завершивших спортивную карьеру. Повышение уровня эффективности реабилитационных услуг для спортсменов, еще только восходящих на Олимп славы (кандидатов в мастера спорта), имеет важное значения для сохранения целостности профессиональной общности спортсменов высокого уровня достижений, что отражает новизну исследования.

The problem of professional stability of athletes of higher achievements is considered through the prism of the concept of health saving, which is of interest to a greater extent among specialists in the field of medical research in the field of sports, which prompted the author to a sociological analysis of the problem of maintaining the health of athletes of higher achievements. Based on the theoretical approaches to the study of health M. Lalonde and N.A. Lebedeva-Nesevrya, a sociological study «Professional longevity of high-performance athletes» was carried out with the use of questionnaire survey of athletes (n=400 people; sampling was carried out by the «snowball» method) at the Department of General Sociology and Social Work of NNGU named after N.I. Lobachevsky in 2023–2024 in order to assess health saving as a factor of professional stability of

high-performance athletes. As a result, the following were revealed: the riskiness of sports activity, the state of health of athletes, the typology of common diseases, the problems of realization of the concept of health saving of athletes in the Russian Federation, the most demanded specialists in the process of athlete functioning in the subfield of high-performance sports and beyond. Based on the personal practical experience of athletes, it is concluded that health is the most scarce resource in the process of realization in the subfield of high-performance sports due to the high level of injuries, chronic diseases, and disability. In the post-sport stage the occurrence of diseases caused by labor activity in the sport of highest achievements does not decrease, which actualizes the problem of the demand for medical and social support of current athletes, as well as those who have completed their sports career. Increasing the level of effectiveness of rehabilitation services for athletes just rising to the Olympus of glory (candidates for master of sports) is important for preserving the integrity of the professional community of high-performance athletes, which reflects the novelty of the study.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: спортсмены высших достижений, здоровьесбережение, профессиональная устойчивость.

KEY WORDS: athletes of the highest achievements, health saving, professional stability.

ВВЕДЕНИЕ. Здоровьесбережение и профессиональное долголетие спортсменов высших достижений неразрывно связаны между собой. В то же время сохранность здоровья спортсмена является и ключевым фактором достижения высоких спортивных результатов, что выводит ее в число приоритетных направлений научного осмысления представителями разных исследовательских направлений, сконцентрировавших свое внимание на проблеме изучения рискогенности субполя спорта высших достижений. Несмотря на существование в нем двух векторов интерпретации риска, во-первых, положительно-оправдательной направленности, связанной, например, с извлечением прибыли от спортивных соревнований, возможностью быть признанным в обществе и, во-вторых, отрицательной — угроза различных видов потерь, функционирование субполя спорта высших достижений на сегодняшний день в значительной степени связано с последним, в связи с чем спортивная карьера традиционно ассоциируется с коротким спортивным веком. Причиной такого общественного восприятия служит наиболее часто встречающийся тип риска в субполе спорта высших достижений — ухудшение состояния здоровья спортсмена [7], вызванное преимущественно высоким уровнем травматизма, непосильным тренировочно-соревновательным режимом [12], что может способствовать профессиональной неустойчивости спортсменов. Следствием истощения либо утраты здоровья спортсменов является преждевременное завершение профессиональной спортивной карьеры, что может негативно сказываться на целостности общности спортсменов высокого уровня достижений.

Научная аргументированность факторов риска для здоровья в субполе спорта высших достижений не вызывает сомнения, о чем свидетельствует множество теоретико-прикладных работ научного сообщества, преимущественно специализирующихся на медицинских исследованиях в России и за рубежом [1; 2; 3; 4; 13; 14]. В нашем же случае, через призму социологического подхода рискогенной проблематики, мы намерены определить значимость здоровьесбережения для спортсменов, нацеленных на достижение высоких спортивных результатов. Нашего внимания заслуживают, в том числе, такие аспекты функционирования акторов в поле спорта, которые не обеспечивают сохранность их здоровья, усугубляя последствия определенной тяжести, не позволяющие спортсменам идентифицировать себя с профессионально устойчивой общностью. Следовательно, изучаемую проблему трудно переоценить с точки зрения обеспечения целостности общности спортсменов высших достижений в условиях трансформации мирового спорта, а также снижения уровня их инвалидизации и сохранения ресурсов для последующей их интеграции в социум после завершения спортивной карьеры.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Теоретико-методологической базой исследования выступают, во-первых, концепция «поля здоровья» М. Лалонда, включающая в себя четыре взаимозависимых поля:

- физического и психического здоровья индивида, обусловленного генетической предрасположенностью;
- пребывание актора в определенной окружающей среде;
- образ жизни (в исследовательском контексте, способствующий развитию болезней и инвалидизации, летальному исходу;
- организация системы здравоохранения [9].

Их актуализация имеет важное значение для осмысления проблемы здоровьесбережения в субполе спорта высших достижений, так же как и реабилитационные программы, направленные на скорейшее восстановление спортсменов.

Во-вторых, использованы теоретические разработки в области анализа социально-детерминированных рисков здоровью населения Н.А. Лебедевой-Несевря. Изучение теоретических подходов к моделированию здоровья (медицинской, биомедицинской, биосоциальной, ценностно-социальной моделей) предоставляет нам возможность выбрать в качестве наиболее подходящих для рассмотрения проблемы здоровьесбережения спортсменов, во-первых, биомедицинскую модель здоровья, которую Н.А. Лебедева-Несевря связывает с риском «возникновения объективных и субъективно ощущаемых отклонений определенной тяжести в органах и системах организма от их нормального состояния, формируемую под действием разнородных факторов (в том числе факторов среды обитания) в определенных условиях» [10, с. 52], являющуюся, по ее мнению, основной в исследовании рисков для здоровья социума. Также, на наш взгляд, внимание следует сосредоточить и на биосоциальной модели здоровья, так как «наряду с соматическим и психическим компонентами здоровья интерпретируется также и социальный компонент, маркирующий степень адаптированности человека в социальной среде» [10, с. 51-52]. Значимость второй модели актуализируется ввиду ярко выраженных особенностей поля спорта [8], оказывающих воздействие на социализирующегося в нем актора, в результате чего формируется габитус спортсмена [5].

Выявленная данным автором зависимость рисков для здоровья от среды обитания, в нашем случае от субполя спорта высших достижений, имеет первостепенное значение, так как спортивная деятельность признана наиболее опасной в социуме. При этом важно учитывать тяжесть конкретного нарушения (например, в случае травматизма), оценённого на основе объективного (медицинского) и субъективного критериев (восприятия, ощущений).

Оценка значимости здоровьесбережения как фактора профессиональной устойчивости спортсменов высших достижений осуществлена с помощью социологического исследования «Профессиональное долголетие спортсменов высших достижений» с применением анкетного опроса спортсменов (n=400 чел.; выборка осуществлена методом «снежного кома»), проведенного кафедрой общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2023-2024 гг. *Объект исследования* — здоровьесбережение спортсменов высших достижений. *Предмет исследования* — здоровьесбережение спортсменов высших достижений как фактор профессиональной устойчивости. **ЦЕЛЬ** исследования — произвести оценку здоровьесбережения в восприятии спортсменов высших достижений как фактора их профессиональной устойчивости. Выборка представлена 46% спортсменов мужского пола и женского — 54%, являющихся представителями индивидуальных видов спорта (71,5%) и командных — 28,5%, имеющих квалификацию кандидат в мастера спорта — К.М.С. (57,4%) и звания мастер спорта России — МСР (31,5%), заслуженный мастер спорта — ЗМС (3,3%), мастер спорта международного класса — МСМК (7,8%).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Авторское социологическое исследование выявляет преобладание в перечне рисков, характерных для спорта высших достижений, такого их типа, как потеря здоровья/ инвалидизация (см. рис. 1).

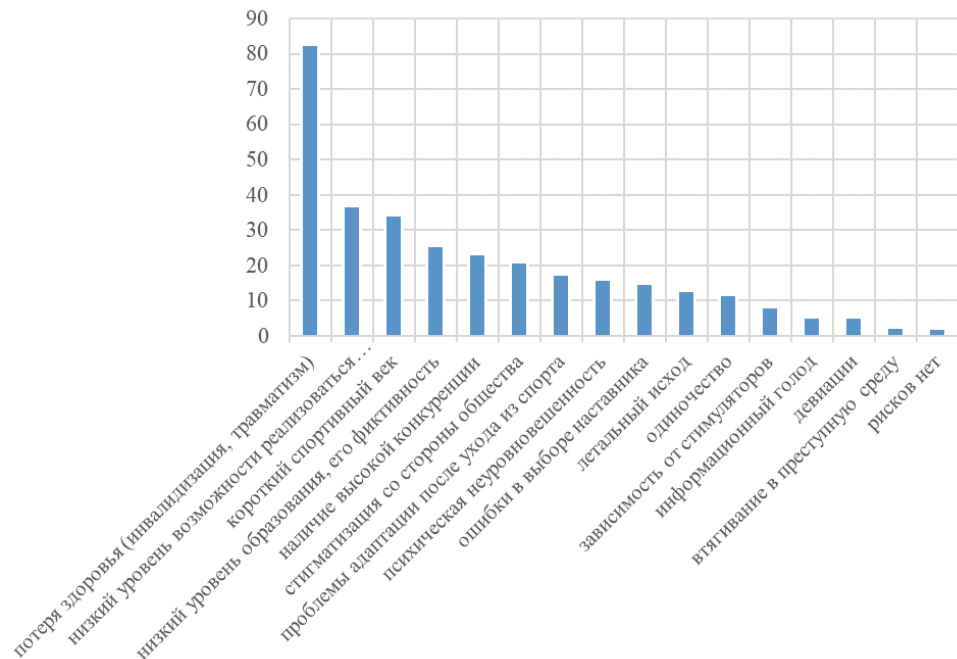

Рис. 1. Перечень рисков в спорте высших достижений, в% (n = 400 чел.)

Причем, окончательное осмысление угроз, нависших над физическим и психическим здоровьем спортсмена, приходит только тогда, когда спортсмен либо его коллеги непосредственно сами сталкиваются с травмой, различного рода заболеваниями. Угроза безопасности для здоровья спортсмена нависает над ним, начиная с этапа интеграции в поле спорта и заканчивая периодом выхода из него. Так 15% спортсменов предпринимали попытки уйти из спорта в самом начале своего спортивного пути, ссылаясь на тяжелые физические нагрузки (39,4%). В процессе профессиональной реализации преждевременное прерывание спортивной карьеры происходило из-за аналогичных проблем, связанных с низким уровнем здоровьесбережения — травматизация спортсмена (31,3%), общее ухудшение состояния здоровья (25%). На этапе завершения спортивного пути около 20% спортсменов (от числа закончивших спортивную карьеру — 167 чел.) оценивали свое состояние здоровья как плохое, указывая на сильный (17%) или средний уровень износа организма (43,4%); 30,5% спортсменов испытывали чувство истощенности сил, что свидетельствует об их физической и психической усталости. Следовательно, актуализируется вопрос здоровьесбережения на всех этапах карьерного продвижения, что характеризует в целом поле спорта как чрезвычайно опасное для здоровья спортсмена, тем более субполе спорта высших достижений. Как правило, к финишу своего спортивного пути спортсмены приобретают такие типичные заболевания, как патологии опорно-двигательного аппарата и сердечно—сосудистые заболевания, на что указало, соответственно 45,0% и 14% участников опроса. В процессе анализа структуры хронических заболеваний спортсменов высокого класса ученые, представляющие Волгоградский государственный медицинский университет [11, с. 11], выявили схожую природу заболеваемости на примере действующих и бывших спортсменов (см. табл. 1).

Таблица 1. Частота встречаемости заболеваний у бывших и действующих спортсменов, % (n=160 чел.)

Заболевания	Бывшие спортсме- ны (n=80 чел.)	Действующие спор- тсмены (n=80 чел.)
Опорно-двигательного аппарата	50,0	35,0
Сердечно-сосудистой системы	42,5	18,7
Желудочно-кишечного тракта	31,2	12,5
Болезни верхних дыхательных путей	35,0	20,0
Болезни нижних дыхательных путей	31,7	1,3
Варикозное расширение вен нижних конечностей	11,2	2,5
Варикозное расширение вен нижних конечностей	12,5	12,5

Сравнительная характеристика структуры хронических заболеваний действующих и бывших спортсменов, а также данные авторского исследования свидетельствуют о возрастании проблем со здоровьем в постспортивный период. Практически 1/3 спортсменов (от числа закончивших спортивную карьеру — 167 чел.) признались в том, что состояние их здоровья в постспортивный период ухудшилось и с каждым годом продолжает ухудшаться с «геометрической прогрессией», что требует существенных капиталовложений (в среднем около 10000 тыс. руб. в месяц). К тому же, с увеличением квалификации спортсменов финансовые затраты на поддержание здоровья могут увеличиваться до 40000 тыс. рублей, например, для мастеров спорта международного класса (13,3%).

В результате значительная часть спортсменов убеждены в том, что спорт высших достижений и здоровьесбережение несовместимы, считая его «катализатором» хронических заболеваний (51,3%) и даже инвалидизации спортсменов (66,2%). Из общего количества ответивших на вопрос относительно трансформации спортсмена в лицо с ограниченными возможностями здоровья (195 чел.) практически 1/3 спортсменов полагают, что инвалидизация чемпиона — это закономерный финал спортивной карьеры. При этом, 42 атлета признались в том, что в их спортивном окружении есть спортсмены, получившие инвалидизацию в процессе карьерного продвижения в поле спорта. Следовательно, здоровье спортсмена является, с одной стороны, самым важным ресурсом, позволяющим более продолжительное время оставаться профессионально устойчивым актором в поле спорта высших достижений; с другой — оно является и самым дефицитным ресурсом, по признанию 61,3% респондентов. Следует указать на одинаково устойчивое восприятие здоровья (от 57% до 65%) как дефицитного ресурса спортсменами с различным трудовым стажем.

Вышеуказанные негативные аспекты здоровьесбережения в субполе спорта высших достижений актуализируют, во-первых, вопрос оказания своевременной, эффективной медицинской помощи спортсменам, которая, по их мнению, нуждается в совершенствовании (68,7%). В частности, спортсмены обращают внимание на следующие нормативно-правовые лакуны, которые не позволяют спортсмену функционировать в поле спорта в рамках концепции здоровьесбережения:

- компенсация по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности, как правило, не способна покрыть необходимые затраты на лечение;
- перечень медицинских услуг по обязательному медицинскому страхованию тоже зачастую является недостаточным [6, с. 360].

Во-вторых, в связи с высоким уровнем травматизации спортсменов необходима отлаженная и качественная система их реабилитации. Однако перечень услуг, предоставляемых государственной системой реабилитации, не включает в себя все необходимое для восстановления спортсменов и их возвращения в строй. В результате чемпионы, особенно квалификации кандидаты в мастера спорта, вынуждены обращаться в коммерческие учреждения реабилитационной направленности, неся финансовые затраты преимущественно из соб-

ственного кармана. Такой подход способствует преждевременному уходу спортсменов квалификации К.М.С., в связи с высоким уровнем травм, наличие хронических заболеваний и отсутствием необходимой государственной помощи для их скорейшего восстановления, что негативно отражается на их профессиональной устойчивости.

Тем не менее, спортсмены готовы жертвовать своим здоровьем ради достижения цели, и делают это (см. табл. 2).

Таблица 2. **Факторы профессиональной устойчивости спортсменов высших достижений в зависимости от их квалификации/звания, в% (n=400 чел.)**

Факторы	Квалификация/звания спортсменов			
	К.М.С.	МСП	ЗМСП	МСМК
высокий статус спорта	16,1	21,0	23,0	17,9
эффективная система социальной защиты спортсменов	5,5	10,1	7,7	10,7
здоровьесбережение	47,9	44,5	30,8	46,4
достойное финансовое вознаграждение	3,7	3,4	0,0	7,1
результативность	66,4	65,5	61,5	75,0
снижение рискогенности поля спорта	13,8	7,6	23,1	10,7

Несмотря на осознание проблемы возможного ущерба собственному здоровью, реальный опыт реализации акторов в поле спорта показывает более высокую ценность спортивного результата, особенно тогда, когда спортсмен выходит на финишную прямую, устремившись к победе на международных соревнованиях высокого уровня (получение высшего спортивного звания МСМК). Данное обстоятельство актуализирует проблему медико-социального сопровождения спортсменов высших достижений в процессе достижения высоких результатов. Однако в постспортивный период, то есть после «выхода на пенсию», по признанию самих чемпионов, многие испытывали чувство забвения, собственной ненужности (21,4%), не говоря уже об отсутствии необходимой медицинской помощи. Данный аспект акцентирует внимание на психологических проблемах, в том числе, и в постспортивный период, решение которых требует соответствующей поддержки как со стороны близкого окружения спортсмена, так и специалистов разного профиля. Иерархия наиболее востребованных специалистов как во время карьерного продвижения в поле спорта, так и после ухода из него в качестве действующего спортсмена выглядит как триединство: психолог (30%), реабилитолог (28%), врачи разной специализации (28%). И если помощь реабилитолога и психолога востребована на всем протяжении профессионального пути не зависимо от стажа пребывания в поле спорта высших достижений, то востребованность помощи врачей узкой специализации достигает критической важности у спортсменов, соревнующихся более 20 лет (80%). На наш взгляд, данный факт требует более внимательного отношения к насущным проблемам спортсменов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, как со стороны общественности, так и со стороны представителей государственных органов. Сегодня требуется пересмотр стратегии реализации социальной политики в РФ в отношении спортсменов высокой квалификации, получивших тяжелые травмы/инвалидизацию в процессе тренировочно-соревновательной деятельности. В отношении данной категории населения необходимо применять адресную социальную помощь и в соответствии со ст. 15 ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» (последняя редакция от 26.12.2024 № 476) признать таких граждан нуждающимися в социальном обслуживании. В процессе реализации Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г. необходимо сконцентрировать внимание на спортсменах квалификации кандидат в мастера спорта, претендующих на место

в сборной Российской Федерации, в связи с недостаточно высоким уровнем качества реабилитационных услуг, которые предоставляются государственной системой реабилитации спортсменов. Несвоевременная и некачественная реабилитация чемпионов не дает им возможности вовремя вернуться в поле спорта и претендовать на реализацию в субполе спорта высших достижения.

ВЫВОДЫ. Начиная с этапа интеграции в поле спорта и заканчивая реализацией в субполе спорта высших достижений, здоровье спортсменов несомненно составляет основу их профессиональной устойчивости. Практический опыт чемпионов указывает на повсеместное распространение различного рода травм, заболеваний, переходящих в хронические, порой угрожающих жизни спортсмена, что актуализирует проблему несовместимости профессиональной деятельности в субполе спорта высших достижений и здоровьесбережения. Следовательно, спортивная деятельность, являясь одной из самых рискованных, не способствует профессиональной устойчивости спортсменов, что требует разработки подхода и механизма их профессионального сопровождения специалистами разных профилей и направлений, взаимодействующих между собой. Осуществляемые сегодня реабилитационные мероприятия низкого уровня, направленные на восстановление спортсменов, могут привести не только к утрате возможности реализации личности в спорте высших достижений, досрочному завершению спортивной карьеры, но и к потере жизнеобразующей функции человека — самообслуживанию (инвалидизации), а порой и к летальному исходу, что в итоге способствует трансформации личности спортсмена в низкоресурсный субъект социальных отношений. Перечисленные обстоятельства не способствуют сохранности, целостности спортсменов как социально-профессиональной общности, спортивный век которой и так недолговечен. Специалистам, работающим в государственной сфере медико-реабилитационных услуг и психологической поддержки, необходимо прежде всего сконцентрировать свое внимание на спортсменах квалификации К.М.С., не обладающих ресурсным капиталом самостоятельного разрешения проблем со здоровьем за счет собственных ресурсов. Это создаст условия для наращивания потенциала профессиональной деятельности спортсменов высокого уровня достижений, оптимизируя здоровьесбережение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев М.А., Лысенко А.В., Петрова О.А. и др. Особенности профессиональной спортивной деятельности и риск развития ускоренного старения // Успехи геронтологии. 2010. № 4 (23). С. 652–656.
2. Бокерия Л.А., Бокерия О.Л., Ле Т.Г. Внезапная сердечная смерть у спортсменов // Анналы аритмологии. 2009. № 2. С. 24–29.
3. Воронков Ю.И., Тизул А.Я. Медико-биологические и психолого-педагогические проблемы здоровья и долголетия в спорте: очерки. М.: Советский спорт, 2011. 228 с.
4. Дембо А.Г. Заболевания и повреждения при занятиях спортом. Л.: Медицина. 1991. 336 с.
5. Ермилова А.В. Габитус спортсмена: социологическая интерпретация через призму теории П. Бурдьё // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. № 2. С. 339–349.
6. Ермилова А.В. Проблема социальной защищенности спортсменов высших достижений // Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы. Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. — Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 357–363.
7. Ермилова А.В. Риски в спорте высших достижений: социологический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1. С. 138–146.
8. Ермилова А.В. Характеристики социального поля спорта: некоторые элементы теории П. Бурдьё // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 4. С. 418–423.
9. Лалонд М. Новый взгляд на здоровье канадцев. URL: https://scielosp.org/article/ssm/content/raw/?resource_ssm_path=/media/assets/rpsp/v12n3/12867.pdf (дата обращения: 29.03.2025).

10. Лебедева-Несевря Н.А. Теория, методология и практика анализа социально-детерминированных рисков здоровью населения: Дисс. док. соц. наук Пермь, 2014. 369 с.
11. Федотова И.В., Стаценко М.Е. Особенности структуры заболеваний спортсменов высокой квалификации в раннем постспортивном периоде // Бюллетень Волгоградского научного центра РАМН. 2009. № 2. С. 10–12.
12. Ermilova A.V., Abelkals I. The Impact of Traumatism on the Professional Aging: The Case of Elite Sports // Human, Technologies and Quality of Education. 2021. № 1. P. 1112–1122.
13. Hollmann W., Hettinger T. Sportmedizin Arbeit— und Trainingsgründlagen. Stuttgart: N. Y., 1980. 775 p.
14. Teramoto M., Bungum T.J. Mortality and longevity of elite athletes // J. of Science and Medicine in Sport. 2010. T. 13. № 4. P. 410–416.

REFERENCES.

1. Babaev M.A., Lysenko A.V., Petrova O.A. i dr. *Osobennosti professional'noj sportivnoj deyatel'nosti i risk razvitiya uskorenogo stareniya* [Features of professional sports activity and the risk of accelerated aging] // Uspexi gerontologii. 2010. № 4 (23). S. 652–656. (In Russian).
2. Bokeriya L.A., Bokeriya O.L., Le T.G. *Vnezapnaya serdechnaya smert' u sportsmenov* [Sudden cardiac death in athletes] // Annaly aritmologii. 2009. № 2. S. 24–29. (In Russian).
3. Voronkov Yu.I., Tizul A.Ya. *Mediko-biologicheskie i psixologo-pedagogicheskie problemy` zdorov`ya i dolgoletiya v sporte: ocherki* [Medico-biological and psychological and pedagogical problems of health and longevity in sport: essays] M.: Sovetskij sport, 2011. 228 s. (In Russian).
4. Dembo A.G. *Zabolevaniya i povrezhdeniya pri zanyatiyax sportom* [Disease and injury in sports] L.: Medicina. 1991. 336 s. (In Russian).
5. Ermilova A.V. *Gabitus sportsmena: sociologicheskaya interpretaciya cherez prizmu teorii P. Burd'e* [The athlete's habitus: sociological interpretation through the prism of P. Bourdieu's theory] // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya. 2022. № 2. S. 339–349. (In Russian).
6. Ermilova A.V. *Problema social'noj zashchishhennosti sportsmenov vy`sshix dostizhenij* [The problem of social protection of high-performance athletes] // Kommunikativny`e praktiki sovremennoj molodezhi: perspektivy` i vy`zovy`. Pod obshhej redakciej prof. Z.X. Saralievoy.— N. Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo, 2022. S. 357–363. (In Russian).
7. Ermilova A.V. *Riski v sporte vy`sshix dostizhenij: sociologicheskij aspekt* [Risks in high-performance sport: a sociological perspective] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social`ny`e nauki. 2023. № 1. S. 138–146. (In Russian).
8. Ermilova A.V. *Harakteristiki social`nogo polya sporta: nekotory`e e`lementy` teorii P. Burd'e* [Characteristics of the social field of sport: some elements of P. Bourdieu's theory] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. 2022. T. 22. № 4. S. 418–423. (In Russian).
9. Lalond M. *Novy`j vzglyad na zdorov`e kanadcev* [A new look at the health of Canadians] URL: https://scielosp.org/article/ssm/content/raw/?resource_ssm_path=/media/assets/rpsp/v12n3/12867.pdf (data obrashheniya: 29.03.2025). (In Russian).
10. Lebedeva-Nesevrya N.A. *Teoriya, metodologiya i praktika analiza social`no-determinirovanny`x riskov zdorov`yu naseleniya* [Theory, methodology and practice of analyzing socially-determined risks to public health]: Diss. dok. socz. nauk Perm`, 2014. 369 s. (In Russian).
11. Fedotova I.V., Stacenko M.E. *Osobennosti struktury` zabolevanij sportsmenov vy`sokoj kvalifikacii v rannem postsportivnom periode* [Features of the structure of diseases of high-skilled athletes in the early post-sport period] // Byulleten` Volgogradskogo nauchnogo centra RAMN. 2009. № 2. S. 10–12. (In Russian).
12. Ermilova A.V., Abelkals I. *The Impact of Traumatism on the Professional Aging: The Case of Elite Sports* // Human, Technologies and Quality of Education. 2021. № 1. P. 1112–1122. (In English).
13. Hollmann W., Hettinger T. *Sportmedizin Arbeit— und Trainingsgründlagen*. Stuttgart: N. Y., 1980. 775 p. (In English).
14. Teramoto M., Bungum T.J. *Mortality and longevity of elite athletes* // J. of Science and Medicine in Sport. 2010. T. 13. № 4. P. 410–416. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.011

УДК 316.344.24: 378.12

ББК 60.543.129в643

Л.Д. ЗАБОКРИЦКАЯ,
И.С. КРУТЬКО,
Н.А. ХЛЕБНИКОВ,
Е.В. МИЦЕНКО

**ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ:
КЕЙС УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

L.D. ZABOKRITSKAYA,
I.S. KRUTKO,
N.A. KHLEBNIKOV,
E.V. MITSSENKO

**TECHNOLOGY FOR DEVELOPING DIGITAL
PEDAGOGICAL COMPETENCIES AMONG
UNIVERSITY TEACHERS: A CASE STUDY
OF URAL FEDERAL UNIVERSITY**

Актуальность тематики обусловлена смещением роли преподавателя высшей школы в условиях цифрового общества. Авторы предлагают собственный кейс решения проблемы цифровой трансформации педагогических компетенций в условиях новых потребностей поколений и «иной дидактике», а также роста нагрузки на преподавателей вузов. Цель статьи — апробировать технологию развития цифровых педагогических компетенций преподавателей вузов (на примере кейса УрФУ). Теоретическая база исследования представлена широким охватом концепций (от теорий классиков до конструктивизма, смешанного обучения, и хьютагогики), подкрепленных ссылками на соответствующие источники. Проведенный анализ позволил обосновать необходимость смены технологии преподавания и роли преподавателя как носителя цифровых и педагогических компетенций и партнера, обладающего социально-значимыми для нового контингента качествами.

Практическая значимость заключается в предложенной методике обучения преподавателя высшей школы по актуальной дидактической модели. Методика встроена в технологию развития цифровых педагогических компетенций. По мнению авторов, данная технология должна основываться на таких этапах, как фиксация текущего уровня освоения педагогической теории и практики по широте и глубине, а также фактической потребности по направлениям цифровых педагогических компетенций; разработка и утверждение программы ДПО исходя из полученных в ходе эмпирического исследования результатов; оценка результатов обучения у целевой аудитории до и после прохождения обучения.

Эмпирическую часть исследования представляют результаты замера цифровых и педагогических компетенций молодых преподавателей через интервью и анкетирование. Результаты первой части эмпирического исследования легли в основу, разработанной методом обратного дизайна, программы повышения квалификации «Профессиональное мастерство преподавателя университета: современные подходы и практики». Цель которой — интеграция предметных знаний с цифровыми и дидактическими инструментами через использование инновационных методов обучения. Сравнительный анализ данных входного и итогового опросов выявил значительный прогресс в развитии цифровых педагогических компетенций слушателей программы.

Статья вносит вклад в вопросы методологии и практики в области новой «цифровой дидактики» в динамично развивающихся информационно-образовательных средах.

The relevance of the topic stems from the shifting role of higher education instructors in the context of a digital society. The authors present their own case study addressing the challenge of digitally transforming pedagogical competencies to meet the evolving needs of new generations, adapt to «alternative didactics,» and manage the increasing workload on university educators. The article aims

to test a technology for developing digital pedagogical competencies among university teachers, using the case of Ural Federal University (UrFU). The theoretical framework of the study integrates a broad range of concepts, from classical theories to constructivism, blended learning, and heutagogy, supported by references to relevant sources. The analysis substantiates the necessity of redefining teaching methodologies and the instructor's role as both a bearer of digital and pedagogical competencies and a collaborative partner equipped with socially relevant qualities for contemporary student cohorts.

The practical significance lies in the proposed methodology for training higher education teachers based on a modern didactic model. This methodology is embedded within a technology for developing digital pedagogical competencies, which the authors argue should involve three key stages: (1) assessing the current level of mastery of pedagogical theory and practice (breadth and depth) and identifying gaps in digital pedagogical competencies; (2) designing and approving a continuing professional education (CPE) program informed by empirical research findings; and (3) evaluating learning outcomes among the target audience before and after training.

The empirical component includes results from measuring digital and pedagogical competencies of early-career teachers through interviews and surveys. Findings from the initial empirical phase informed the development of a professional development program, *Professional Mastery of University Teachers: Modern Approaches and Practices*, designed using backward design. The program aims to integrate subject-specific knowledge with digital and didactic tools through innovative teaching methods. Comparative analysis of pre- and post-training surveys revealed significant progress in trainees' digital pedagogical competencies.

The article contributes to the methodology and practice of «digital didactics» within rapidly evolving information-educational environments.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: модернизация, дидактика, цифровые и педагогические компетенции, высшее образование.

KEY WORDS: modernization, didactics, digital and pedagogical competencies, higher education.

ВВЕДЕНИЕ. Традиционные постулаты университетского образования успешно решали задачи передачи опыта от поколения к поколению на протяжении многих веков, но сегодня необходимо признать их ограниченность в применении к новым социокультурным условиям [9, с. 46]. В условиях цифровой трансформации роль преподавателя высшей школы кардинально меняется. Если ранее преподаватель выступал основным источником экспертных знаний, то сегодня широкая доступность информации в интернет-ресурсах нивелирует эту функцию.

Кроме того, неизбежно меняются условия преподавательской деятельности. Так, например, в Уральском федеральном университете (УрФУ) поступательно растет нагрузка количества студентов на одного преподавателя (см. табл. 1).

Таблица 1. Расчет количества студентов на одного преподавателя

Показатели	2022/23	2023/24	2024/25
Число преподавателей (кол-во ППС и научных работников) ¹	3021	2963	2947
Кол-во студентов ²	40850	43878	47007
Количество студентов на 1 преподавателя	13,5	14,8	15,9

*Рассчитано авторами по данным из открытого доступа

¹ Показатель получен из доклада Первого проректора по экономике и стратегическому развитию УрФУ Сандлера Даниила Геннадьевича «О рассмотрении проекта плана финансово-хозяйственной деятельности УрФУ на очередной 2025 год и плановый период 2026–2027 гг. (материалы заседания ученого совета). Слайд 17. URL: https://urfu.ru/fileadmin/user_upload/common_files/academic_council/docs/2024-2025/01/Prezentacija_PFKND_2025-2027_na_US_dlja_razmeshchenija.pdf (дата обращения: 10.03.2025 г.)

² Показатель получен из доклада Директора по образовательной деятельности УрФУ Князева Сергея Тихоновича «Итоги приема 2024 года и учебной работы университета за 2023/24 учебный год, задачи на 2024/25 учебный год». Слайд 15. URL: https://urfu.ru/fileadmin/user_upload/common_files/academic_council/docs/2024-2025/10/_Uchenyi_sovet_28.10.24_Knjazev.pdf (дата обращения: 10.03.2025 г.)

Увеличение нагрузки на преподавателей неизменно приводит к увеличению объемов работ, которые возможно оптимизировать только за счет введения в преподавательскую деятельность новых технологических и дидактических решений. Освоить же новые технологические и дидактические решения преподаватели высшей школы на системном уровне могут за счет курсов повышения квалификации. И тут возникает важный вопрос, как и чему мы должны учить тех, кто сам учит? Действительно актуальным становится изучение того, чему мы должны сегодня, в первую очередь, обучать преподавателей университетов, а также как проектировать и реализовывать такое обучение. Именно поэтому мы предложили и протестировали новую методику и встроили ее в технологию развития цифровых педагогических компетенций преподавателей вузов.

ЦЕЛЬ статьи — апробировать технологию развития цифровых педагогических компетенций преподавателей ВУЗов (на примере кейса УрФУ).

Прежде всего, отметим, что под технологией в дидактике мы понимаем достаточно жёстко зафиксированную последовательность действий и операций, гарантирующую получение заданного результата. Как любая технология, технология в дидактике содержит определённый алгоритм решения задач.

Высшее образование становится базовой основой развития цифровой инновационной экономики и информационного общества [10, с. 73]. Данный факт свидетельствует о высокой общественной и экономической значимости результатов труда преподавателей высшей школы. Тем важнее становится разработка и применение определенной технологии, которая обеспечивает возможность получения запланированных, постоянных результатов.

Современная цифровая реальность требует иных подходов обучения студента «с пальцем на кнопке» и поиск комплементарных педагогических практик. Классическая лекционно-семинарская система обучения уже не позволяет сформировать актуальные для постиндустриального общества компетенции, а поэтому разработка, апробация и теоретическое осмысление принципиально новых дидактических решений — научная и практическая необходимость. Исследователи подчеркивают необходимость перехода от традиционной «трансляционной» модели преподавателя-вещателя к роли фасилитатора, мотиватора и наставника, а также освоение преподавателями цифровых решений, оптимизирующих их профессиональную деятельность [8, с. 234]. Научные основы подобного призыва заложены в отечественной психолого-педагогической науке в работах Л. Выготского и Ж. Пиаже, которые указывают, что именно через активное взаимодействие с информацией и социумом студент конструирует новые знания и овладевает практическими навыками [6, с. 188].

Эта когнитивная концепция, а также теория конструктивизма, поддерживают идею о том, что студенты для эффективного обучения должны конструировать и реконструировать знания. На этом основан студент-центрированный подход в обучении, согласно которому студент находится в центре процесса обучения, у него уже присутствует широкий спектр способностей и сильных сторон, и он может делать собственные выборы в отношении их образования и будущей карьеры [3, с. 60]. В рамках конструктивистского обучения студенты сталкиваются с релевантными для них проблемами; концепции структурируются от целого к частному, точки зрения студентов стимулируются, а результаты оцениваются с помощью аутентичных задач [1]. Преимущества такого обучения очевидны: делают студентов имманентной частью академического сообщества, повышают мотивацию и ответственность в учебе; такой подход способствует культуре обучения в течение всей жизни.

Синергетическая технология «смешанного обучения» прямо предполагает сочетание очного обучения и обучения компьютерными средствами, при этом обучающийся имеет возможность выбора времени, места, темпа и траектории обучения [2]. Авторы утверждают, что использование таких гибких технологий обучения позволяет получить высокую степень вовлечённости обучающегося в процесс освоения новых знаний, привлекает к осознанной продуктивной деятельности.

В условиях информационного взрыва появилась образовательная технология — хьютагогика, которая рассматривает самообразование взрослых, в которых наставник (ментор) создает необходимые условия для применения методов поискового обучения, позволяющих модифицировать уже имеющиеся знания и создавать новые. Такого рода экспериментальное обучение методом проб и ошибок, анализа, синтеза, обобщения опыта и уже имеющихся знаний, генерирует привычную работу и инновационные методы, приводит к созданию новых знаний, интегрированных с уже существующим. Таким образом, хьютагогика понимается как система обучения высшего порядка, в которой задачи решаются с помощью эвристического метода, метакогнитивного, творческого подходов [11]. Учение превращается в процесс самостоятельного освоения новых знаний с использованием средств цифровой дидактики.

Теории саморазвития и самоопределения именно как научных психологических понятий стали рассматриваться в отечественной психологии Д.А. Леонтьевым, О.Е. Дергачёвым, Е.Ю. Патяевой и др. В зарубежной психологии одной из наиболее известных теорий является теория самодетерминации американских авторов Эдварда Л. Деси и Ричарда М. Райна [7], которые рассматривают автономию обучающегося как базовую психологическую потребность быть хозяином собственных действий. Отсюда, автономная мотивация — это характерное свойство полноценно действующего индивида в образовательном процессе; оно же и должно быть сформировано и учтено современными дидактическими подходами [12].

Таким образом, в современной цифровой дидактической среде фокус обучения, ориентированного на знание, смещается: в центре оказывается взаимодействие студента и преподавателя, а результатами становятся мета-навыки, некие комплементарные цифровой эпохе «скилы». Это требует запуска процесса изменений в ВУЗе, т.к. его осуществление невозможно без коллегиальности и принятия стратегии сотрудничества, т.к. стратегия, основанная на власти и принуждении, встретит противодействие современного «цифрового студента» и не будет успешной.

Потому необходимо создавать новые образовательные продукты, формирующие коалицию с теми, кто готов развивать собственные компетенции, и убедить тех, кто настроен скептически. Например, методика перевернутого класса (flipped classroom) предполагает, что студенты изучают теоретический материал для предстоящего занятия самостоятельно в виде домашней работы, а вот выполнением практических заданий занимаются в университете. Такой подход более актуален в современных реалиях, потому что доступ к информации у студентов есть, изучить теорию они могут и самостоятельно, а вот практике уделяется особенное внимание.

Анализ исследований показывает, что сообразно когнитивистике современного студента, меняется роль педагога на партнерскую, при которой он выступает координатором информационного потока, что становится возможным при владении им же современными цифровыми ресурсами. В плане дидактики такие решения должны быть связаны: с изменением психологии восприятия, переработки и использования информации современными студентами; с максимальной погруженностью обучения в информационное пространство; с проблемами мотивации учения, когда старые стимулы не срабатывают; с необходимостью формирования у обучающихся действенных знаний, т.е. знаний, которые «не лежат в памяти мертвым грузом», а успешно применяются, что в дидактике связывается с формированием компетентности, т.е. способности обучающихся применять усвоенные знания для решения возникающих проблем различного вида [5, с. 47]. Рост числа студентов на одного преподавателя (как в УрФУ) усиливает необходимость освоения преподавателями высшей школы методов, обеспечивающих персонализацию обучения и управление большими группами.

Итак, отвечая на вопрос, чему мы должны обучать преподавателя университета, мы пришли к выводу, что современному преподавателю, прежде всего, важно развивать цифровые педагогические компетенции по трем основным направлениям:

- дидактическое направление. Данное направление включает в себя применение современных методов обучения (проектный подход, геймификация, смешанное обучение, управление энергией группы, обратная связь и т.д.), проектирование учебного процесса, выбор стратегий оценки, адаптация методик под разнородные аудитории (иностранные студенты, лица с ОВЗ);
- техническое направление. Данное направление включает в себя владение цифровыми инструментами, такие как: онлайн-платформы, ИИ-сервисы. Тут важно умение устранять технические неполадки, адаптировать инструменты под учебные задачи, соблюдение этических и правовых норм работы с цифровым контентом;
- предметное направление, которое включает в себя глубокие знания в научной области, интеграция цифровых технологий в преподавание дисциплины, создание контента, соответствующего предметным стандартам.

Но все преподаватели разные. Они обладают различными потребностями в приоритете развития тех или иных направлений цифровых педагогических компетенций, а также различным уровнем стартовой подготовки. Именно поэтому важно фиксировать фактическую потребность по направлениям, а также фактическое состояние освоения педагогической теории и практики по широте и глубине. Например, ранее мы пришли к выводу, что по глубине освоения педагогической теории и практики можно выделить следующие уровни:

1. Начинаящий педагог. На этом уровне преподаватели знакомы с ограниченным кругом и определенными схемами образовательной деятельности. Они применяют одни и те же педагогические приемы во всех ситуациях.
2. Продвинутый уровень. Находясь на данном уровне, преподаватели делают выбор из нескольких готовых схем, способны к поиску новых педагогических инструментов.
3. Лидер. Лидеры уже способны к проектированию своих образовательных технологий [4].

Таким образом, мы используем методику, под которой понимаем совокупность методов и приёмов, используемых для достижения определённых целей, в нашем случае разработки эффективных программ повышения квалификации. В частности, формулирование принципов на которых осуществляется выделение нами уровней и направлений является методикой. А вот для того, чтобы методика работала, мы ее встраиваем в технологию, а именно в технологию развития цифровых педагогических компетенций преподавателей.

Мы предполагаем, что технологический алгоритм разработки и реализации программы должен сводиться к следующим этапам:

Во-первых, фиксация текущего уровня освоения педагогической теории и практики по широте и глубине, а также фактической потребности по направлениям цифровых педагогических компетенций. Эти данные можно получить в результате эмпирического исследования целевой аудитории. Для этого важна максимальная однородность целевой аудитории, например по стажу работы.

Во-вторых, разработка и утверждение программы ДПО исходя полученных в ходе эмпирического исследования результатов.

В-третьих, оценка результатов обучения у целевой аудитории до и после прохождения обучения.

Наше исходное предположение состояло в том, что, придерживаясь данной технологии мы добьёмся разработки программы ДПО, результаты внедрения которой дадут ощутимые результаты в развитии компетенций преподавателей. Для проверки данной гипотезы нами были проведены эмпирические исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Отталкиваясь от состояния и потребностей целевой аудитории, мы можем разработать наиболее актуальные/индивидуализированные маршруты освоения содержания программ повышения квалификации преподавателей. Индивидуализация образовательных программ продиктована методикой разделения обучающихся на группы (когорты) по текущему уровню цифровых и педагогических компетенций.

Именно поэтому первый этап эмпирического исследования направлен на определение состояния и потребностей целевой аудитории. В качестве целевой аудитории были выбраны молодые преподаватели УрФУ, а именно те, кто имеет опыт преподавательской деятельности не более 3-х лет и возраст не старше 25 лет. Всего было выбрано 10 таких преподавателей УрФУ. С ними было проведены полустандартизированные фокусированные индивидуальные интервью. Результаты эмпирического исследования были проанализированы с целью установления текущего уровня освоения преподавателями педагогической теории и практики, а также фактической потребности развития по трем выделенным выше направлениям цифровых педагогических компетенций. Итогом эмпирического исследования стала разработанная и апробированная программа повышения квалификации «Профессиональное мастерство преподавателя университета: современные подходы и практики».

Второй этап эмпирического исследования проводился с помощью анкетного опроса слушателей программы повышения квалификации, успешно окончивших обучение по данной программе. Целью второго блока исследования было установление нового уровня освоения преподавателями педагогической теории и практики по направлениям цифровых педагогических компетенций. Опрос проводился в форме анкетирования. Выборочная совокупность — сплошная (N-26 респондентов).

Первый и второй этапы исследования состояли из набора открытых вопросов, которые являлись идентичными по своей сути. Это позволило не только установить уровни усвоения цифровых педагогических компетенций преподавателями до и после прохождения обучения, но и, сопоставив полученные результаты зафиксировать прогресс.

Таким образом, фактически эмпирическое исследование состояло из трех этапов, а именно: входное исследование целевой аудитории; сплошной опрос слушателей программы; сопоставление результатов, а именно среднего уровня развития у целевой аудитории цифровых педагогических компетенций до и после прохождения обучения по программе повышения квалификации.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ. На первом этапе исследования, исходя из анализа ответов респондентов было установлено, что у семи из десяти преподавателей технические (цифровые) компетенции находятся на продвинутом (среднем) уровне развития. Еще у двух респондентов уровень технических компетенций находился на высоком и у одного на низком уровне развития. В подтверждение сказанного приведем цитату респондента: *«Я активно изучаю, самостоятельно, различные программные продукты, которые рекомендую мои коллеги для работы, но не всегда понимаю, как их можно применить в моей профессиональной деятельности»* (респондент 4, М., 29 лет).

Для подавляющего большинства опрошенных преподавателей было характерно то, что они уже обладают базовыми навыками работы с программами, большинством пользуются достаточно уверенно для решения отдельных задач, но фактически не умеют или лишь разово пробовали их применять в педагогическом контексте.

Что касается предметных компетенций, то результаты исследования показали, что у всех молодых преподавателей они находятся на достаточно высоком уровне развития. Так, респонденты отмечают, что: *«Мне всегда нравилась математика, она мне легко дается, и я вижу своей целью учить математике так, чтобы ее могли понять, полюбить, и применить в своей практике как можно большее число людей»* (респондент 6. Ж., 27 лет).

Как правило, именно то, что преподаватели уже обладают профильным (предметным) образованием на высоком уровне, а также желание развиваться в предметной области дальше и продвигать данные знания другим, стало одним из ключевых факторов, который побудил молодых людей заняться преподавательской деятельностью.

А вот что касается дидактических навыков, то тут мы определили, что молодые преподаватели часто сталкиваются с трудностями в применении современных педагогических технологий из-за недостатка опыта. В подтверждение этого респонденты отмечают, что:

«У меня большие потоки студентов, на семинарах по 30 человек, на лекциях около 100 человек и я не всегда понимаю, как могу вовлечь всех в учебный процесс, заинтересовать и дать обратную связь своим студентам» (респондент 9. Ж. 24 года). *«У меня попадают иностранные студенты и совершенно не понимаю, как мне с ними эффективно взаимодействовать»* (респондент 1. Ж. 25 лет).

На основе результатов аналитики, пять респондентов мы отнесли к низкому уровню педагогических компетенций и еще у пятерых был установлен средний уровень развития педагогических навыков.

Таким образом, на основе изучения нашей целевой аудитории мы определили необходимый фокус программы повышения квалификации на формирование и развитие дидактических компетенций и дополнительное развитие технических. Далее мы установили, основываясь на интересах и потребностях респондентов, что программа должна фокусироваться на инновационных методах обучения (коучинг, фасилитация, проектный подход, геймификация, обратная связь) и дидактическом сопровождении (разработка РПД, ФОС, эффективных учебных материалов). А также определили условие, что программа не ставит целью углубление предметных знаний, но предполагает их интеграцию с цифровыми и дидактическими инструментами (например, создание интерактивных заданий, адаптация курса под междисциплинарные задачи).

Далее основываясь на принципах разработки программы через обратный дизайн, в рамках установленных направлений, были определены темы и результаты обучения, которые должны достигнуть слушатели по каждой из тем в процессе обучения. Под результаты обучения спикеры разработали задания и подобрали учебные материалы.

После прохождения обучения со всех слушателей также была собрана обратная связь в виде анкетного опроса, которая показала высокий уровень общей оценки данной программы, ее практическую направленность. Общая оценка программы слушателями составила 4,6 из 5 баллов. А 90,2% слушателей программы рекомендуют данную программу своим коллегам.

Сравнительный анализ данных входного и итогового опросов выявил значительный прогресс в развитии цифровых педагогических компетенций слушателей программы. Если до обучения 50% респондентов демонстрировали низкий уровень дидактических навыков, то после прохождения курса 85% участников достигли среднего и высокого уровня. Технические компетенции, изначально находившиеся у большинства на продвинутом уровне по окончании обучения у 90% слушателей перешли в категорию высоких — уровень лидера. Результаты подтверждаются обратной связью слушателей:

«Раньше я боялась экспериментировать с методами, но теперь использую геймификацию и проектный подход, студенты стали активнее включаться в дискуссии» (респондент 3, Ж., 26 лет). *«Благодаря курсу научился создавать интерактивные задания на платформе Moodle и анализировать данные с помощью ИИ-сервисов. Это экономит время и повышает качество обратной связи»* (респондент 4, М., 29 лет). *«Раньше я не понимала, как адаптировать материал для иностранных студентов. Теперь использую цифровые инструменты для визуализации и перевода, аудитория стала более вовлеченной»* (респондент 1. Ж. 25 лет).

Программа была составлена с учетом целевой аудитории, а именно, направлений и уровня развития у целевой аудитории цифровых педагогических компетенций. Как следствие, такой подход позволил разработать и реализовать достаточно качественный продукт, который отвечает на потребности преподавателей и вызовы цифровой эпохи: трансформации роли педагога, росту числа студентов на одного преподавателя и дидактическими требованиями образовательного процесса. Её реализация позволила сформировать у преподавателей УрФУ компетенции, необходимые для создания интерактивной, мотивирующей и инклюзивной образовательной среды, что подтверждается результатами обратной связи полученной от слушателей программы. В будущем, определив текущий уровень

и доминирующую группу цифровой педагогической компетенции, мы можем для каждой целевой группы преподавателей предложить адаптированную для них программу повышения квалификации.

ВЫВОДЫ. Предложенная методика развития цифровых педагогических компетенций, основана на дифференцированном подходе к оценке уровней подготовки преподавателей (низкий, средний, высокий) и трёх ключевых направлениях (дидактика, технические навыки, предметная интеграция). Беря за основу данную методику, мы апробировали технологию по ее встраиванию в процесс развития компетенций преподавателей.

В свою очередь технология развития цифровых педагогических компетенций должна основываться на таких этапах как: фиксация текущего уровня освоения педагогической теории и практики по широте и глубине, а также фактической потребности по направлениям цифровых педагогических компетенций; разработка и утверждение программы ДПО, исходя из полученных в ходе эмпирического исследования результатов; оценка результатов обучения у целевой аудитории до и после прохождения обучения.

Отметим, что программа ДПО, адаптированная под потребности молодых преподавателей УрФУ, позволила слушателям освоить современные дидактические и цифровые инструменты. Считаем, что данная технология, и входящая в нее методика, может быть масштабирована на другие вузы с учётом их специфики, а также дополнена модулями по этике цифровой среды и междисциплинарному проектированию. Таким образом, исследование вносит вклад в теорию цифровой дидактики и предлагает практический инструмент для трансформации педагогических практик в условиях цифровизации высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейлина А.Ф. Конструктивистские принципы организации учебной среды // Modern Science. 2019. № 4–3. С. 55–57.
2. Бонк К.Дж., Грэхэм Ч.Р. Справочник смешанного обучения: глобальные перспективы, локальные проекты. Сан-Франциско; Калифорния: Пфайффер, 2006. 624 с.
3. Игнатъева Е.Ю. Дидактические основы модернизации образовательного процесса в вузе. СПб.: Свое издательство, 2018. 60 с.
4. Орешкина Т.А., Забокрицкая Л.Д., Новиков М.Ю. Управление развитием цифровых педагогических компетенций преподавателей вузов в теории и на практике // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т 26. № 2. С. 81–91.
5. Осмоловская И.М. Учебники нового поколения: поиск дидактических решений // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 4 (19). С. 45–53.
6. Пиаже Ж. Комментарии к критическим замечаниям Л. Выготского // Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1981. С. 188–193.
7. Райан Р.М., Деси Э.Л. Теория самодетерминации и поддержка внутренней мотивации, социальное развитие и благополучие // Вестник Алтайского ГПУ. 2003. № 3–1. С. 97–111.
8. Тарханова И.Ю. Дидактические решения для высшего педагогического образования: презумпция нелинейности // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–2. С. 234–238.
9. Тарханова И.Ю. Современные регуляторы становления новой дидактики высшего образования // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2 (107). С. 45–52.
10. Шиббаева Н.А., Воронкова Л.В. Применение цифровых технологий в системе высшего образования как социальная инновация современного информационного общества // Друkerовский вестник. 2020. № 2 (34). С. 70–80.
11. Hase S., Kenyon Ch. From Andragogy to Heutagogy. https://www.researchgate.net/publication/301339522_From_andragogy_to_heutagogy (дата обращения: 03.03.2025).
12. Ryan R. Self-determination theory in schools of education // Theory and Research in Education. Vol. 7(2). 263–272. [сайт]. URL: http://selfdeterminationtheory.org/SDT/documents/2009_RyanNiemiec_TRE.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

REFERENCES

1. Bejlina A.F. *Konstruktivistskie principy` organizacii uchebnoj sredy`* [Constructivist principles of the organization of the educational environment] // Modern Science. 2019. № 4-3. S. 55-57. (In Russian).
2. Bonk K.Dzh., Gre`xe`m Ch.R. *Spravochnik smeshannogo obucheniya: global`ny`e perspektivy`, lokal`ny`e proekty`* [Handbook of blended learning: Global perspectives, local projects]: San-Francisko; Kaliforniya: Pfajffer, 2006. 624 s. (In Russian).
3. Ignat`eva E. Yu. *Didakticheskie osnovy` modernizacii obrazovatel`nogo processa v vuze* [Didactic foundations of modernization of the educational process in the university]: SPb.: Svoi izdatel'stvo, 2018. 60 s. (In Russian).
4. Oreshkina T.A., Zabokriczkaya L.D., Novikov M. Yu. *Upravlenie razvitiem cifrovyy`x pedagogicheskix kompetencij prepodavatelej vuzov v teorii i na praktike* [Management of the development of digital pedagogical competencies of university teachers in theory and practice] // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2022. Vol. 26, № 2. S. 81-91. (In Russian).
5. Osmolovskaya I.M. *Uchebniki novogo pokoleniya: poisk didakticheskix reshenij* [Textbooks of the new generation: search for didactic solutions] // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2014. № 4 (19). S. 45-53. (In Russian).
6. Piazhe Zh. *Kommentarii k kriticheskim zamechaniyam L. Vy`gotskogo* [Comments on L. Vygotsky's critical remarks] // Hrestomatiya po obshhej psihologii: Psihologiya myshleniya / ed. Yu.B. Gippenrejter, V.V. Petuhova. M., 1981. S. 188-193. (In Russian).
7. Rajan R.M., Desi E`.L. *Teoriya samodeterminacii i podderzhka vnutrennej motivacii, social`noe razvitie i blagopoluchie* [Self-determination theory and support of intrinsic motivation, social development and well-being] // Vestnik Altajskogo GPU. 2003. № 3-1. S. 97-111. (In Russian).
8. Tarxanova I. Yu. *Didakticheskie resheniya dlya vy`sshego pedagogicheskogo obrazovaniya: prezumpciya nelinejnosti* [Didactic solutions for higher pedagogical education: the presumption of nonlinearity] // Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020. № 67-2. S. 234-238. (In Russian).
9. Tarxanova I. Yu. *Sovremennyy`e regulatory` stanovleniya novoj didaktiki vy`sshego obrazovaniya* [Modern regulators of the formation of new didactics of higher education] // Yarovskij pedagogicheskij vestnik. 2019. № 2 (107). S. 45-52. (In Russian).
10. Shibaeva N.A., Voronkova L.V. *Primenenie cifrovyy`x texnologij v sisteme vy`sshego obrazovaniya kak social`naya innovaciya sovremennogo informacionnogo obshhestva* [Application of digital technologies in the higher education system as a social innovation of the modern information society] // Drukerovskij vestnik. 2020. № 2 (34). S. 70-80. (In Russian).
11. Hase S., Kenyon Ch. *From Andragogy to Heutagogy*. URL: https://www.researchgate.net/publication/301339522_From_andragogy_to_heutagogy (data obrashheniya: 03.03.2025). (In English).
12. Ryan R. *Self-determination theory in schools of education* // Theory and Research in Education. Vol. 7(2). 263-272. URL: http://selfdeterminationtheory.org/SDT/documents/2009_RyanNiemiec_TRE.pdf (data obrashheniya: 03.03.2025). (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.012

УДК 316.74:070

ББК 60.524.224.51

В.В. ГАВРИЛОВ

**КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ
ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ОПРОСА ЖУРНАЛИСТОВ УРФО)**

V.V. GAVRILOV

**KEY PROBLEMS OF PRACTICAL
JOURNALISTIC ACTIVITY
(BASED ON THE MATERIAL
OF A SOCIOLOGICAL SURVEY OF URAL
FEDERAL DISTRICT JOURNALISTS)**

Современное медиапространство как УрФО, так и в целом Российской Федерации изменилось к настоящему времени кардинальным образом. Цифровизация СМИ породила множество вызовов, на которые актерам медиапространства следует реагировать. Изменился социальный запрос к медиа, изменились условия работы профессионального журналиста, инструменты, с помощью которых добывается, обрабатывается и распространяется информация.

В этой связи цель статьи — выделение ключевых проблем практической журналистской деятельности с точки зрения акторов медиапространства, профессионалов.

Эмпирические данные, полученные в результате анкетирования, подтверждают, что респонденты не видят конкуренции со стороны «гражданских» журналистов, уделяют недостаточно внимания угрозам цифровизации СМИ и специфике работы в конвергентной редакции, не владеют критериями оценки комьюнити-журналистики, стремятся работать в традиционной парадигме. Полученные данные и сделанные на их основе выводы могут оказаться полезными для акторов медиапространства, исследователей и медиапедагогов, работающих над формированием целостной медиаличности.

The modern media space of both the Ural Federal District and the Russian Federation as a whole has changed dramatically by now. The digitalization of the media has created many challenges that media actors should respond to. The social demand for media has changed, the working conditions of a professional journalist have changed, and the tools with which information is extracted, processed, and disseminated have changed.

In this regard, the purpose of the article is to highlight the key problems of practical journalistic activity from the point of view of media actors and professionals.

Empirical data obtained as a result of the survey confirm that respondents do not see competition from «citizen» journalists, do not pay enough attention to the threats of media digitalization and the specifics of working in a convergent editorial office, do not know the criteria for evaluating community journalism, and strive to work in the traditional paradigm. The data obtained and the conclusions drawn from them may be useful for media actors, researchers and media educators working on the formation of a holistic media personality.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистская деятельность, локальная (региональная) журналистика, журналистика УрФО, коммуникация, цифровизация СМИ, конвергенция, гражданская журналистика.

KEY WORDS: journalism, local (regional) journalism, journalism of the Ural Federal District, communication, digitalization of mass media, convergence, citizen journalism.

ВВЕДЕНИЕ. Средства массовой информации принято называть «четвертой властью» (наряду с законодательной, исполнительной и судебной). Этим подчеркивается ее значимый вклад в развитие социума, формирование общественного мнения. Массмедиа вот уже более двух веков оказывают колоссальное влияние на формирование социокультурной сферы, на сознание граждан. Приведенный выше афоризм принадлежит известному британскому писателю, публицисту, историку и философу Томасу Карлейлю (1795–1881). Он не теряет своей актуальности до сих пор, однако надо понимать, что с середины XIX века и до настоящего времени СМИ претерпели значительные изменения. Изменения эти определялись и определяются как геополитическими, социально-экономическими трансформациями, так и научно-техническим прогрессом. Если мы исходим из тезиса о том, что медиапродукт (медиа́текст, креолизованный текст) — это текст плюс канал коммуникации (Т.Г. Добросклонская), то следует, говоря об изменениях в медиапространстве, обратить внимание прежде всего на способы трансляции информации в современном мире. И в этом смысле можно констатировать революцию: произошел переход с так называемых «аналоговых» средств сбора, накопления и трансляции медиапродукции на цифровые.

Именно эта «цифровая революция» породила ряд существенных изменений в журналистике, повлияла на различные ее аспекты (прежде всего на технологии создания и подачи материала). Увеличилось и количество информации, которая поступает к потребителю по различным каналам, ключевой из которых — Интернет. Меняются особенности восприятия информации адресатом, формы, способы ее подачи, но также происходит трансформация социокультурной идентичности самих журналистов и потребителей контента в новых условиях.

В свое время немецкий социолог, автор оригинальной теории общества Никлас Луманн писал: «Всё, что мы знаем о мире и об обществе, в котором мы живем, нам известно, благодаря журналистике» [3, с. 9]. Однако, что происходит внутри самой журналистики как динамичной, постоянно обновляющейся системы? Какие процессы отходят на второй план, а какие становятся актуальными? Этот аспект проблемы требует не только пристального, но и постоянного изучения, иначе мы можем оказаться в стороне от тех трансформаций, которые определяют деятельность «четвертой власти».

Нельзя не согласиться с исследователем С.Г. Корконосенко в том, что СМИ не следует рассматривать только как источник информирования населения, что «реальное состояние теории журналистики представлено гораздо более сложной картиной, чем может показаться при первом приближении к ней. Несомненно, в ней надо наводить порядок, но только не путем отметания накопленного ранее материала и выдвижения одной единственно верной теории. Строго говоря, одной теории вообще не может быть, надо постоянно иметь в виду неизбежное сосуществование множества теорий» [2, с. 542]. И в настоящее время теория журналистики развивается достаточно активно. Интересные концепции представлены зарубежными (Д. Букингэм, Б. Мак-Махон, Л. Мастермани др.) и российскими исследователями (Е.А. Бондаренко, А.В. Федоров, А.В. Шариков и др.), публикуются монографии, проводятся конференции, предлагаются новые концепции медиаобразования, уточняются компетенции журналистов с учетом современных трансформаций медиапространства. В этой связи существует необходимость взглянуть на состояние отечественной журналистики, ее проблемы и перспективы развития с точки зрения самих журналистов, либо уже практикующих, либо обучающихся по данной специальности.

ЦЕЛЬ статьи — выделить ключевые проблемы практической журналистской деятельности, опираясь на данные социологического опроса журналистов УрФО.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследование осуществлялось с помощью комплекса теоретических методов: метод теоретико-методологического анализа, метод дискурсивной рефлексии, метод экстраполяции. С целью получения эмпирических данных использовался метод анкетирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В контексте нашего исследования представляет интерес статья Т.А. Монне, в которой автор рассматривает проблемы журналистики в XXI веке, выделяя следующие из них как ключевые: верификация данных, личная ответственность журналиста перед обществом, влияние социальных сетей и Интернета в целом на журналистику. Исследователь акцентирует наше внимание на том, что «в связи с развитием технического прогресса и информационных технологий социальная ответственность журналистики XXI века должна возрастать и основываться на присущих ей главных ценностях: обработка и анализ достоверной информации и непредвзятость ее подачи» [4, с. 158].

В одной из своих работ Ли Чжэюй, на основе изученной литературы, выделяет три ключевых особенности современной журналистики: 1) мультимедийность («...предполагает использование информационных материалов в двух и более форматах: письменное слово, видеоматериалы, видеоролики, видеосюжеты, музыка, движущиеся и неподвижные изображения, графическая анимация, включая интерактивные и гипертекстовые элементы» [8, с. 140]); 2) конвергенция (кроссмедийность) (объединение традиционных СМИ в одну систему, появление новых, модифицированных медиа, имеющих свойства различных знаковых систем) и 3) цифровизация: «Цифровые медиа обеспечивают интерактивную взаимодействие пользователя и производителя информации. Если раньше ключевой функцией СМИ было донесение информации до широкой общественности, что предполагало привлечение внимания потребителей (иными словами, СМИ сами искали себе аудиторию, подстраиваясь под читателей/зрителей/слушателей), то в настоящее время источники получения информации, благодаря Интернету, доступны для каждого человека» [5, с. 522]. Цифровизация СМИ дает двойкий результат: с одной стороны, «...пользователь мгновенно реагирует на медиаконтент, который получает в режиме реального времени. Он может предложить собственную тему или предложить освещение события в определенном контексте, чем помогает производителям контента — журналистам, фотокорреспондентам, редакторам, блогерам. Но с другой стороны, такое соучастие повышает требования к современной журналистике, в основе которой лежит уникальный подход к творческому процессу создания контента и своеобразное управление коммуникационным процессом, выражающееся в том, что и журналисты (профессиональные и непрофессиональные), и пользователи участвуют в глобальном распространении информации, сообщая координируя действия как на массовом, так и на индивидуальном уровне» [7, с. 129].

Иными словами, технологии все еще не могут заменить человека. А значит, личность журналиста, его знания о мире, творческие и аналитические способности, уникальный взгляд на те или иные события остаются ключевыми при подготовке медиaproдукта. Журналист является не только посредником между аудиторией и государственными институтами, не только объектом, испытывающим на себе эффекты цифровизации СМИ, но и субъектом, который наполняет, формирует / определяет медиапространство, влияет на общественное мнение.

Перечисленные характеристики современной российской журналистики становятся определяющими при формировании личности журналиста, субъекта медиапространства. Характеристики эти не следует воспринимать как абстрактные. Они непосредственным образом связаны с социокультурными трансформациями, являются их производными. Кроме того, обозначенные специфические характеристики журналистики нового времени оказывают существенное влияние на формирование личности актора медиапространства и должны быть учтены специалистами, работающими с молодежью, а также — медиапедагогами. Опираясь на теорию интериоризации (прежде всего мы имеем в виду культурно-историческую теорию Л.С. Выготского и теорию интериоризации умственных действий П.Я. Гальперина), мы можем сделать вывод о том, что личность современного журналиста формируется не сама по себе, не в изоляции, а под влиянием, в том числе, и внешних факторов в процессе постижения окружающего мира (культуросообразная норма, традиции, духовно-нравственные ценности).

И если, с учетом перечисленных трансформаций, мы говорим о социологическом портрете представителей цифровой эпохи, то его в настоящее время «образуют такие качества, как «тотальная» креативность, инновационность (подразумевающая разрушение и отказ от традиционных устоявшихся форм в бизнесе и построении деловых отношений — демократичность), информированность, благодаря постоянной включенности в поисковую деятельность, многозадачность (способность решать несколько когнитивных задач одновременно). Исследователи также определяют и проблемные зоны «цифрового поколения» — информационную перегруженность и как следствие — снижение способности формировать и оперировать знаниями (т.е. систематизировать информацию, последовательно ее осваивать, выстраивать логические связи, структурировать материал), интернет-зависимость, контакты со злоумышленниками и доступ к «опасному» контенту (проявления агрессии, домогательства, призывы к насилию, порнография), трансформация (порой разрушительная) понятий личного пространства, защиты личных данных, авторских прав» [6]. Приведенные данные подтверждают идею о том, что субъект внутри медиаполя формируется как личность, стремится к творческой самореализации.

В рамках данного исследования мы исходим из того, что в науке пока не сформировано единого мнения относительно путей развития журналистики и способов преодоления тех вызовов, которые породила цифровизация СМИ. С целью определения ключевых проблем отечественной журналистики нового времени (в том числе и региональной), а также перспективных направлений развития в цифровую эпоху, в 2023–24 году мы провели анкетирование среди акторов медиапространства УрФО. В опросе приняли участие 375 человек. Возраст: от 18 до 60 лет, обучающиеся старших курсов и преподаватели вузов округа (Екатеринбург, Нижневартовск, Сургут, Ханты-Мансийск), практикующие журналисты, медиапедагоги.

Перед тем как задать основной вопрос, мы использовали несколько вопросов «вводных», подготовительных. Один из них был сформулирован как открытый следующим образом: «Есть ли у Вас причины для творческой неудовлетворенности? Если да, то они в первую очередь связаны с...» Поскольку анкетирование было анонимным, авторы могли высказывать свои суждения откровенно, избегая социально ожидаемых ответов.

Обобщая сказанное, отметим следующие факторы, на возможности творческой самореализации субъектов медиапространства УрФО:

- 1) Недостаточная свобода слова, ограничения законодательного характера.
- 2) Установки редактора, жесткая редакционная политика.
- 3) Недостаток времени для творчества, много рутины, работы, не связанной непосредственно с журналистским творчеством (обработка данных, работа с документами, со- вещания и т.д.).
- 4) Нехватка значимых информационных поводов (в условиях работы в региональной компании).
- 5) Коммерциализация журналистики, работа на заказчика, материалы рекламного характера, далеко не всегда позволяющие реализовать творческие компетенции.
- 6) Цифровизация СМИ (использование ИИ при написании материалов).

Подобные мнения говорят о том, что акторы медиапространства УрФО видят ключевые проблемы творческой реализации журналистов, стараются их преодолеть, по-прежнему считают креативность ключевой компетенцией специалиста.

Также достаточно важными для нас (в свете новейших трансформаций медиапространства) были ответы на запрос «Несколько слов об изменениях в сфере Вашего индивидуального журналистского творчества. В связи с современными цифровыми трансформациями что Вы скажете о:

- а) тематике Ваших выступлений?
- б) о методах сбора информации для журналистских выступлений и дальнейшей аналитической деятельности?
- в) о характере трансформации этих фактов и сведений?

- г) о Ваших индивидуальных методах творческой работы над журналистским произведением?
- д) о работе в рамках конвергентной редакции?
- е) об обратной связи с аудиторией?»

Большинство респондентов (83%) не отметили никаких особых изменений в своей работе с учетом новейших трансформаций (прежде всего — цифровизации СМИ). Это говорит о том, что практикующие журналисты привыкли работать по прежним стандартам и, не считая актуальными для себя современные вызовы, не собираются менять своих взглядов на профессию и способов работы с информацией, взаимодействия с аудиторией.

17% опрошенных отмечают следующие факторы: изменилась работа по сбору, обработке и трансляции данных (используются цифровые инструменты), активизировалась работа с аудиторией (обратная связь), повышается степень креолизации медиатекстов, их интерактивности. Отмечаются трудности при работе в конвергентной редакции, когда приходится интегрировать различные знаковые системы.

Хотелось также понять, видят ли респонденты разницу между российской и региональной журналистикой: «Существует ли понятие «региональная журналистика»? Если да, то каковы ее отличительные признаки в УрФО?»

Анализ полученных ответов показал, что большинство респондентов (94%) признает такое понятие, однако у опрошенных нет единого мнения по поводу критериев выделения локальной (или региональной) журналистики УрФО как составляющей журналистики РФ. Как правило, в основу специалисты кладут географический критерий и те локальные проблемы, которые освещает региональная журналистика. Многие (около 60%) вообще не указали таких критериев.

Ключевым для нас стал вопрос: «Какие проблемы практической журналистской деятельности Вы считаете наиболее актуальными?». Данный вопрос мы считаем чрезвычайно важным потому, что исследователям необходимо четко понимать, с какими проблемами сталкиваются журналисты-практики, какие задачи они решают в настоящее время, какую стратегию необходимо выработать по решению выявленных проблем.

Итак, участникам опроса предлагалось отметить не более трех вариантов ответов из 14 предложенных¹. Приведем перечень данных проблем:

- 1) Взаимодействие властных структур и представителей СМИ.
- 2) Законодательство по СМИ.
- 3) Профессиональная этика журналиста.
- 4) Проблемы юридической и экономической зависимости СМИ.
- 5) Гласность и доступ к информации.
- 6) Манипуляции общественным сознанием со стороны СМИ.
- 7) Большой объем информации.
- 8) Цифровизация СМИ.
- 9) Конкуренция со стороны «гражданских журналистов».
- 10) Отсутствие достаточных компетенций у современных профессиональных журналистов.
- 11) Отсутствие возможности повышать квалификацию
- 12) Приращение роли СМИ в обществе.
- 13) Напряженные отношения внутри редакции.
- 14) Конвергентные процессы в журналистике

Также респонденты могли сформулировать свой вариант ответа, поскольку мы отдавали себе отчет в том, что все основные проблемы современной журналистики в анкете перечислить невозможно. «Диаграмма 1» представляет соотношение выборов респондентов (номера столбцов соответствуют проблемам, обозначенным выше).

---

¹ Предложенные проблемы были сформулированы нами на основе изученной научной литературы по теме.

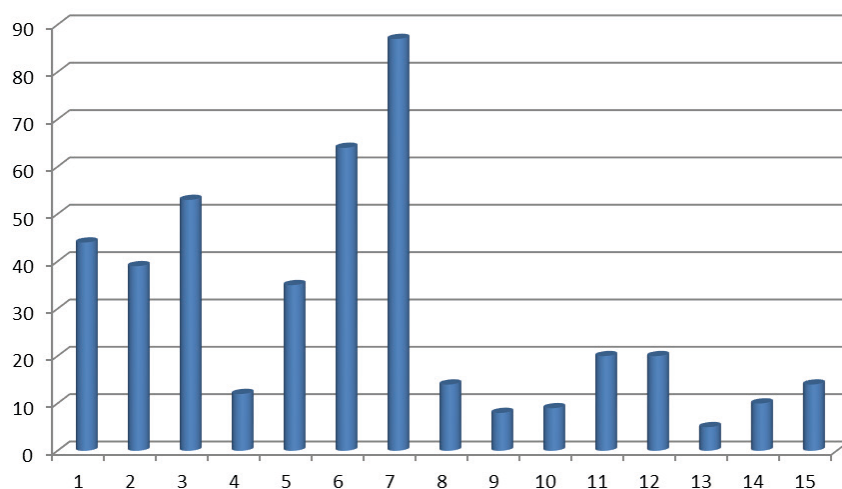

Диаграмма 1. **Основные проблемы практической журналистики с точки зрения акторов медиапространства УрФО**

Итак, на основе полученных данных мы имеем возможность выделить пять проблем, которые получили наибольшее количество выборов респондентов.

- 1) Большой объем информации (данный вариант выбрало подавляющее большинство опрошенных — 87%). Анализ научной литературы также подтверждает, что данная проблема является для журналистов доминирующей.

Благодаря цифровым инструментам специалист получает практически неограниченный доступ к информации, но часто не имеет возможности ее качественно переработать, проанализировать, верифицировать. Осознавая данную проблему, журналисты (особенно работающие в конвергентных редакциях) все активнее начинают использовать цифровые инструменты, в основе которых лежит искусственный интеллект (ИИ). Мы имеем виду, прежде всего, программы, способные «перерабатывать» и структурировать большие объемы данных («big data»), например: «Brand Analytics», Industry Insights, Meltwater, «Медиалогия SM», «СКАН-Интерфакс», «Интегрум Мониторинг СМИ» и многие другие). Но следствием использования таких программ зачастую является отход журналиста от личного участия в создании контента, невозможность применять свои творческие способности. Пока специалисты еще в состоянии отличить авторский текст от того, который создал ИИ, однако в скором времени эта разница перестанет быть заметной. И в этом случае, мы убеждены, только творческий журналист, способный создавать оригинальные тексты, сохранивший свой индивидуальный стиль, будет востребованным на рынке информационных услуг.

- 2) Манипуляции общественным сознанием со стороны СМИ (64% выборов). Влияние СМИ на реципиентов не всегда является положительным, что в эпоху информационных войн вполне объяснимо. Однако медиапедагоги должны на этот аспект обратить самое пристальное внимание.
- 3) Профессиональная этика журналиста (53%). Нетрудно заметить, что данная проблема непосредственным образом связана с предыдущей. В эпоху цифровизации СМИ журналист получает достаточно эффективные инструменты воздействия на свою аудиторию. Цифровизация делает такое воздействие, с одной стороны, более массовым, а с другой — более адресным (таргетированным). В этой связи перед практикующими журналистами встает ряд вопросов этического характера. К сожалению, специалист далеко не всегда имеет возможность выражать исключительно собственное мнение, транслировать свою личную позицию, соглашаясь с политикой редакции. Часто эта

политика идет в разрез с собственными убеждениями индивида, возникает когнитивный диссонанс, намечаются деструктивные процессы в рамках самоидентификации. Мы полагаем, что только целостная медиаличность, обладающая необходимым набором профессиональных компетенций, четкими жизненными установками, способна избежать кризиса самоидентификации, сохраниться от профессионального выгорания. Повторим, что основа для успешного формирования самоидентификации личности (прежде всего профессиональной) может и должна быть заложена в вузе, в рамках медиаобразования.

4) Взаимодействие властных структур и представителей СМИ (44%).

5) Законодательство по СМИ (39%).

Несомненно, эти проблемы являются давними, но, как видим, до сих пор остаются актуальными. Участники опроса отмечают несовершенство законодательной базы, указывают на контроль СМИ (вероятно, по их мнению, избыточный) со стороны государственных институтов. Мы понимаем, что, в связи с серьезными социокультурными трансформациями, необходимо усовершенствовать прежде всего закон Российской Федерации от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации». Отметим при этом, что закон очерчивает границы правового поля, в котором журналист-практик может творить, транслировать свои идеи, мысли, интенции. Последняя редакция данного закона состоялась совсем недавно — 23 ноября 2024 г. И такая работа продолжается в настоящее время. Важно в процессе законотворчества ответственным лицам более тесно взаимодействовать с журналистской общественностью, проводить публичные обсуждения, дискуссии по проблемным вопросам, чтобы быстрее отвечать на вызовы современности.

Остальные проблемы из списка предложенных (гласность и доступ к информации; юридическая и экономическая зависимость СМИ; конкуренция со стороны «гражданских журналистов»; цифровизация СМИ; конвергентные процессы в журналистике...) оказались менее значимыми для респондентов. Тем не менее, данные проблемы являются достаточно актуальными, и их актуальность с каждым днем возрастает. Прежде всего, мы имеем в виду конвергенцию знаковых систем и цифровизацию СМИ. Но опрос показал, что, к сожалению, специалисты не считают их пока существенными. Мы же полагаем, что именно на этих вопросах и должно сконцентрировать свое внимание отечественное медиаобразование в ближайшие годы.

С учетом сказанного выше мы предлагаем следующие характеристики целостной медиаличности в условиях цифровизации СМИ:

- «— цифровая грамотность (умение видеть угрозы и противостоять им, умение собирать, обрабатывать большие объемы данных);
- творческие способности (умение генерировать идеи и воплощать их с использованием цифровых инструментов, умение творчески перерабатывать собранную информацию и транслировать ее на потребителей);
- критическое мышление, рефлексия (умение критически оценивать поступающую информацию, делать выводы, используя цифровые инструменты);
- умение работать с текстами обратной связи;
- мотивация (желание использовать цифровые инструменты в профессиональной деятельности);
- умение работать с интеллектуальными технологиями» [1, с. 636]. Эти характеристики, безусловно, не являются окончательными, могут быть уточнены. Однако они могут стать основой для практикующих журналистов (рефлексия относительно собственной идентичности и специфики профессиональной деятельности в эпоху цифровизации СМИ), для исследователей, изучающих современное состояние журналистики и качеств личности актора медиaprостранства, а также — для медиапедагогов, готовящих к профессиональной деятельности студентов-журналистов.

ВЫВОДЫ. Цифровизация СМИ породила не только инструменты, облегчающие труд журналиста, но и создала угрозы, с которыми современный актер медиaprостранства должен справляться. Знание существующих вызовов, произошедших в результате новейших трансформаций, необходимо не только практикующим журналистам, но и медиапедагогам, участвующим в формировании целостной медиаличности в образовательном учреждении. Эмпирические данные, полученные в результате анкетирования, проведенного автором исследования, свидетельствуют о том, что специалисты не видят конкуренции со стороны «гражданских» журналистов, уделяют недостаточно внимания угрозам цифровизации СМИ и специфике работы в конвергентной редакции. Также, признавая существование региональной (локальной, комьюнити-) журналистики УрФО, респонденты не имеют четкого представления о тех критериях, которые отличают ее от журналистских систем других регионов. Ответы респондентов на вопрос о ключевых проблемах журналистики свидетельствуют об их стремлении работать в традиционной парадигме, о нежелании меняться, осваивать новые инструменты, приемы, жанры и т.д. Респонденты, в большинстве своем, считают, что их компетенций достаточно для эффективной профессиональной деятельности и повышать квалификацию в связи с новейшими изменениями медиaprостранства нет необходимости, хотя совершенно очевидно, что за последние 10–15 лет социальный запрос, медиaprостранство РФ, требования к ее актерам изменились кардинальным образом. В этой связи, можем констатировать, что нам не только удалось выделить и кратко охарактеризовать ключевые проблемы комьюнити-журналистики (с точки зрения акторов медиapoля УрФО), но и выявить ряд противоречий, на которые, как нам кажется, следует обратить внимание специалистам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов В.В., Зорина В.А. «Цифровой интеллект журналиста»: к содержанию понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 626–641.
2. Корконосенко С.Г. Теория журналистики: от схематизма к реализму // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Том 5. № 4. С. 536–545.
3. Луманн Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
4. Монне Т.А. Тенденции журналистики XXI века // Журналистика — вызовы времени. Сборник научных статей кафедры журналистики и медиакоммуникаций. М.: Издательство: Московский педагогический государственный университет, 2018. С. 56–58.
5. Попкова Е.Г., Нацубидзе А.С. Эволюция и новые очертания теории средств массовой информации в XXI веке // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 3. С. 521–528.
6. Формирование личной идентичности пользователей посредством новых медиа. URL: <https://cyberpedia.su/23x4d83.html> (дата обращения: 28.02.2025).
7. Чж Ли. Тенденции развития журналистики в XXI веке. Этносоциум. 2023. № 9 (183). С. 127–130.
8. Deuze M. What is Multimedia Journalism? // Journalism Studies. 2004. Vol. 5. № 11. P. 139–152.

REFERENCES

1. Gavrilov V.V., Zorina V.A. «*Cifrovoy intellekt zhurnalista*»: k sodержaniyu ponyatiya [«Digital intelligence of a journalist»: to the content of the concept] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2024. T. 29. № 3. S. 626–641. (In Russian).
2. Korkonosenko S.G. *Teoriya zhurnalistiki: ot skhematizma k realizmu* [Theory of journalism: from schematism to realism] // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2016. Tom 5. № 4. S. 536–545. (In Russian).
3. Lumann N. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchej teorii* [Social systems. An essay on general theory]. SPb.: Nauka, 2007. 648 s. (In Russian).
4. Monne T.A. *Tendencii zhurnalistiki XXI veka* [Trends in journalism of the XXI century] // Zhurnalistika — vyzovy vremeni. Sbornik nauchnykh statej kafedry zhurnalistiki i mediakommunikacij. M.: Izdatel'stvo: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 56–58. (In Russian).

5. Popkova E.G, Nacubidze A.S. *Evolyuciya i novye ochertaniya teorii sredstv massovoj informacii v XXI veke* [Evolution and new outlines of the theory of mass media in the 21st century] // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2016. T. 5. № 3. S. 521–528. (In Russian).
6. *Formirovanie lichnoj identichnosti pol'zovatelej posredstvom novyh media* [Formation of personal identity of users through new media]. URL: <https://cyberpedia.su/23x4d83.html> (data obrashcheniya: 28.02.2025).
7. Zh Li. *Tendencii razvitiya zhurnalistiki v XXI veke. Etnosocium* [Trends in the development of journalism in the 21st century. Ethnosocium]. 2023. № 9 (183). S.127–130. (In Russian).
8. Deuze M. *What is Multimedia Journalism?* // *Journalism Studies*. 2004. Vol. 5. № 11. P. 139–152. (In English).

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ**SOCIOLOGY OF YOUTH**

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.013

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.15

Г.Г. ЗЕЙНАЛОВ,
А.С. КОСЫГИНА,
О.Н. ЗУЙКОВА

**ЖИЗНЕННЫЙ СТАРТ КАК ФАКТОР
САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ
МОЛОДЕЖИ**

H.G. ZEYNALOV,
A.S. KOSYGINA,
O.N. ZUIKOVA

**LIFE START AS A FACTOR
IN SELF-REALIZATION
OF MODERN YOUTH**

Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов — партнеров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я.Яковлева» и ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева») по теме «Культурный потенциал исторической памяти в формировании идеологии будущего»

Жизненный старт — понятие, которое обозначает период ранней молодости (от 15 — до 18–20 лет), когда формируется тот необходимый потенциал, обеспечивающий интеграцию в социальную структуру. Включает в себя заимствованные от старшего поколения культурные традиции, а также материальные условия, призванные воспроизводиться в процессе дальнейшего социального бытия и обогатиться за счет личностных новаций. В статье в качестве примера анализируется феномен зарождения и становления древнегреческой цивилизации и внимание уделяется факторам, повлиявшим на уникальность жизненного старта молодежи. Рассматривается социальная стратификация общества в концепции Платона, где выделяются три основных сословия. Анализируется роль воспитания в формировании идеального гражданина и его соответствие программным требованиям своего сословия. Появляется новая система методов воспитания, которые в значительной степени изменили общественный склад общества. Определяются факторы, влияющие на успешность жизненного старта в процессе самореализации. Для определения роли жизненного старта в процессе самореализации личности вводится понятие «жизненный капитал». Исследуется комплексное влияние возрастных, социальных и психологических аспектов на формирование стартовой позиции современной молодежи в социальной системе общества. Рассматривается роль осознания собственных интересов в формировании жизненного капитала и принятии жизненно важных решений. Особое внимание уделяется базовым компонентам жизненного капитала, включающим образование, здоровье, профессиональные навыки и социальные связи. В работе анализируется взаимосвязь между качеством жизненного капитала и успешностью последующей самореализации личности. В конце статьи рассматривается механизм накопления и трансформации различных элементов жизненного капитала в условиях современного общества. Определяется роль раннего периода жизни в формировании фундаментального базиса для дальнейшего развития и самореализации личности.

Life start is a concept that denotes the period of early youth (from 15 to 18–20 years), when the necessary potential is formed, ensuring integration into the social structure. It includes cultural

traditions borrowed from the older generation, as well as material conditions designed to be reproduced in the process of further social existence and enriched by personal innovations. The article analyzes the phenomenon of the origin and formation of the ancient Greek civilization as an example and pays attention to the factors that influenced the uniqueness of the life start of young people. The social stratification of society in the concept of Plato, where three main estates are distinguished, is considered. The role of education in the formation of an ideal citizen and his compliance with the program requirements of his estate is analyzed. A new system of educational methods appears, which significantly changed the social structure of society. The factors influencing the success of life start in the process of self-realization are determined. To determine the role of life start in the process of self-realization of the individual, the concept of «life capital» is introduced. The complex influence of age, social and psychological aspects on the formation of the starting position of modern youth in the social system of society is studied. The role of awareness of one's own interests in the formation of life capital and making vital decisions is considered. Particular attention is paid to the basic components of life capital, including education, health, professional skills and social connections. The work analyzes the relationship between the quality of life capital and the success of subsequent self-realization of the individual. At the end of the article, the mechanism of accumulation and transformation of various elements of life capital in the conditions of modern society is considered. The role of the early period of life in the formation of the fundamental basis for further development and self-realization of the individual is determined.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь, жизненный старт, жизненный капитал, самореализация, семья, образование

KEY WORDS: youth, life start, life capital, self-realization, education

ВВЕДЕНИЕ. В последние десятилетия в социологической литературе особое внимание обращается на те жизненные факторы и условия, которые в ранней период молодости или юности оказывают существенное влияние на формирование личностных качеств и компетенций человека. Данная тема в современной социологической литературе обозначается понятием «жизненный старт». Тема жизненного старта затрагивает наиболее важные аспекты, касающихся становления современной молодежи и проблем ее самореализации. Поэтому она получает свою актуальность в рамках нашего исследования. Сущность данного понятия обозначает период, когда молодой человек переходит от детских и юношеских потребностей (от 15 до 18-20 лет) к амбициям молодости (20-35/39 лет). В эти годы молодой человек начинает свой жизненный путь в обществе в качестве социального элемента и субъекта, обретает первые жизненные функции и установки, вырабатывает систему ценностей и механизм навыков самореализации, в целом определяет свое ценностное предназначение. Объективно происходит развитие физических и интеллектуальных способностей, формирование самостоятельного образа жизни, норм и моделей поведения, структуры личностных качеств, которые определяют траекторию дальнейшего жизненного пути.

Чаше всего, в данный перечень факторов, способных предопределить будущее человека на длительное время, включают образование, здоровье, семью и навыки социализации.

Актуализация темы жизненного старта как научной проблемы в наши дни в рамках социологических исследований во многом связаны с глобализацией и формированием неопределенных социокультурных условий. Оказывает свое влияние также цифровизация социокультурной жизни. Современная молодежь стремится получить однозначные гарантии для успеха в жизни. Совершенно очевидно, что она обладает высоким уровнем знаний в области информационно-компьютерных технологий, способна использовать множественные факторы и условия во имя достижения успехов в своей жизни. Однако отсутствие жизненного опыта и неспособность согласовать неоднозначные факторы и разноуровневые условия, сделать единичный выбор из предложенных множественных вариантов будущего, приводит часто к неоднозначным жизненным ситуациям и социокультурным неопределенностям.

Соответственно возрастает значимость ранних этапов жизни (юности и молодости) в качестве «жизненного старта», который во многом предопределяет будущее. Формирование механизмов превращения ресурсов жизненного старта в жизненный капитал составляет *новацию исследования*.

Становится понятным, что на конечный результат самореализации влияет также региональные особенности, т.е. местоительство семьи, ее ценностная система, возможности, а также личные способности молодого человека получить образование, профессиональная ориентация и карьерные амбиции. В результате складывается система из факторов и условий объективного и субъективного характера. Все эти моменты актуализирует наше исследование жизненного старта для аудитории российской молодежи.

Объект исследования — феномен жизненного старта молодежи.

Предмет исследования — факторы и условия, способствующие формированию жизненного старта современной молодежи.

ЦЕЛЬ — выявление сущностных черт феномена жизненного старта, условий и факторов формирования, а также определение влияния на процесс самореализации современной молодежи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование построено на использовании междисциплинарного подхода. Междисциплинарность работы выстраивается на теоретическом анализе и обобщении материалов социологической, философской и иной общественной литературы по проблеме жизненного старта. Теория исследования выстроена на изучении условий формирования социального потенциала молодежи и его реализации. В их число включаются: интерпретация молодежи и ее потенциала в социокультурных условиях античности и средних веков, различные аспекты молодежных теорий XIX — начала XX вв. со стороны П. Сорокина, Э. Дюркгейма, М. Вебера; проблемы социализации молодежи исследованы со стороны И.С. Кона, В.И. Чупрова; теория «человеческого потенциала» предложенная И.Т. Фроловым и его последователями; теория потенциала молодежи В.Т. Лисовского, Е.Л. Яковлевой; идеи «человеческого капитала» и «человеческих ресурсов» С.А. Дятлова, Ю.Г. Быченко; психологическая концепция жизненного потенциала индивида и популяции Г.М. Зараковского; концепция «потенциала личности» В.Н. Маркова; концепция жизненного старта В.И. Чупрова, Г.Р. Хамзиной. Применение интегративного принципа позволило объединить в единую концепцию структуру и материалы из различных областей общественных наук и использовать их методы и категориальный аппарат. Метод теоретико-сравнительного анализа направлен на выявление сущностных характеристик жизненного старта как периода ранней молодости (В.И. Чупров, Г.Р. Хамзина). Логический метод использован для формулирования выводов исследования. Историко-ретроспективный метод был применен для выявления предпосылок идеи жизненного старта в трудах прошлых эпох.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ.

Истоки понятия. Понятие «жизненного старта» довольно новое для социологической науки. Оно введено в понятийный аппарат науки в начале XXI века. Однако предпосылки исследования онтологии данного социокультурного явления уходит в историю социологической мысли и выходит далеко за пределы времени приобретения социологией своего научного статуса. Каждая эпоха выявляла условия и факторы для социализации молодежи, определения своего места в социальной системе и механизма самореализации. Особенно вопрос формирования необходимых этических и личностных качеств для самореализации молодежи актуализировался в кризисные периоды. В эти периоды истории за молодежь конкурировали социальные институты семьи и государства в качестве объекта социализации.

На проблему молодежи, воспитания и условий ее самореализации, обращали свое внимание еще античные ученые, мыслители и философы. Демокрит, Платон, Аристотель, Конфуций и др. рассматривали в своих трудах вопросы обучения молодежи, служения государству, отношения к родителям, соблюдения традиций, выполнения долга перед обществом в каче-

стве элементов самореализации. В качестве примера интересным может казаться комедия древнегреческого комедиографа Аристофана. Он высмеивает древнегреческого философа Сократа, который предлагал новый способ самореализации молодежи на основе познания и самопознания, честности и служения обществу. Аристофан выступает против его новых этических идей, образа жизни, мыслей и суждений о принципах самореализации, а также обвиняет его в изменении системы образования, истоков семьи, прививании молодежи асоциального опыта неуважения родителей, старших [1].

В последующие эпохи о роли молодежи в социальной жизни, становлении как личности, субъекта исторического процесса писали А. Августин, Т. Мор, Т. Кампанелла, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и др. Классики немецкой философии (И. Кант, Г. Гегель) обращали свое внимание на внутреннее саморазвитие и самовоспитание молодежи, через систему образования, на формирование рациональности как личностного качества, направленного на успех самореализации в обществе.

В конце XIX — начале XX вв. молодежная проблематика становится актуальным предметом социологических исследований. Кризис классической модели общества и его институтов (семьи, образования, церкви, государства) приводит к переосмыслению места молодежи в социальной структуре общества. Возникающая система массового профессионального образования уводит молодежь из-под опеки классической семьи и церковного образования. В своих социологических концепциях Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин и др., выделяют преимущество социализации молодежи со стороны государства для ее самореализации в новом индустриально-промышленном обществе.

В 20–30-х гг. XX века происходит теоретическое осмысление культурных черт и функций молодежи как объекта и субъекта процесса преемственности и смены поколений. Изучение интересов, потребностей, социальных ожиданий, ценностей, жизненной позиции и личностного потенциала формирует предметное поле социологии молодежи.

С 60-х гг. XX века из идеологической тени начинает выходить отечественная социология. Основной задачей ее становится создание «социального портрета» различных групп молодежи, представителей молодежных субкультур. В процессе разработки серьезной эмпирической исследовательской базы в теорию социологии вводятся такие новые понятия как «человеческий потенциал» И.Т. Фролова, потенциал молодежи В.Т. Лисовского, Е.Л. Яковлевой, человеческий капитал» и «человеческий ресурс» «трудовой потенциал», «кадровый потенциал» С.А. Дятлова, Ю.Г. Быченко, К.С. Романовой, И.В. Соболевой. Эти понятия подразумевают наличие следующих качеств — интеллект и знание, качественный труд и интенсивный производительный труд, здоровье и качество жизни.

Системный кризис 90-х гг. XX века актуализировал для отечественной социологии молодежи проблемы молодежного рынка труда, безработицы, социальной и профессиональной адаптации и остро поставил проблему самореализации. В научный оборот социологии вводится новое понятие «социальный потенциал молодежи» (Р.З. Алтынбаев, Т.Петрушина, В.Е. Павлова, В.Э. Филиппов, Л. Рожкова). Данное явление описывается как сложная структурная организация, которая включает в себя духовный и интеллектуальный, трудовой и образовательный, ценностно-мотивационный и творческо-инновационные элементы.

В начале XXI века в российские социологи В.И. Чупров, Г.Р. Хамзина в научный оборот вводят понятие «жизненный старт». В нашем понимании, это сложная композиция, отражающее более противоречивый и многоуровневый характер формирования социального потенциала современной молодежи. Понятие «жизненный старт» соответствует социокультурным требованиям смешанной предметно-виртуальной реальности и противоречиям бинарных процессов эпохи глобализации/ локализации, цифровизации/виртуализации. Новацией является то, что само понятие, с одной стороны, обозначают временной отрезок, когда формируется у молодежи потенциал будущего. С другой стороны, выделяет факторы и условия для пространственного выражения. В содержательном плане, понятие включает

объективную (внешние социокультурные факторы и условия) и субъективную стороны (личностные способности) формирования жизненного старта. Открытыми для научного анализа по-прежнему остаются проблемы социального потенциала российской молодежи, характера его формирования и самореализации в условиях происходящих социокультурных перемен в стране и ее конкретных регионах.

Сущность понятия. Для современной молодежи все большее значение начинает обретать первые жизненные установки, ценности и навыки, которые будут определять его социальный статус и жизненный путь в обществе. В условиях глобализации, и стремительного изменения общества возрастает значимость качество и содержание понятия «жизненного старта».

В первую очередь мы должны ответить на один фундаментальный вопрос: что такое жизненный старт? Для раскрытия сущности понятия «жизненный старт» мы попытаемся выделить первичные элементы, которые входят в его структуру. В рамках социологии понятие «жизненный старт» может рассматриваться как важный этап в жизненном цикле индивида, который включает в себя формирование социокультурной идентичности, социальных функций и моделей поведения. По мнению российского социолога В.И. Чупрова, «жизненный старт — понятие, обозначающее начальный этап становления молодежи в качестве субъекта общественного воспроизводства [16, с.177]. А точнее, это — с одной стороны, те культурные традиции и материальные условия жизнедеятельности молодежи, которые заимствованы от старших поколений и должны быть воспроизведены. С другой стороны, в жизненный старт, по его мнению, включаются собственные физические и духовные силы. Поэтому, на наш взгляд, стартовый потенциал молодежи должен содержать расширенный воспроизведенный общественный ресурс и инновационное (производственное) его обновление в соответствии новым жизненным условиям и физическим, духовно-интеллектуальным возможностям субъекта.

Жизненный старт, как социокультурное явление в воспитании молодежи присутствует в культуре каждого народа в качестве структурного элемента на всех исторических этапах его развития. Затрагивая, проблему жизненного старта в культуре Древнего мира, мы можем отметить ее зависимость от многих внешних и внутренних факторов. Для культуры Древней Греции вполне подходит географическое расположение страны, ее культурные традиции, социальные структуры, политическая организация и экономические условия VI-IV века до н.э. (Аристотель). В этот период формируются стартовые условия для становления демоса, который предлагает совершенно новые условия для самореализации молодежи (Сократ, Платон, Аристотель) на основе принципа свободы духа активной самостоятельной деятельности (экономике), жизненной позиции (в политике и государственном управлении). В социальной структуре важную роль играла четко выраженная социальная иерархия: свободный гражданин и раб [4, с. 174].

С позиции древнегреческого философа Платона, идеальное общество делилось на три сословия: философов, призванных управлять государством; воинов, призванных защищать его, и демиургов, т.е. ремесленников, земледельцев и купцов, призванием которых было поставлять материальные блага. Ниже этих сословий находились рабы, которых Платон рассматривал лишь как живые орудия труда» [9, с. 16].

Существовавшее классовое деление во многом определяло возможности семьи для образования своих представителей и определения места молодого гражданина в политико-экономической иерархии труда. В рамках семьи каждый из предков передавал молодому поколению свои знания, социальный опыт в качестве ресурса и предопределял будущий его социальный статус, а также механизм самореализации во имя этого. «Греческий полис имел достаточно возможностей для создания правовых, организационных, материальных и духовных условий необходимых для развития человека, формирования определенного социального типа личности, для осуществления целей и задач социального воспитания»

[11, с. 229]. Материальные ресурсы семьи, образовательные и политические ресурсы страны играли важную роль для обретения нужного потенциала и успешного старта Платона, Аристотеля, Цицерона в социальную систему. Процесс воспитания и обучения — тяжкий, но благодарный труд, который преобразует природу человека, полагал Демокрит. «Хорошими людьми становятся скорее от упражнения, нежели от природы... воспитание перестраивает человека и создает (ему вторую) природу» [5, с. 76].

В трактате «Законы» Платон изложил свои воззрения на воспитание гражданина. «Социальное воспитание Платон рассматривал и как влияние исторического типа государственного устройства на формирование определенного типа личности, и как целенаправленную деятельность со стороны государства по передаче определенных социальных ценностей, норм, идеалов, социального опыта, которые необходимы для функционирования и развития общества [11, с. 229–230]

По его мнению, «Законодатель не должен допускать, чтобы воспитание детей было чем-то второстепенным и шло как попало. Напротив, это первое, с чего должен начать законодатель» [8, с. 517]. В «Законах» Платон пишет о системном строительстве образовательных учреждений, «гимнасиев» и школ в городе и вне его территории. Платон отмечает, что «...училище будет посещать не только тот, у кого этого желает отец, — у кого же он не хочет, тот, мол, может и отстраниться от воспитания, — но, как говорится, и стар и млад должны по мере сил непременно его получить, ведь дети больше принадлежат государству, чем своим родителям» [8, с. 554]. В этих учреждениях будущий гражданин будет заниматься стрельбой, верховой ездой и осваивать те навыки, необходимые в социальной системе. Он считал, что «... человек, желающий стать достойным в каком бы то ни было деле, должен с ранних лет упражняться, то забавляясь, то всерьез ...например строителя пусть научит измерять и пользоваться правилом, воина — ездить верхом и так далее... Самым важным в обучении мы признаём надлежащее воспитание, вносящее в душу играющего ребенка любовь к тому, в чем он, выросши, должен стать знатоком и достичь совершенства» [8, с. 404]. Мы замечаем, для Платона в процессе самореализации молодежи решающее значение имеет образование, которое учитывает социальный статус семьи, способности и желание молодого человека.

Аристотель, будучи учеником Платона, также считал государство ответственным за воспитание молодежи в качестве гражданина. Проблемы воспитания пронизывают такие работы Аристотеля, как «Политика», «Этика», «О душе». По мнению философа, «Воспитание предполагает развитие высших сил души — разумной и волевой» [10, с. 108].

Затрагивая аспект образования, мы должны отметить, что в Древнем мире, оно во многом зависело от социального статуса семьи. Ведь позволить его, могли себе только дети из обеспеченных семей. У них было право и финансовая возможность получать необходимые знания. В Древней Греции, несмотря на «демократизацию» образования, происходящую одновременно с приобретением им гражданского характера, полный объем имеющихся на тот или иной момент истории знаний был доступен лишь ограниченному числу обучаемых. До самой эпохи эллинизма «высшее» образование в Греции, а первую очередь, в Афинах, при относительной грамотности всех групп населения, оставалось привилегией лишь имущих классов. Именно их представители имели возможность посвящать себя изучению наук, философии, риторике, права и получать соответствующие знания в полном объеме [6, с. 138].

Говоря же о роли образования личностных качеств молодежи, мы можем рассмотреть систему воспитания в Древнем Китае. Она представляла собой уникальную систему, основанную на философских принципах во многом связанных с буддизмом и конфуцианством. Древнекитайский философ Дун Чжун-Шу пишет: «Природа человека создается постепенно воспитанием, и, только получив надлежащее воспитание, можно стать добрым. Доброта создается воспитанием, а не может быть дана изначально» [3, с.241]. В основе китайской системы воспитания лежала идея о всестороннем развитии гармоничной личности, способной самореализоваться. Особое внимание уделялось формированию и развитию нравствен-

ных качеств, самоконтроля, способности к самоанализу и установлении гармонии в душе, между миром природы и собою. Ценился ранний старт воспитания детей, почти с самого рождения. [15, с.32].

Таким образом, жизненный старт в качестве социального элемента присутствовал в культуре Древнего мира. Его сущность во многом определялась исходя из социального статуса семьи и имел сложную и многогранную структуру, что способствовало эволюции человеческого общества.

Итак, для нас, жизненный старт — это емкое понятие, которое обозначает начальный этап становления молодежи, включающий в себя те ресурсы, которые формируют их в качестве субъекта общественных и исторических процессов. Ресурсы для жизненного старта могут быть как внешними, так и внутренними. А именно, финансовые возможности, люди, информация, личные умения и знания. Они всегда соответствуют пространственным возможностям общества и требованиям времени. Каждое новое поколение начинает жизненный путь, наследуя материальные и духовные условия, воспринимая жизненный опыт предшествующих поколений для самореализации.

П.А. Сорокин в своих трудах выделяет каналы социальной циркуляции, который срабатывают в качестве социального лифта. Армия, церковь, школа, политические, экономические и профессиональные группы, семья способствуют формированию стартовых позиций у молодого человека в обществе [12, с. 392]. В этом плане интересным кажется опыт советского общества, когда все эти каналы функционировали, но неоднозначно. Результаты во многом зависели от классовой принадлежности субъекта и информационного содержания его жизненного ресурса. В этом плане абсолютного интереса представляет статья Г.Р. Хамзиной «Образование и жизненный старт как определяющие факторы социальной мобильности». Работа выстраивается на анализе материалов нарративных историй семейных династий студентов вузов Татарстана. По ее мнению ресурсы жизненного старта должны соответствовать требованиям эпохи. В переходные периоды происходит ускорение динамики социальных перемещений по социальной лестнице в зависимости от содержания ресурса жизненного старта, чаще происходит его переформатирование через новую систему образования. В данном случае, через систему советского образования. Анализируя нарративные интервью об истории семейных династий студентов после событий Октябрьской революции 1917 года, Г.Р. Хамзина отмечает: «Целые социальные группы прекратили свое существование (буржуазия, мелкая буржуазия, зажиточные слои в деревне); прежние негативно привилегированные группы стали позитивно привилегированными: выходцы из рабочих и крестьян пополнили ряды советской интеллигенции, партийно-государственного аппарата, получили широкий доступ к образованию [14, с.56].

Указанные проблемы существуют и в наше переходное время, когда стартовые позиции молодежи в широком плане рассматриваются как начальный потенциал, полученный в процессе образования и на основе семейного ресурса и практически определяет процесс самореализации в будущем. В современном «... постсоветском российском обществе семья остается мощным каналом распределения индивидов по стратам и внутри страт, послешкольной селекции индивидов по социальным нишам [14, с.56]. Каждое новое поколение начинает свой жизненный путь, не «с нуля» или «с чистого листа», а как будто бы наследуя те или иные условия, жизненный опыт старых поколений, но приумножая их превращает в свой **жизненный капитал**, который в свою очередь формируется в ранней молодости, наращивается и тратится на протяжении всего жизненного пути. По мнению Ю.Г. Одегова и его соавторов, «... каждый рождается одаренным, залогом этому является благоприятная среда для развития через многочисленные повторения» [7, с. 20].

Итак, жизненный капитал конструируется не только путем воспроизведения опыта прошлых поколений. Мощнейшее воздействие оказывает амбиции, устремленные к достижению инновационных перспектив, мобилизующее собственные духовные и физические силы, врожденные

способности молодого человека. Развитие этих черт через включение в жизненный капитал — это не только подготовка молодого поколения к личному успеху в будущем, но и обеспечение прогресса в нашем обществе. Как отмечает Н.Е. Тихонова, «статусные притязания, в свою очередь, как и жизненные устремления в целом, зависят от разных факторов: дохода человека и динамики этого дохода; возможностей улучшить свою личную ситуацию (т.н. «туннельный эффект» Хиршмана); соотношения человеком своих достижений с представлениями о «стандартном», нормальном образе жизни в данной стране (и даже в других странах, если они рассматриваются как референтные) и т.д. Причем в каждом обществе, слое и даже у разных индивидов в этих слоях роль данных факторов различна» [13, с. 14].

Жизненный старт охватывает несколько ключевых аспектов:

- 1) Возрастной аспект условно охватывает промежуток от 15 до 20 лет, когда происходит переход от детства к юности. В эти годы человек начинает осознавать себя как личность и активно взаимодействовать с окружающим миром, готовится к определению своего места в обществе. В этот период молодые люди переходят от детских мечтаний к жизненным амбициям молодости, выбирают свой жизненный путь, определяющий в дальнейшем успешную самореализацию [2, с.177]. Именно в это время происходит становление основных личностных качеств, физическое, эмоциональное и социальное развитие, формирование социальной идентичности. Именно подростки чаще всего задаются вопросами о том, кто они и каково их место в обществе, что является ключевым аспектом жизненного старта в обществе. В этом возрасте происходит активное освоение ими социальных ролей. Они начинают принимать участие в деятельности различных социальных групп. В результате между ними формируется дружеские и романтические отношения, что в свою очередь благотворно способствует их социализации и самореализации.
- 2) Социальные аспекты жизненного старта содержат социальные, экономические и культурные условия, которые способствуют социализации человека. Доступ к образованию, поддержка семьи и общественные ресурсы могут существенно влиять на возможности становления и социальные перспективы самореализации молодого человека. Данный аспект связан выбором образовательного пути и будущей карьеры, реализации жизненных целей и личных амбиций, что является важным в процессе движения к взрослой жизни.
- 3) Психологические аспекты жизненного старта, определяются с формированием самооценки, уверенности в себе и своих социальных навыках. Эти качества могут определять дальнейший путь человека в жизни и готовность его к так называемым новым социальным вызовам. Что часто связано с поиском своего места в обществе, определением личных ценностей и целей.

На подростковом этапе жизненного старта возникает множество проблем, с которыми молодой человек сталкивается впервые и не имеет опыта для их решения. Подавляющее большинство таких проблем у молодежи возникает из-за неравных условий при формировании жизненного капитала и начальных позиций жизненного старта. Часто они вызваны неодинаковыми жизненными условиями воспитания или самореализации. Если мы будем отталкиваться от элемента сравнения, то мы с легкостью это можем увидеть в реальной жизни. Например, возьмем индивида из обеспеченной семьи, который живет в крупном городе миллионнике. Смело можем сказать, что у него имеется выбор между обучением на родине, и обучением в зарубежном вузе, или выбор между «работать» и «не работать». Для молодого человека из менее обеспеченной семьи и из глубинки, с меньшими возможностями, такого выбора может и не быть. В силу ряда экономических, социальных и материальных причин он не сможет достичь особо высоких желаемых результатов, так как высоко статусные посты для него просто не доступны или же он может достичь с помощью социального лифта в поздний период жизни. В принципе, в природе не существует такого общества, которое

может дать одинаковые базовые условия для жизненного старта всех своих представителей, помочь молодым людям одинаково реализоваться. По мнению И.В. Белько и его соавторов, демократизация создает благоприятные условия в решении жизненных проблем человека, а именно дает ему возможность самостоятельного передвижения по социальной структуре общества, свободно самоопределяться и самореализовываться [2, с. 108]. Огромные личные усилия, хорошие интеллектуальные способности могут обеспечить часто исполнительские роли в социальной иерархии.

Немаловажную роль в структуре жизненного старта могут играть социальные связи. Они выступают катализатором многих жизненных процессов, оказывают направляющее влияние на процесс самореализации личности. Стоит отметить, что жизненный старт в большинстве своём сопровождается сильными эмоциями. Умение управлять ими — это тоже имеет значение для успеха на начальном этапе жизни. Семья и друзья часто создают эмоциональный фон, оказывая на молодого человека поддержку на различных этапах жизни и этим играют роль катализатора в процессе самореализации.

ВЫВОДЫ. Сущность жизненного старта во многом определяется его сложной бинарной конструкцией. Под жизненным стартом чаще всего понимается подростковый период (от 15 до 18–20 лет). В этот период жизни молодого человека происходит формирование личностных качества, которые позволяют им в дальнейшем проявить себя в качестве субъекта общественного воспроизводства. Структурно она (сущность жизненного старта) состоит из воспроизведенного жизненного опыта старшего поколения и из произведенного личностного жизненного опыта — инновации, которая исходит из реальных жизненных ситуаций и существует в рамках собственных физических и духовных возможностей. Первый блок чаще наследуется от семьи или навязывается обществом в качестве предписаний, предопределений. Второй блок достраивается к первому в результате развития собственных физических и духовных сил, способностей. Далее в процессе субъективации, они превращаются в личный ресурс (жизненный капитал) и используются в течение жизни при новых социальных условиях. Таким образом, в результате личных и социальных усилий у молодого человека формируется жизненный капитал, обеспечивающий качество самореализации.

Существуют огромное количество факторов, влияющих на процесс протекания жизненного старта. Социально-экономический статус семьи, уровень образования родителей, доступ к материальным и административным, экономическим и образовательным ресурсам, культурные традиции и эстетико-этические нормы социального окружения, а также политические и экономические условия — всё это в совокупности выступают в качестве факторов жизненного старта капитала и израсходования его в процессе самореализации.

Таким образом, жизненный старт в контексте нашего исследования представляет собой многозначный и многогранный, пространственно-временной континуум, который складывается из материальных условий и социокультурных ресурсов, различных воспроизведённых социальных данных и произведенных личностных новаций, определяет качество личностной самореализации современной молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристофан. Облако // Аристофан Комедии; Фрагменты / Пер. Адриана Пиотровского; Изд. подготовил В.Н. Ярхо; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир, Наука, 2000. С. 146–226.
2. Белько И.В., Карабанова О.В. Исследование понятия «карьера» и особенностей управления карьерой // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2023. № 2 (36). С. 107–118.
3. Дун Чжун-Шу // Антология мировой философии: В 4 т. / АН СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1969. Т. 1, Ч. 1: Философия древности и средневековья / Ред.-сост., авт. вступит. ст. В.В. Соколов. 1969. С. 239–249.
4. Зейналов Г.Г., Абдуллаев А.З., Виноградова И.Б., Шулугина Г.А., Елисеев М.А. Общество в поисках безопасной модели межкультурного диалога // Культура и текст. 2024. № 3 (58). С. 171–179.

5. Коровяковский Д.Г. Научные концепции высшего юридического образования в Древней Греции и Римской Империи: Исторический аспект // Образование и право. 2015. № 11/12 (75/76). С. 73–90.
6. Матвейчев О.А. Доступность образования в Древней Греции: от архаики до высокой классики // Современное образование. 2018. № 4. С. 131–139. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27398 (дата обращения: 26.02.2025)
7. Одегов Ю.Г., Кулапов М.Н., Карасев П.А., Тихонов А.Р. Воспитание талантов: молодежный аспект // Вестник НГУЭУ. 2021. № 4. С. 18–33.
8. Поляков Е.Н., Крюкова Ю.Е. Концепция «идеального» города-государства в трудах Платона (427–347 гг. до н.э.) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 3(9). С. 9–23.
9. Платон. Государство. Законы. Политик / Предисл. Е.И. Темнова. М.: Мысль, 1998. 798 с.
10. Руднева Е.Г. Антропологические и педагогические идеи Аристотеля // Гуманитарные науки: теория и методология. 2007. № 3. С. 105–108.
11. Синцова Л.К. Проблемы социального воспитания в философии Платона // Ползуновский Вестник. 2005. № 3. С. 229–236.
12. Сорокин. П.А. Человек. Общество. Цивилизация /Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Союмонов: Пер. с англ. С.А. Сидоренко. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
13. Тихонова Н.Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2023. № 4. Том 9. С. 12–43.
14. Хамзина Г.Р. Образование и жизненный старт как определяющие факторы социальной мобильности // Интеграция образования. 2005. № 1/2. С. 56–61.
15. Чжан Яньцю. Идеи эстетического воспитания в Древнем и Современном Китае // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 6. С. 29–35.
16. Чупров В.И. Жизненный старт // Энциклопедия гуманитарных наук. 2005. № 2. С. 177–178.

REFERENCE

1. Aristophan. *Oblako* [Cloud] // Aristofan Komedii; Fragmenty / Per. Adrian Piotrovskiy; Ed. podgotovil V.N. Yarkho; Predstavitel' izd. M.L. Gasparov. M.: Lodomir, Nauka, 2000. S. 146–226. (In Russian).
2. Bel'ko I.V., Karabanova O.V. *Issledovaniye ponyatiya «kar'yera» i vneshneye upravleniye kar'yero* [Research of the concept of “career” and features of career management] // Vestnik MGPU. Seriya: Ekonomika. 2023. № 2 (36). S.107–118. (In Russian).
3. *Dun Chzhun-Shu* [Dong Zhong-Shu] // Antologiya mirovoy filosofii: V 4 t. / AN SSSR, In-t filosofii. M.: Mysl', 1969. T. 1, CH. 1: Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya / Red.-sost., avt. vstupil. st. V.V. Sokolov. 1969. S.239–249. (In Russian).
4. Zeynalov H.G., Abdullayev A.Z., Vinogradova I.B., Shulugina G.A., Yeliseyev M.A. *Obshchestvo v poiskakh bezopasnoy modeli mezhkul'turnogo dialoga* [Society in Search of a Safe Model of Intercultural Dialogue] // Kul'tura i tekst. 2024. № 3 (58). S. 171–179. (In Russian).
5. Korovyakovskiy D.G. *Nauchnyye kontseptsii vysshego yuridicheskogo obrazovaniya v Drevney Gretsii i Rimskoy Imperii: Istoricheskiy aspekt* [Scientific concepts of higher legal education in Ancient Greece and the Roman Empire: Historical aspect] // Obrazovaniye i pravo. 2015. № 11/12 (75/76). S.73–90. (In Russian).
6. Matveychev O.A. *Dostupnost' obrazovaniya v Drevney Gretsii: ot arkhayki do vysokoy klassiki* [Accessibility of education in Ancient Greece: from archaic to high classics] // Sovremennoye obrazovaniye. 2018. № 4. S. 131–139. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27398 (data obrashcheniya: 26.02.2025). (In Russian).
7. Odegov YU. G., Kulapov M.N., Karasev P.A., Tikhonov A.R. *Vospitaniye talantov: molodezhnyy aspekt* [Nurturing talents: youth aspect] // Vestnik NGUEU. 2021. № 4. S.18–33. (In Russian).
8. Polyakov Ye.N., Kryukova YU.Ye. *Kontseptsiya «ideal'nogo» goroda-gosudarstva v trudakh Platona (427–347 gg. do n.e.)* [The concept of the “ideal” city-state in the works of Plato (427–347 BC)] // Vestnik Tom'skogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 2015. № 3(9). S.9–23. (In Russian).

9. *Platon. Gosudarstvo. Zakony. Politik* / Predisl. Ye.I. Temnova. [State. Laws. Politician]. M.: Mysl', 1998. 798 s. (In Russian).
10. Rudneva Ye.G. *Antropologicheskiye i pedagogicheskiye idei Aristotelya* [Anthropological and pedagogical ideas of Aristotle] // *Gumanitarnyye nauki: teoriya i metodologiya*. 2007. № 3. S.105–108. (In Russian).
11. Sintsova L.K. *Problemy sotsial'nogo vospitaniya v filosofii Platona* [Problems of social education in Plato's philosophy] // *Polzunovskiy Vestnik*. 2005. № 3. S.229–236. (In Russian).
12. Sorokin P.A. *Chelovek. Obshchestvo. Tsivilizatsiya* [Man. Society. Civilization] / Obshch. red., sost. i predisl. A. YU. Soyumonov; Per. s angl. S.A. Sidorenko. M.: Politizdat, 1992. 543 s. (In Russian).
13. Tikhonova N. Ye. *Faktory zhiznennogo uspekha i sotsial'nogo statusa v soznanii rossiyan* [Factors of life success and social status in the minds of Russians] // *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2023. № 4. Tom 9. S.12–43. (In Russian).
14. Khamzina G.R. *Obrazovaniye i zhiznennyy start kak opredelyayushchiye faktory sotsial'noy mobil'nosti* [Education and life start as determining factors of social mobility] // *Integratsiya obrazovaniya*. 2005. № 1/2. S. 56–61. (In Russian).
15. Chzhan Yan'tsyu. *Idei esteticheskogo vospitaniya v Drevnem i Sovremennom Kitaye* [Ideas of aesthetic education in Ancient and Modern China] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2023. № 6. S.29–35. (In Russian).
16. Chuprov V.I. *Zhiznennyy start* [Life start] // *Entsiklopediya gumanitarnykh nauk*. 2005. № 2. S.177–178. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.014

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.543.172

ВАСИЛЬЕВА Л.В.,
ТОЛСТОУХОВА И.В.**К ВОПРОСУ О ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ
СТУДЕНТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**VASILYEVA L.V.,
TOLSTOUKHOVA I.V.**ON THE ISSUE OF STUDENT EMPLOYMENT:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Сегодня нельзя рассматривать трудовую занятость студентов только как негативное явление, мешающее обучению, и закрывать на это глаза, необходимо совместными усилиями решать данную проблему. Актуальность проблемы напрямую связана с социально-экономическим развитием современной России. В стране наблюдаются кризисные явления, которые характеризуются снижением уровня жизни большинства населения. В результате чего студенты вынуждены обращаться к дополнительным заработкам в условиях крайне низкого размера стипендий, снижения количества бюджетных мест и распространения платного образования. В виду этого авторы провели социологический опрос среди студентов, с целью установить количество работающих студентов и мотивы их трудоустройства. В результате было выявлено, что многие студенты стремятся совмещать обучение и работу, для того чтобы самостоятельно покрывать свои личные потребности, а также оплачивать расходы на образование. Авторы статьи констатируют, что в силу быстро растущей инфляции, ужесточения требований рынка труда категория «работающий студент», станет постоянной для российских вузов, а значит, будет требовать особого внимания и решения данного вопроса.

Today, students' employment cannot be considered only as a negative phenomenon that hinders learning, and we must turn a blind eye to this, and we must work together to solve this problem. The urgency of the problem is directly related to the socio-economic development of modern Russia. There are crisis phenomena in the country, which are characterized by a decrease in the standard of living of the majority of the population. As a result, students are forced to turn to additional earnings in conditions of extremely low scholarships, a decrease in the number of budget places and the spread of paid education. In view of this, the authors conducted a sociological survey among students in order to determine the number of working students and their motives for employment. As a result, it was revealed that many students strive to combine study and work in order to independently cover their personal needs, as well as to pay for education expenses. The authors of the article state that due to rapidly growing inflation and stricter labor market requirements, the category of «working student» will become permanent for Russian universities, which means it will require special attention and resolution of this issue.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: студент, работающий студент, трудоустройство, трудовая деятельность, трудовая занятость.

KEY WORDS: student, working student, employment, work activity, employment.

ВВЕДЕНИЕ. Трудовая деятельность студентов представляет собой важный и многогранный аспект жизни, который в последние годы привлекает все большее внимание со стороны исследователей, педагогов и работодателей. В условиях современного общества, где конкуренция на рынке труда становится все более острой, необходимость совмещения учебы и работы становится актуальной для многих молодых людей. Студенты, полу-

чающие высшее образование, часто сталкиваются с необходимостью зарабатывать деньги, что приводит к возникновению различных форм трудовой занятости.

В результате сегодня мы наблюдаем, что трудовая занятость обучающихся, во-первых, интенсивно возрастает, и во-вторых, выступает скорее в качестве важного элемента профессионального становления будущих специалистов. В связи с этим встает вопрос о необходимости изучения сущности и особенностей трудовой занятости, выявления её роли в процессе обучения студентов [5].

Актуальность данной работы обусловлена и еще тем, что трудовая деятельность студентов может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на их профессиональное развитие и личностный рост. С одной стороны, работа во время обучения может способствовать приобретению практических навыков, развитию ответственности и самостоятельности, а также улучшению финансового положения студентов. С другой стороны, совмещение учебы и работы может привести к снижению успеваемости, повышенному уровню стресса и выгоранию [3, с. 86], что в конечном итоге может негативно сказаться на качестве образования [8] и профессиональной подготовке.

Вследствие этого, авторы проводят социологическое исследование, с **ЦЕЛЮ** определить количество работающих студентов и мотивы их трудоустройства, поскольку оно затрагивает не только экономические, но и социальные, психологические и образовательные аспекты жизни молодежи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Вопрос трудовой занятости студентов является актуальным и имеет большую популярность в научных исследованиях. Социологические опросы, проводимые высшими учебными заведениями, показывают, что трудовая занятость студенческой молодежи способствует зарабатыванию денег и приобретению профессиональных навыков, формируя их в процессе работы и взаимодействия с реальным сектором экономики [1;2]. При этом исследование, проводимое Н.М. Калиной, подчеркивает, что студент прежде всего заинтересован в заработке, а не в профессиональных навыках.

Значительное увеличение уровня занятости студентов наблюдается с начала 1990-х годов, это связано как с изменениями в экономике, так и с новым взглядом на роль высшего образования. И, как подчеркивает А.М. Тимомирова, если в прошлом работа большинства студентов носила эпизодический характер и осуществлялась в основном в период каникул, в трудовой семестр, то сейчас работа студентов приобрела систематический характер и осуществляется в течение всего учебного года. Кроме того, еще и раннее вовлечение студентов в трудовую деятельность. Большинство студентов начинает работать со 2 курса [4].

И тут встает вопрос, который важен для многих: «Насколько эффективно студенты могут совмещать эти две сферы жизни и как это отражается на их уровне успеваемости и общей успеваемости?» [7]. В зависимости от типа работы, занимаемой студентами, а также от их индивидуальных характеристик, таких как уровень интеграции в учебный процесс и навыки управления временем, может варьироваться степень успешности их учёбы. Этот аспект подчеркивает необходимость грамотного подхода к организации учебного процесса и возможности для студентов выбирать тот рабочий график, который наилучшим образом сочетается с их учебой.

В последние годы мы наблюдаем, что студенты все чаще выбирают гибкий график работы и рассматривают его как один из основных факторов при трудоустройстве. Желание достичь баланса между работой, учебой и личной жизнью, а также перспектива удаленной работы становятся ключевыми критериями для молодого поколения. Помимо этого, проводимые исследования акцентирует, что трудовая занятость студентов может способствовать упрощению перехода от университетской среды к рабочей. На этом основании можно выделить несколько причин, исходя из которых студенты принимают решение о трудоустройстве, включая финансовые предпосылки, потребность в получении опыта и желание построить карьеру.

Не стоит забывать, что глобализация привела к установлению новых отношений между социальными институтами, при которых рыночные императивы значительно расширили границы своего влияния, включая и сферу образования. В ряде стран взаимоотношения между экономикой и высшим образованием с каждым годом укрепляются, что целесообразно развивать и у нас.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Авторами было проведено онлайн-анкетирование, число респондентов, принявших участие в опросе, составило 252 студента, из них обучающиеся мужского пола (31,8%) и женского пола (68,2%). Возраст участников составил: 18–23 года (68,2%); 24–30 лет (31,8%). Среди них обучающиеся первого курса (37,3%), второго курса (43,6%), третьего – 10,1% и четвертого – 9%.

По результатам анкетного опроса установлено, что из числа опрошенных трудоустроены официально (28,2%); трудоустроены неофициально (27,3%); не работают (44,5%). Как мы наблюдаем, больше половины студентов работают, чуть больше четверти устроены неофициально, это предполагает, что работодатель может привлекать студентов, используя сдельный формат работы. Для студентов же это удобно тем, что нет необходимости ежедневно ходить на работу, такую занятость можно считать подработкой для студентов.

На вопрос «Вы работаете по вашей специальности?» ответы мы получили следующие: да (24%); нет (76%). Данные ответы позволяют сделать вывод о том, что основная часть студентов работает не по своей специальности. К тому же опрошиваемые указали должность, по которой они работают — это SMM-специалисты, курьеры, администраторы, менеджеры по продажам, рилсмейкеры и т.д.

На вопрос «Ваши трудовые обязанности можно выполнять удаленно, не приходя на работу?» были получены такие результаты:

- большинство респондентов (51,8%) не имеют возможности работать удаленно, требуется их присутствие на рабочем месте.
- могут работать удаленно (40%), делают это на постоянной основе, что существенно отражается на их темпе жизни и учебе.
- можно работать удаленно, но не всегда, а только в силу определенных обстоятельств (8,2%).

На основании полученных данных можно утверждать, что в настоящее время удаленный формат работы во многом способствует росту численности трудоустроенных студентов. Изучая сайты для поиска работы, можно обратить внимание на онлайн-профессии, такие вакансии предлагают как популярные компании, так и начинающие. Ведение социальных сетей бизнеса, а также продвижение предприятий при запуске рекламных компаний сейчас являются наиболее востребованной нишей в сфере занятости и вполне подходит для молодых специалистов без опыта работы. Кроме того, рост числа онлайн-курсов по таким специальностям также помогает студентам найти для себя подходящую вакансию на период обучения в вузах или сузах.

Следующие вопросы были посвящены трудностям, с которыми сталкиваются работающие студенты. По вопросу «Зачем, вы решили пойти на работу?» ответы распределились следующим образом:

- есть финансовые трудности (45,5%);
- финансовых трудностей нет, но хотелось бы иметь больше средств (36,4%);
- решили приобрести профессиональные навыки (13,6%);
- хотят иметь опыт работы и общение (4,5%).

Как видим, основной мотив пойти на работу — это финансовый, хотя работа студентов может быть связана с такими факторами, как стремление к получению опыта и общения, а также желание наработать профессиональные навыки трудовой деятельности.

На вопрос «Сложно ли вам дается совмещение работы и обучения?» были следующие результаты:

- да, но работодатель идет навстречу в случае непредвиденных обстоятельств (41,9%);
- да, но мне нравится моя работа (28,1%);
- меня устраивает заработная плата, и я готов терпеть сложности (15%);
- нет (15%).

Анализируя ответы на текущий вопрос, можно прийти к выводу, что в любом случае совмещение работы и обучения является достаточно сложным процессом, и поэтому не каждый студент может долго совмещать эти два вида деятельности.

На вопрос «Успеваете ли вы выполнять задания преподавателей и готовиться к сессиям?» респонденты ответили:

- успевают совмещать и учебу, и работу (63,6%);
- есть трудности с учебой (31,8%);
- возникают трудности только во время сессий (4,5%).

А на вопрос «Как часто вам приходится пропускать обучение из-за ваших трудовых обязанностей?» были получены следующие данные:

- вообще не пропускают занятия, так как работают удаленно или в свободное от учебы время (33%);
- пропускают 1-2 занятия в неделю, но не всегда (27,5%);
- случается пропускать, но редко (24,5%);
- пропускают очень часто (2-3 раза в неделю), так как их график учебы совпадает с рабочим графиком (15%).

Примечательно, но, как видим по результатам двух вопросов, больше половины работающих студентов успевают выполнять задания преподавателей, легко совмещают работу с учебой, но занятия посещают не регулярно. Для того чтобы успевать не только работать, но и обучаться, студент должен обеспечивать время для отдыха, но при таких обстоятельствах какая-либо сфера деятельности однозначно будет страдать.

Вследствие чего был задан вопрос: «Успеваете ли вы заниматься вашими личными делами?». Получены ответы: нет (68,2%); не всегда (13,6%); да, успевают (18,2%). Все мы знаем, что трудовая деятельность занимает много времени и во многом влияет на качество личной жизни. Студенты могут не успевать отдыхать, заниматься досугом, спортом и т.д. Соответственно, совмещение работы и обучения, даже несмотря на успешное совмещение, может неблагоприятно отражаться на качестве жизни.

И на последний вопрос «Хотите ли вы уволиться, так как сложно совмещать работу и обучение?» были получены ответы:

- да, но есть финансовые трудности (46,4%);
- нас все устраивает, и увольняться не планируют (40%);
- планируют увольнение в ближайшее время (13,6%).

Финансовые трудности чаще всего вынуждают студентов начинать трудовую деятельность до завершения обучения, так как для многих расходы на обучение и другие потребности не могут покрывать родители, соответственно, студенты ищут возможности заработка для решения этой проблемы. Финансовая независимость, которую обеспечивает работа, значительно повышает уровень уверенности студентов в себе. Это особенно критично для тех молодежных групп, которые получают недостаточную поддержку от семьи. Студенты, работающие во время учёбы, имеют возможность не только оплачивать учебу, но и покрывать свои жизненные расходы, что минимизирует финансовые стрессы и позволяет сосредоточиться на учебном процессе.

Необходимо также обратить внимание на то, что большая часть опрошенных является студентами первого-второго курса, и для них, как мы знаем, не настолько важна работа, сколько то, что за нее можно получить. Студенты же старших курсов также заинтересованы в заработке, но стараются выбирать работу уже для приобретения опыта и профессиональных навыков.

В результате мы видим, что количество работающих студентов растет, а значит, вуз не сможет оставаться в стороне от решения проблем, с которыми будет сталкиваться

и студент, и преподаватель [6]. Сегодня вузам необходимо уделять больше внимания работающим студентам, поскольку эта категория достаточно многочисленна и имеет тенденцию к росту, и её игнорирование не будет являться эффективной стратегией поведения.

ВЫВОДЫ. Таким образом, трудовая деятельность студентов — это сложный и многогранный процесс, состоящий из множества факторов, влияющих как на их профессиональное развитие, так и на их личностное становление. Одной из основных задач является создание системной поддержки, направленной на оптимизацию этого взаимодействия и снижение рисков перегрузки обучающихся, что может негативно сказаться на их учебе и здоровье. Работодатели и учебные заведения должны быть заинтересованы в стабильном сотрудничестве, которое позволит формировать высококвалифицированные кадры, соответствующие требованиям времени.

Необходимо сделать вывод о том, что главной причиной совмещения учебы с работой является решение материальных проблем, а также стремление к материальной независимости от родителей. В результате авторы констатируют, что главная причина совмещения работы и учебы студентов — неудовлетворительное материальное положение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желнина Е.В., Папчихина М.А. Социальный портрет современного работающего студента: социологический анализ // Научный вектор Балкан. 2019. Т. 3. № 3(5). С. 59–66.
2. Калина Н.М. Феномен трудовой занятости студентов в России: история и современность // Проблемы современной экономики. 2017. № 2 (62). С. 222–224.
3. Коропец О.А., Баландина Т.Ю., Гафурова Т.Р. Педагогическое сопровождение работающих студентов с синдромом эмоционального выгорания // Глобальный научный потенциал. 2020. № 1(106). С. 86–90.
4. Мылтасова О.В., Тихомирова А.М. Роль вторичной занятости студентов в формировании трудовых компетенций // Вестник МГЭИ. 2018. № 2. С. 162–174.
5. Старцева Н.Н., Брюхова О.Ю. Трудовая занятость студентов как объект социологического исследования // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. № 8(64). С. 48–68.
6. Цветкова Н.А., Петрова Е.А., Савченко Д.В. Социально-психологические особенности работающих студентов: личностная направленность, жизненная позиция, поликоммуникативная эмпатия // Перспективы науки и образования. 2022. № 1(55). С. 444–462.
7. Цыганенко Н.В. Учебная успеваемость работающих студентов // Образование и проблемы развития общества. 2021. № 4(17). С. 113–120.
8. Хузиева Э.Ф., Габдулхакова А.А. Менеджмент персонала как инструмент повышения конкурентоспособности образовательной организации // Финансовый менеджмент. 2024. № 5. С. 276–284.

REFERENCES

1. Zhelnina E.V., Papchihina M.A. *Social'nyj portret sovremennogo rabotayushchego studenta: sociologicheskij analiz* [Social portrait of a modern working student: a sociological analysis] // Nauchnyj vektor Balkan. 2019. T. 3. № 3(5). S. 59–66. (In Russian).
2. Kalina N.M. *Fenomen trudovoj zanyatosti studentov v Rossii: istoriya i sovremennost'* [The phenomenon of student employment in Russia: history and modernity] // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2017. № 2 (62). S. 222–224. (In Russian).
3. Koropec O.A., Balandina T.Yu., Gafurova T.R. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie rabotayushchih studentov s sindromom emocional'nogo vygoraniya* [Pedagogical support for working students with burnout syndrome] // Global'nyj nauchnyj potencial. 2020. № 1(106). S. 86–90. (In Russian).
4. Myltasova O.V., Tihomirova A.M. *Rol' vtorichnoj zanyatosti studentov v formirovanii trudovykh kompetencij* [Role of secondary employment of students in the formation of labor competencies] // Vestnik MGEl. 2018. № 2. S. 162–174. (In Russian).

5. Starceva N.N., Bryuhova O. Yu. *Trudovaya zanyatost' studentov kak ob"ekt sociologicheskogo issledovaniya* [Students' employment as an object of sociological research] // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. № 8(64). S. 48–68. (In Russian).
6. Cvetkova N.A., Petrova E.A., Savchenko D.V. *Social'no-psihologicheskie osobennosti rabotayushchih studentov: lichnostnaya napravlennost', zhiznennaya pozitsiya, polikommunikativnaya empatiya* [Socio-psychological features of working students: personal orientation, life position, polycommunicative empathy] // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2022. № 1(55). S. 444–462. (In Russian).
7. Cyganenko, N.V. *Uchebnaya uspevaemost' rabotayushchih studentov* [Academic performance of working students] // Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva. 2021. № 4(17). S. 113–120. (In Russian).
8. Huzieva E.F., Gabdulhakova A.A. *Menedzhment personala kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti obrazovatel'noj organizatsii* [Personnel management as a tool to increase the competitiveness of an educational organization] // Finansovyy menedzhment. 2024. № 5. S. 276–284. (In Russian).

ОТРАСЛЕВЫЕ СОЦИОЛОГИИ**BRANCH SOCIOLOGIES**

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.015

УДК 316.74:82:778.5

ББК 60.562.6

Д.С. ПАВЛЮЧЕНКО   **СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ
КИНЕМАТОГРАФ КАК КАНАЛ
ПОСТРОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН (НА ОСНОВЕ
МАТЕРИАЛОВ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)**

D.S. PAVLYUCHENKO   **MODERN RUSSIAN CINEMATOGRAPHY
IS A WAY OF FORMATION THE NATIONAL
IDENTITY OF RUSSIANS (BASED ON
MATERIALS FROM AN EXPERT POLL)**

Кинематограф — один из самых доступных видов искусств; он отражает события повседневной жизни россиян. По этой причине автору статьи показалось не только интересным, но и важным посмотреть, каким образом современный отечественный кинематограф способен оказывать воздействие на общество страны. Цель исследования — изучение кинематографа как канала построения национальной идентичности (с позиции экспертов в вопросах кино и национальной политики). Автором статьи был проведен экспертный опрос (n=9), который позволил выявить представления работников кинематографа и специалистов по вопросам реализации национальной политики о состоянии современной киноиндустрии РФ, необходимости увеличения фильмов о жизни обычных россиян, о народах, провинциальных городах и культуре страны.

Cinematography is one of the simplest forms of modern art; it reflects the events of usual life of Russians. For this reason, the author of the article has found it not only interesting, but also important to understand how modern Russian cinema is able to influence the society. The purpose of the research is to study cinema as a channel for construction national identity (from the perspective of cinema experts and expert in national politics). The author of the article has conducted an expert poll (n=9), which revealed the views of cinematographers and specialists in the implementation of national policy on the state of the modern Russian film industry, the need to increase films about the lives of ordinary Russians, about the peoples, provincial cities and culture of the country.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российский кинематограф, национальная идентичность, образ россиянина, образ России, функции кинематографа

KEY WORDS: Russian cinematograph, national identity, the image of a Russian, the image of Russia, the functions of cinema

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования отечественного кинематографа как социально-культурного феномена, транслирующего национальную культуру, символы, историю и ценности общества и запускающего процессы их воспроизводства и распространения в современном российском обществе обусловлена в первую очередь огромными масштабами транслирования и доступным для понимания всем людям без исключений. М. Жабский,

отечественный исследователь кино, уверен, что зритель ищет и находит себя в кинофильмах [6, с. 445]. Кино доступно и понятно абсолютно всем членам общества. Возможно, именно по этой причине немецкий социолог кино З. Кракауэр стал утверждать, что изучение фильмов позволяют социологам узнать о повседневной жизни людей то, что нельзя получить из других источников. Кинофильмы «запечатлевают бесчисленные компоненты реального мира: огромные человеческие толпы, случайные сочетания человеческих тел и неодушевленных предметов, а также бесконечную вереницу повседневных явлений» [8, с. 16]. По этой причине исследователь говорил, что важно изучать национальное кино, ведь именно кино отражает психологию всего народа прямым путем, влияя на общество [7, с. 14].

Советский кинематограф в прошлом веке уже был компонентом идеологической и культурной пропаганды страны [7, с. 11]. В 1995 году Правительство РФ нормативно установило, что развитие отечественной кинематографии — одна из задач культурной политики страны [14]. С того времени и кинематограф, и культурная политика страны претерпели множество изменений. Министерство культуры России ежегодно устанавливает список тем для кинопроизводства, представляющих государственный интерес [11]. При создании картин из утвержденного перечня, государство сможет взять на себя финансирование производства данного кинопродукта. Так, в 2024 году министерство сделало акцент на реализации и транслировании фильмов, посвященных семье, истории, патриотизму и традиционным ценностям россиян. Указанные темы являются важными и актуальными не только в настоящее время, но и в ближайшем обозримом будущем, поэтому выбор именно данных направлений на государственном уровне является понятным. По данной причине нам показалось интересным выяснить: во-первых, насколько успешно формируется национальная идентичность граждан страны благодаря возможностям современного отечественного кинематографа, а во-вторых, дать оценку актуального развития киноиндустрии для определения возможностей построения национальной идентичности россиян. Это и стало отправной точкой нашего социологического исследования.

Видный исследователь наций Б. Андерсон говорил, что цельная нация — это результат успешно организованной деятельности всех политических и государственных структур общества [2, с. 31]. У. Бек отмечал, что национальная идентичность находится внутри каждого человека и не имеет никакой географической привязки. Благодаря этой особенности человек, проживая в США, может чувствовать близость с любой нацией, ведь главное, по мнению Бека, — сохранять духовную связь со своей Родиной [3, с. 55]. Происходит это через государственную политику, что внушает обществу создание «устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [10, с. 62]. Такая политика помогает консолидации общества поверх языковых, возрастных и иных социальных границ.

Э. Хобсбаум смог предложить механизм формирования идентичности [15]. С его точки зрения, идентичность конструируется с помощью механизмов «изобретения традиций» («совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью её является внедрение определенных ценностей, а средством достижения цели — повторение») [15, с. 48]. Для её эффективной реализации необходимо проводить политику, «предусматривающую разумное сочетание этнического и общероссийского компонентов идентичности», «формирование у жителей России, чувства принадлежности к единому обществу и государству» [13, с. 51]. По этой причине, с точки зрения Л. Дробижевой и С. Рыжовой, именно государство и заинтересовано в объединении всего общества, созданию условий для благоприятного социально-психологического самочувствия [4, с. 13] людей, вызывая приятные эмоции. Основными современными методами такой политики, по мнению Э. Смита, является трансляция идей, ценностей, легенды и мифы и т.п. нации [16, с. 7]. Эти методы используются системой образования государства, средствами массовой информации, религий, художественной и декоративно-прикладной культурой, языком и т.п. [4, с. 12].

Исходя из вышесказанного, можно резюмировать, что и современный отечественный кинематограф, используя свои широкие возможности, также способен оказывать влияние на формирование национальной идентичности. Данный подход разделяется современными отечественными социологами. О.В. Рябов называет кинематограф и его продукты — самостоятельными акторами символической политики государств (направленной на создание и распространении национальных идентификационных маркеров граждан) мира [1]. Данная идея была подтверждена в реализованных фокус-группах Т.Б. Рябовой и Е.В. Панкратовой [12], Д.С. Павлюченко [9]; исследователи показали, что зрители нашей страны наделяют положительными качествами россиян, демонстрируемых в картине, а образ врага, прежде всего, в лице американцев, по мнению респондентов, воссоздан весьма стереотипно и схематично.

ЦЕЛЬ статьи — изучение кинематографа как канала построения национальной идентичности (с позиции экспертов в вопросах кино и национальной политики).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Таким образом, исследования национальной идентичности с позиции современного кинематографа акцентируются, прежде всего, на изучении зрителей; в этом исследовании целью стало — анализ позиций экспертов при изучении кинематографа как канала построения национальной идентичности. По этой причине нами был реализован экспертный опрос (n=9), в ходе которого мы опросили кинорежиссеров, кинооператоров, сценаристов и т.п. а также экспертов по вопросам реализации национальной политики России. Опрос проходил в сентябре-октябре 2024 г. с экспертами из четырёх городов РФ (Москва, Ростов-на-Дону, Иваново и Нижневартонск (ХМАО)).

Экспертный опрос позволил выявить представления работников кинематографа и специалистов по вопросам реализации национальной политики о состоянии современного кинематографа, необходимости увеличения фильмов о жизни обычных россиян, о народах, провинциальных городах и культуре страны.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уровень развития современного отечественного кинематографа

Все опрошенные нами эксперты уверены в том, что современный отечественный кинематограф ничуть не уступает европейскому или американскому по своему уровню. Двое экспертов полагают, что около десяти лет назад было большое влияние зарубежного кинематографа (прежде всего американского), но уже сейчас отечественный кинематограф вышел на новый уровень.

«Кинематограф нашей страны уже вышел на европейский уровень. Стало много разнообразного и качественного кино, много разнообразных стриминговых сервисов, что стали вкладывать денежные средства в развитии индустрии. Сейчас наши идеи кинофильмов стали покупать зарубежные кинокомпании, делать свои национальные версии. Например, Франция решила купить права фильма «Холоп», для создание собственной версии».

«Российский кинематограф за последние 20 лет сильно изменился. В первую очередь благодаря деньгам. В российском кино стало гораздо больше денег, а это значит больше возможностей. Если в конце 1990х гг. были сплошь авторские проекты, то сейчас — гораздо более широкая индустрия... Я высоко оцениваю наше современное кино. Увы, в последнее время распространен миф, что современное российское кино хорошо не снимают. Прежде всего благодаря различным СМИ... Но в целом вполне очевидно, что в целом в кино всё вполне неплохо».

Если ещё в начале этого века в нашей стране снимали ремейки зарубежных фильмов (среди исследователей кино существует точка зрения, что для того, чтобы выжить, кинематограф даже был вынужден заниматься копированием сюжетов и образов [5]), то теперь, по мнению одного из экспертов, кинематограф нашей страны сам стал способен предлагать миру качественные идеи для постановок. Полученные нами результаты сопоставимы с исследованием

М. Жабского. Социолог своим опросе несколько лет назад установил, что зрители нашей страны высоко оценивают современные российские кинофильмы (более 60% респондентов назвали хорошими ленты отечественного кинематографа [5, с. 111]).

При этом почти все информанты находят, что современное кино в нашей стране совершенно разное, зачастую биполярное: одновременно в отечественном кино сосуществуют качественное авторское кино (признанное на международных фестивалях) и развлекательное (массовое) кино (кинофильмы, снятые для трансляции на федеральном телевидении). Кроме того, участники исследования отметили, что в настоящее время не хватает кино для всей страны, фильмов социальной направленности. Такие фильмы могли бы занять свою нишу между указанными полюсами.

«В нашем кино одна очень серьезная проблема — большой разрыв между авторским кино и массовым кино. У нас есть качественное массовое семейное развлекательное кино (например, «Последний богатырь», «Три богатыря», «Майор Гром», «Слово пацана» и т.п.), при этом в полном порядке и авторское кино (так до недавнего времени у России было много наград на фестивалях в Каннах и других известных мероприятиях)».

«На мой взгляд, существует несколько условных типов кино (это не берем в расчет рекламу или видеоконтент блогеров). Мы не будем лукавить, но и у нас в России до сих пор снимается кино для показа на канале «Россия» (бабушки в нашей провинции его смотрят), а им такой кино для отдыха необходимо. Обсуждать качество такого кино нет никакого смысла. Но при этом есть хорошие киношные и сериальные работы, которые совершенно не уступают западному кинематографу: ни по сюжету, ни по качеству съемок».

Выделенные полюсы были отмечены давно: «в авторском кинематографе доминирует режиссёрское самовыражение, а в массовом — зрительское» [6, с. 167]. М. Жабский убежден, что решить такое расхождение можно только в условиях творческой свободы создателей при их ориентации на запросы реальных зрителей [6, с. 167]. В нашем исследовании эксперты дали более конкретные рекомендации: необходимо снимать больше фильмов для людей среднего возраста, больше снимать «социального» кино [в качестве примера трое экспертов назвали фильм «Аритмия» как пример феномена успеха такого жанра в нашей стране].

«В российском современном кино происходит явное проседание социальных тем (это фильмы, отражающие настоящие насущные проблемы, с героями таких фильмов у людей процессы идентификации происходит проще... Так как человек точно испытывает понятные ему эмоции). Так несколько лет назад выходили некассовые, но важные социальные фильмы. Например, «Аритмия». При этом в настоящее время в России таких кинофильмов стало меньше. Хотя, на Западе таких фильмов наоборот стало больше...».

С точки зрения опрошенных информантов, фильмы, ориентированные на всё общество, показывают жизнь типичного россиянина (человека «из глубинки»). Этим и объясняется большой успех подобной кинопродукции у публики страны. Так как в нашем исследовании, мы пытаемся выявить возможности построения или влияния национальной идентичности на россиян с помощью средств кинематографа, то в этом случае стоит отметить, что необходимо снимать больше фильмов социальной направленности, показывающих жизнь обычных россиян.

«Кинематографисты должны смотреть вокруг, общаться с людьми и думать о том, что кино не только для интеллектуалов, но и обо всех людях в целом».

Полученные результаты также сопоставили с данными, полученные ранее М. Жабским. С его точки зрения, своеобразным эталоном социального кинофильма можно считать драматический кинофильм, «обогащающий национально-культурной идентичность» зрителей [5, с. 132]. В качестве примера исследователь называет известные отечественные кинофильмы:

«Летят журавли» (1957), «Калина красная» (1973), «Москва слезам не верит» (1979). На наш взгляд, это показывает, что для построения национальной идентичности, нужно снимать больше кинофильмов подобного жанра или направленности.

Репрезентация компонентов национальной идентичности в кинематографе

В нашем исследовании было важно оценить не только возможности кинематографа, но и смысл, который транслируется благодаря его возможностям. Исследователи кино зачастую отмечают, что любой кинофильм — «манифест нации», что используется как средство «борьбы за свою идентичность» [7, с. 15]. Образ страны и её гражданина — важные составляющие национальной идентичности. По этой причине важно оценить эти конструируемые образы в кино.

Для наших экспертов это стало очень сложной задачей. Возможно именно из-за этого опрошенные нами информанты разошлись во мнениях относительно того, какой Россия или российское общество представлены в кинематографе страны. Так же отсутствие единства мнений можно объяснить предыдущим вопросом исследования: какие фильмы будут находится в основе анализа.

«Фильмы сейчас такие полярные, также, как и сама Россия. Опять же есть хороший режиссер — Ю. Быков, поднимающий остросоциальные проблемы: коррупция, выбор человека и т.п. А есть развлекательное кино, например, «Майор Гром». По этой образ страны в названных кинофильмах нарисовать сложно».

«Фильмы сейчас абсолютно разные. Например, социальные кинофильмы отражают нашу реальность. Например, фильмы Быкова и Звягинцева. А есть множество фильмов о Москве: такая веселая картинка. Это глянец (жизнь богатых людей на Патриарших прудах), что совсем не отражает нашу российскую реальность».

Кроме того, двое экспертов отметили, что сейчас в нашей стране снимается много фильмов жанра фэнтези, что вообще не отражает никакую страну из существующих. Также, как и в предыдущем вопросе, мы столкнулись с проблемами определения предмета социологического анализа. Тогда мы решили узнать, а какие кинофильмы (жанры, сюжеты и прочие составляющие) в целом способны повлиять на человека, на его национальную идентичность, чувств сопричастности к россиянам и т.п. После чего попробовать оценить россиян и страну именно в этих фильмах.

Большинство экспертов в этом вопросе оказались единодушны во мнении, что на формирование национальной идентичности влияют прежде всего исторические (военные) фильмы, драмы о спорте; когда как трое информантов (двое из которых были экспертами по национальным отношениям) выделили также — социальную драму (фильмы, что также повествуют об исторический событий, но с акцентом на жизнь обычных людей).

«Или еще жанр (хотя, он у нас так популярен как в зарубежном кино) — slice of life («ломтик жизни»). Это фильмы о простых людях, они показывают жизнь простого человека, поглощенного своими трудностями на фоне исторических событий».

При описании образа России в кино наши участники опроса, эксперты в области кинематографа, нередко испытывали сложности. Двое из них охарактеризовали образ страны как суровый, мрачный, по преобладающим цветам в кадре — серому или коричневому. Один эксперт оценил образ страны в кино как «искусственный», по причине того, что Россия в фильмах предстает далекой от реальности, очень «музейной». Несколько экспертов высказали убеждение в том, что наша страна даже в этих фильмах не отражается полностью: подавляющее число фильмов снимаются только в Москве и только про Москву. Данную особенность отметили информанты, проживающие как в регионах, так и в столице. Эксперты полагали, что это также является одним из современных недостатков отечественного кинематографа. Возможно, именно по этой причине почти все участники опроса ответили, что жить в России, какой она изображена в современных российских фильмах, они точно бы не хотели.

«Сейчас все события в кино происходят где? В Москве! Если мы говорим про национальности, то надо показывать регионы с их культурой. ... Москву мы все понимаем, это столица, мы все уже видели. У провинции всегда будет иное отношение к Москве. Хотелось бы, чтобы показывали события и культуру, происходящие в регионах, т.е. жизнь за пределами МКАДа. Но не надо показывать, что провинция — дыра какая-то...».

«Сейчас много милитаристского кино... образ России соответствующий. Военное или историческое кино делает фокус на военных, исторических событиях. Фокус смещается не на мирную жизнь, а на её военную составляющую».

Россиянин (в спортивных военно-исторических драмах), по мнению информантов, обычно честный, добрый, законопослушный патриот (один участник исследования даже оценил его в негативном смысле) своей страны. Эксперты по национальным отношениям добавили к типичному портрету такие черты, как жертвенность и воинственность. Несмотря на то, что участники исследования хотели отражения реальной жизни, но при этом многие отмечали, что хотели бы отражение ценностей жизни, дружбы, единства в кино. Участники исследования хотят видеть в кинофильмах образ честного, доброго, компанейского россиянина, хотят видеть героев близких себе по социальному статусу и культурному коду.

«Если брать патриотическое кино, там россиянин честный, добропорядочный гражданин (хотя, может где-то приврать или совершать преступление). Он за правду и за добро, за все хорошее. Я говорю с иронией. Но эти герои тоже немного искусственные».

«Хотелось бы, чтобы образ россиянина в кино был хорошим. Наша нация уникальная, много что отличает от других. Мы добрые, бескорыстные, можем приходить на помощь. Запад не испортил нас отношением «ты мне — я тебе». Есть много хороших советских фильмов. Например, «Девчата», где показана взаимовыручка, взаимопомощь. Это сейчас должно быть аналогичное в нашем кино... Тема дружбы обязательно должна быть и в кино, и в жизни».

Стоит отдельно отметить, что три участника экспертного опроса отметили, что исторические (военные, патриотические) фильмы вызывают лишь чувства грусти, тоски или жалости, без возникновения идентификационных механизмов с персонажами фильма.

«Мне кажется в последнее время больше рефлексии о прошлом нашей страны, чем о настоящих событий. Это фильмы ретроспективные. Я сомневаюсь в том, что они могут отражать нашу жизнь».

«Мне кажется, что у нас не хватает кино патриотического, причем понятного и доступного для всех людей. Ни пафосного, ни про известных исторических личностей, а про обычных людей, которые вокруг нас. Понятно, что генералы, маршалы прошлого века... ну не просто так им звания вручили. В их жизни, конечно, есть что-то такое эпическое. Нужно поближе к судьбам простых людей, особенно это важно для нынешней молодежи».

Оценка уровня отечественного кинематографа, как и оценка репрезентации россиян и страны в современном кино, получились средние. При этом, по мнению экспертов, отечественные кинофильмы выполняют важные задачи. Они помогают сплотить общество и поколения, вызывают желание узнать что-то новое об истории или культуре страны. Значит, можно говорить о том, что такие фильмы необходимы, на них есть определенный запрос. Эксперты полагают, что в этом случае снимать больше фильмов близких к нам по времени (трое информантов предложили тему Чеченской кампании), что репрезентируют не только события столицы, но и сюжеты (или герои, культура и т.п.) других городов и народностей. Несколько участников опроса уверены, что в истории и культуре страны множество тем, что можно показать всей стране; а один эксперт предложил снимать фильмы с националь-

ными географическими маркерами страны («климатические зоны, разные горы, вулканы, гейзеры» и т.п.).

Полученные нами результаты согласуются с позицией М. Жабского, о том, что популярным (успешным) у зрителей в нашей стране фильмом может стать только такой кинофильм, который «вносит значительный вклад в движение киноискусства», а также «воспроизводит национально-культурную идентичность» [5, с. 132], что позволяет привлекать широкие зрительные массы к просмотру фильма. Полная идентификация возможна лишь в случае полного совпадения реальных образов и образов, транслируемых в кинематографе.

Перечень современных кинофильмов, отражающих российскую действительность, с точки зрения экспертов

«Какие современные фильмы отражают российскую реальность?» — это один из вопросов, что вызвал самые разнообразные ответы (участники назвали более 30 разных фильмов, вышедших за последние двадцать лет) информантов. Тем не менее, он был необходим, чтобы понять, как видят эксперты отражение реальных россиян и общественных событий в кино. Ответы экспертов на данный вопрос имеют прямую корреляцию с ответами на общие вопросы о состоянии российского кинематографа. Большинство ответов — фильмы-драмы о жизни людей в провинции с актуальными общероссийскими проблемами (бедность, конфликт поколений, семейно-бытовые трудности и т.п.).

«Можно выделить «Левша» (2014), «Нелюбовь» (2017), «Холоп» (2019), ... вообще в целом это фильмы четкой социальной направленности...».

«Из полнометражных фильмов, я выделила «Как Витька Чеснок вёз Лёху штыря в дом инвалидов» (2017). В этом фильме отражается пригородно-деревенская часть России, 200 километров от столицы. Это не Москва, это именно Россия».

«Очень многие фильмы показывают общество, просто каждый из них отражает разные его стороны. Скажем, «Межсезонье» (2021) — там ярко описан конфликт между подростками и родителями, т.е. конфликт поколений 1970-х гг. и 1990-х гг. Это не просто конфликт отцов и детей, но и конфликт между консерваторами и либералами. В России политические взгляды хорошо коррелируют с возрастом <...> Также, например, в фильмах «Дурак» (2014) и «Аритмия» (2017) наша страна нашла своё отражение».

Среди ответов информантов практически не было названо ни комедий, ни исторических картин, ни для фильмов для детей. Нами задавался вопрос о причинах подобного выбора. Один из экспертов объяснил это особенностью самого кино, нехваткой проработанных сюжетов, высокой скоростью выпуска кинофильмов.

«В хороших фильмах нужна именно нештампованность сюжета. Есть проекты, как я их называю «созданные широкими масками». Так, например, истории про девушек, переехавших в Москву, встречающих на улице миллионера, и между ними сразу завязываются отношения. А дальше постоянно происходят какие-то действия: переехала, погуляла, встретила и т.п. Эти фильмы не показывают реальные события жизни... Для этого нужно сделать проработанный и интересный сценарий. У самого киноперсонажа должна быть неоднозначная история или неоднозначные поступки. Нужно избегать крайностей, это когда герой не утрированно злой или, наоборот, добрый... а когда герой может порассуждать как он таким стал... Вот такая продуманность именно и важна для хорошего социального кино, которое отражает нашу реальность».

ВЫВОДЫ. Экспертный опрос позволил выявить представления работников киноиндустрии и специалистов по вопросам реализации национальной политики об уровне современного отечественного кинематографа.

С точки зрения участников исследования, уровень современного отечественного кинематографа достаточно высокий (это подтверждает и число наград международных кинофестива-

лей, и продажа прав на ремейки в зарубежные страны), хотя при этом есть большой удельный вес развлекательных фильмов, что, по мнению экспертов, не имеют никакой исторической ценности, а значит и слабо влияет на возникновение и формирование социальной идентичности. При создании кинофильма необходимо качественно прорабатывать сюжетную основу будущего фильма, делать его близким и понятным зрителям, чтобы идентификационные механизмы шли гармонично и точно.

Эксперты уверены в том, что исторические фильмы, спортивные драмы и военные фильмы способны повлиять на формирование чувств национальной идентичности россиян. Типичный россиянин (в спортивных и военно-исторических драмах), представлен честным, добрым и законопослушным гражданином, он патриот своей страны. С оценкой образа России в кино возникли определенные затруднения. Так двое киноэкспертов охарактеризовали страну как суровую, мрачную; один эксперт оценил образ страны в кино как «искусственный», по причинам того, что в фильмах Россия — очень музейная и далекая от реальности. Несколько экспертов полагают, что наша страна даже в этих фильмах не отражается полностью: подавляющее число фильмов снимаются в Москве и про Москву. Также все участники опроса заявили, что жить в такой стране, какой она отражена в кино, они бы не хотели.

Кроме того, эти кинофильмы, по мнению экспертов, помогают сплотить общество, поэтому необходимо их широкое распространение, но при этом необходимо больше репрезентировать культуру регионов страны и их жителей. Кроме того, прослеживается дефицит фильмов социальной направленности. С их точки зрения, главная ценность таких кинофильмов — отражение реальной общественной жизни. По этой причине нам кажется важным делать акцент на создание и реализацию кинофильмов подобной направленности, чтобы достичь определенных успехов при формировании национальной идентичности граждан страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? Пер. с англ. А. Григорьев, В. Седельник. М.: Прогресс-традиция, 2001. 304 с.
4. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.
5. Жабский М.И. Кинематограф — зеркало или молот? / Общ. ред. М.И. Жабского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 536 с.
6. Жабский М.И. Социология кино. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 512 с.
7. Кочарян В. Якутское кино. Путь самоопределения. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2024. 208 с.
8. Кракауэр Э. Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера / Под ред. Н.П. Абрамова. М.: Искусство, 1977. 320 с.
9. Павлюченко Д.С. Современные российские кинофильмы о спорте как ресурс формирования национальной идентичности школьников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2 (74). С. 167–172.
10. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75.
11. Приказ Минкультуры России от 15.02.2024 № 277 «Приоритетные темы государственной финансовой поддержки кинопроизводства в 2024 году» // КонсультантПлюс.
12. Рябова Т.Б., Панкратова Е.В. «Cold warriors» глазами современных россиян: рецепция кинообразов маскулинности американских военных периода холодной войны // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 29–40.

13. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Политические исследования. 2010. № 3. с. 40–59.
14. Указ Президента РФ от 15.04.1995 № 785 «О протекционистской политике Российской Федерации в области отечественной кинематографии и мероприятиях в связи со 100-летием мирового и российского кинематографа // КонсультантПлюс.
15. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
16. Smith A. *National Identity*. London: Penguin Books, 1991. 277 p.

REFERENCES

1. «*Vrag nomer odin*» v simvolicheskoy politike kinematografij SSSR i SShA perioda holodnoj vojny [«Enemy number one» in the symbolic politics of the cinematographies of the USSR and the USA during the Cold War period] / pod red. O.V. Ryabova. M.: Aspekt Press, 2023. 400 s. (In Russian).
2. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. M.: «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2001. 288 s. (In Russian).
3. Beck U. *Chto takoe globalizaciya?* [Was ist globalisierung?] Per. s angl. A. Grigor'ev, V. Sedel'nik. M.: Progress-tradiciya, 2001. 304 s. (In Russian).
4. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. *Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost' i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii* [Civil and ethnic identity and the image of the desired state in Russia] // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2015. № 5. S.9–24. (In Russian).
5. Zhabskij M. I. *Kinematograf — zerkalo ili molot?* [Cinematography — a mirror or a hammer?] / Obshch. red. M. I. Zhabskogo. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2010. 536 s. (In Russian).
6. Zhabskij M. I. *Sociologiya kino* [The Sociology of cinema]. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2020. 512 s. (In Russian).
7. Kocharyan V. *Yakutskoe kino. Put' samoopredeleniya* [Yakut cinema. The path of self-determination]. M.: Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 2024. 208 s. (In Russian).
8. Kracauer S. *From Caligari to Hitler. A psychological history of the German film* / Pod red. N. P. Abramova. M.: Iskusstvo, 1977. 320 s. (In Russian).
9. Pavlyuchenko D. S. *Sovremennye rossijskie kinofil'my o sporte kak resurs formirovaniya nacional'noj identichnosti shkol'nikov* [Modern Russian films about sports as a resource for the formation of the national identity of pupils] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2024. № 2 (74). S. 167–172. (In Russian).
10. Podeluev S. P. *Simvolicheskaya politika: konstellyaciya ponyatij dlya podhoda k probleme* [Symbolic politics: a constellation of concepts for an approach to the problem] // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1999. № 5. S.62–75. (In Russian).
11. Prikaz Minkul'tury Rossii ot 15.02.2024 № 277 "Prioritetnye temy gosudarstvennoj finansovoj podderzhki kinoproizvodstva v 2024 godu" [Order of the Ministry of Culture of Russia dated 02/15/2024 No. 277 "Priority topics of state financial support for film production in 2024"] // Konsul'tantPlyus. (In Russian).
12. Ryabova T. B., Pankratova E. V. «Cold warriors» glazami sovremennyh rossiyan: recepciya kinoobrazov maskulinnosti amerikanskih voennyh perioda holodnoj vojny ["Cold warriors" through the eyes of modern Russians: the reception of the film images of masculinity of the American military during the Cold War] // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. 2019. № 4. S. 29–40. (In Russian).
13. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Pantin V. I. *Identichnost' v sisteme koordinat mirovogo razvitiya* [Identity in the coordinate system of world development] // Politicheskie issledovaniya. 2010. № 3. s.40–59. (In Russian).
14. Ukaz Prezidenta RF ot 15.04.1995 № 785 «O protekcionistskoj politike Rossijskoj Federacii v oblasti otechestvennoj kinematografii i meropriyatiyah v svyazi so 100-letiem mirovogo i rossijskogo kinematografa [Decree of the President of the Russian Federation dated 04/15/1995 No. 785 "On the protectionist Policy of the Russian Federation in the field of national cinematography and events in connection with the 100th anniversary of world and Russian cinematography] // Konsul'tantPlyus. (In Russian).
15. Hobsbaum E. *Izobretenie tradicij* [The invention of tradition] // Vestnik Evrazii. 2000. № 1. S. 47–62..
16. Smith A. *National Identity*. London: Penguin Books, 1991. 277 p. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.016

УДК 314.15(470+571):314.372.2

ББК 60.74(2Рос)-4

Э.И. ВАНАЕВА,
Н.Б. КОСТИНА**ВЫНУЖДЕННАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ
КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ:
ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**E.I. VANAIEVA,
N.B. KOSTINA**FORCED CHILDLESSNESS AS THE OBJECT
OF STATE PRO-NATAL POLITICS:
EXPERIENCE OF EMPIRICAL ANALYSIS**

В условиях демографического кризиса улучшение ситуации с рождаемостью требует комплексного подхода, направленного на стимуляцию родительства. Для эффективного воздействия пронаталистских мер необходимо точечное воздействие на целевые группы, поэтому целью нашего исследования является классификация установок на (без)детный образ жизни. В рамках данной цели авторами проведено качественное полуструктурированное интервью с 36 бездетными респондентами в возрасте от 20 до 49 лет. Данные опроса позволили классифицировать основные установки на деторождение и причины данных установок. Классификация, предложенная в статье, поможет разработать эффективные программы, ориентированные на изменение репродуктивного поведения, учитывающих потребности индивидов и семейных пар. Это, в свою очередь, поможет создать более эффективные инструменты для повышения рождаемости и воспитания детей.

Важным аспектом оценки эффективности государственных мер по повышению рождаемости является учет не только статистических данных о количестве новорожденных, но и проблем вынужденной бездетности. Именно эта категория заслуживает особого внимания со стороны общества и государства, так как многие индивиды и пары сталкиваются с трудностями, не зависящими от их желания. В данной статье сделан акцент на вынужденно бездетной категории как объекте государственной пронаталистской политики.

In the context of the demographic crisis, improving the birth rate situation requires an integrated approach aimed at stimulating parenthood. For the effective impact of pronatalist measures, a targeted impact on target groups is necessary, therefore, the purpose of our study is to classify attitudes towards a (childless) lifestyle. As part of this goal, the authors conducted a qualitative semi-structured interview with 36 childless respondents aged 20 to 49 years. The survey data made it possible to classify the main attitudes towards childbirth and the causes of these attitudes. The classification proposed in the article will help to develop effective programs aimed at changing reproductive behavior, taking into account the needs of individuals and married couples. This, in turn, will help create more effective tools to increase fertility and raise children.

An important aspect of assessing the effectiveness of government measures to increase the birth rate is to take into account not only statistical data on the number of newborns, but also the problems of forced childlessness. It is this category that counts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пронаталистская политика, бесплодие, вынужденная бездетность, демографический кризис.

KEY WORDS: pronatalist politics, infertility, forced childlessness, demographic crisis.

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время в России большое внимание уделяется разработке и реализации пронаталистской политики как важному виду демографической политики.

Под пронаталистской политикой понимается «часть государственной социальной политики, которая представляет собой систему мероприятий, реализуемых государством через его органы в отношении института семьи, направленную на решение демографических проблем страны посредством увеличения рождаемости» [1]. Как отмечает Саитова Д.Г., «для женщин в разном репродуктивном возрасте — 20–35 лет и 36–49 лет — объективно не может быть единого регулирующего воздействия. Нужно больше диверсификации, чтобы адресаты воздействия видели, что государство понимает ситуацию конкретных групп семей и домохозяйств» [17, с. 129]. Багирова А.П. акцентирует внимание на том, что успешная реализация пронаталистской политики требует учета множества демографических факторов и их разнообразия в каждом конкретном регионе. Она подчеркивает, что эффективное регулирование должно основываться на глубоких знаниях о специфике региона, его культурных, социальных и экономических особенностях [2, с. 22]. Это позволит адаптировать меры государственной демографической политики к разным типам семей и общностей, что в конечном итоге приведет к достижению поставленных целей по повышению рождаемости и улучшению демографической ситуации в стране.

Эффективность государственных инициатив часто оценивается через призму их воздействия на уровень рождаемости, его динамику, но не следует упускать из поля зрения вызовы, связанные с вынужденной бездетностью.

В последние десятилетия тема бездетности, особенно осознанной, стала предметом активного обсуждения и исследования, что связано с ее возрастающей распространенностью и изменением социальных норм. Так, исследование, проведенное в 2021 г. в рамках аналитического проекта «Если быть точным», представило данные об окончательной бездетности в России. Под окончательной бездетностью понимается естественный этап фертильного состояния, который связан с менопаузой у женщин. Исупова О.Г. дает следующее определение окончательной бездетности: «...это отсутствие детей у женщины по достижении возраста 45–49 лет, т.к. к этому возрасту вероятность зачатия снижается до пренебрежимо малой» [8]. Уровень окончательной бездетности среди женщин в возрасте 45–49 лет составляет 9,83%, а в категории 35–39 лет этот показатель составляет 14% [9]. В отличие от женщин, окончательная бездетность мужчин иногда определяется как 54 года, хотя фертильность у них сохраняется дольше [8]. Однако, как правило, некоторые мужчины выбирают партнерш моложе себя, что также влияет на повышение вероятности продолжения рода. Однако нужно учитывать, что эти возрастные рамки не являются абсолютными, т.к. каждая пара, каждый индивид имеют свои уникальные особенности.

Проблема вынужденной бездетности становится все более актуальной не только для молодежи, но и для женщин более старших возрастов. Более того, в последние 20 лет наблюдается устойчивая тенденция роста доли первых рождений у женщин старше 35 лет (5–6%) [9]. Это может быть связано с изменением приоритетов в жизни и желанием молодых женщин сначала достичь определенных карьерных высот или личных целей, прежде чем стать матерями.

В последние десятилетия бездетность, особенно добровольная, становится все более обсуждаемым феноменом в современном обществе. В обществе данный феномен называют феноменом «чайлдфри». В 2024 году был принят закон, запрещающий пропаганду «чайлдфри». Данный закон запрещает распространение в сети Интернет, средствах массовой информации, кинофильмах и рекламе информации, пропагандирующей отказ от деторождения. В контексте традиционных ценностей, обозначенных в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 [19], пропаганда такого образа жизни воспринимается как угроза. Таким образом, исследование причин и видов бездетности с использованием новых подходов к их классификации, как это сделано в данной статье, приобретает особую значимость для анализа демографической ситуации в стране и сохранения семейных ценностей. При этом необходимо иметь в виду, что нет прямой связи между пропагандой бездетности и бездетным образом жизни, т.к. он чаще всего, как показывают наши исследования, явля-

ется вынужденным (прежде всего — по медицинским показаниям), хотя имеет распространение и осознанный выбор бездетного образа жизни.

ЦЕЛЬ настоящего исследования заключается в классификации установок на выбор (без)детного образа жизни. Бездетность может быть обусловлена множеством факторов и ее систематизация способствует выявлению этих причин, что, в свою очередь, позволит разработать эффективные стратегии воздействия на выбор индивидами и семейными парами оптимального демографического поведения.

Дюпра-Куштанина В.А. и Лутошкина С.Ю. выделяют следующие модели жизненного пути бездетных: холостяцкая бездетность, модель «пожертвованного ребенка», бездетность под давлением партнера и, наконец, гедонистическая бездетность [6, с. 183].

В 2008 г. Хизер Джоши и Дилан Нил предложили выделять две подгруппы добровольно бездетных людей: «постоянные откладыватели» — сначала не отказываются от идеи продолжить род, но их временное «потом» постепенно переходит в «никогда»; и «волнообразные отказники» — к ним относятся те, кто в одно время не против завести ребенка, а в другое — совсем отказывается от этой идеи.

1. Постоянные откладыватели — это те люди, которые постоянно откладывают рождение детей. Для них это не в приоритете, т.к. на первый план выходят карьера, переезд, достижение личных целей и др.

2. Волнообразные отказники — это люди, которые особенно подвержены влиянию общества и медиа, поэтому часто меняют свое мнение по поводу деторождения [12, с. 19].

Обратим внимание на еще одну типологию бездетности, предложенную Ломакиным И.В., который выделяет добровольную, вынужденную, намеренную бездетность. «Добровольно бездетными» квалифицировались информанты, для которых статус «чайлдфри» был либо обременительным, либо синонимичным простому нежеланию иметь собственных детей. Какая-либо политическая активность по поводу их репродуктивного выбора отвергалась или представлялась невозможной. «Намеренно бездетными» (intended childless) обозначались те информанты, которые идеальным числом детей, родившихся у них за всю жизнь, называли число, отличное от нуля [10, с. 410]. При этом автор пишет, что «намеренная бездетность, часто вынужденная и связанная с обстоятельствами (за исключением бесплодия), может быть преходящим явлением. «Я не знаю, можно ли в нашей стране быть бездетным добровольно, — говорит 25-летняя информантка. — Это <...> такая очень сложная формулировка. С давлением общества и прочими подобными пирогами. Просто я для себя самой определяю это так, что мне в данный момент детей заводить не стоит» [10 с. 410]. Мы считаем, что Ломакин И.В. под намеренной бездетностью подразумевает временную.

Несмотря на имеющиеся классификации видов бездетности, наша авторская классификация, которая представлена ниже, позволит глубже понять различные аспекты рассматриваемого феномена и возможности регулятивного влияния на него со стороны субъектов, реализующих пронаталистскую политику. Бездетность может быть обусловлена множеством факторов, и ее типологизация способствует выявлению этих причин, что, в свою очередь, позволит разработать эффективные стратегии воздействия на выбор индивидами и семейными парами оптимального демографического поведения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Методом *качественного полуструктуризованного интервью* были опрошены N=36 бездетных людей в возрасте от 20 до 49 лет. Информантами выступили 15 мужчин и 15 женщин, не состоящих в браке, и 6 добровольно бездетных семейных пар. Отбор респондентов производился методом выбора целевых групп (т.е. в качестве респондентов были выбраны лица фертильного возраста, проживающие на территории РФ, не имеющие детей). Поиск интервьюируемых осуществлялся как через социальные сети (группы в ВКонтакте: чайлдфри, подслушано чайлдфри, чайлдфри по-русски; интернет-форум «Планета чайлдфри»), так и через личные контакты авторов. При проведении интервью использовались такие технологии как аудиособеседование, видеозвонок.

Гайд интервью состоял из различных тематических блоков: социально-демографическая характеристика, причины и мотивы выбора бездетного образа жизни и т.д.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Мы предлагаем намерения на (без) детский образ жизни классифицировать на четыре категории, что позволит глубже понять планы людей в отношении рождения и воспитания детей.

1. Желают и могут иметь детей (не имеют явных медицинских отклонений, планируют рождение детей и готовы к этому)

2. Желают, но не могут иметь детей

2.1 Бездетность по медицинским показателям

1.1.1 Бесплодие. Не исключают альтернативных вариантов родительства: усыновление/удочерение, ЭКО, суррогатное материнство

1.1.2 Временная бездетность по медицинским показателям

2.2. Социальная (вынужденная) бездетность

2.2.1 Холостяцкая бездетность (связана, в первую очередь, с отсутствием партнера, подходящего на роль второго родителя)

2.2.2. Отсутствие материальных условий (воспринимают бездетность как вынужденную меру: прежде нужно «встать на ноги», «купить квартиру», «обеспечить финансовую подушку» и т.д.)

3. Не желают, но могут иметь детей

3.1. Гедонистическая бездетность (путешествия, свобода и т.д.)

3.2. Бездетность ради карьеры

3.3. Психологические аспекты бездетности (опыт родителей, старший ребенок в семье и т.д.)

4. Не желают и не могут иметь детей

4.1 Вазектомия/стерилизация

4.2 Бесплодие без альтернативных вариантов родительства

Далее подробнее рассмотрим выше представленные категории.

1. Первая категория включает тех, кто **желает и имеет возможность (материальную, финансовую, социальную и т.д.) стать родителями**. Данная категория объединяет людей, которые испытывают стойкое желание стать родителями. Для них традиционные семейные ценности являются приоритетными. Однако понятие «возможность» является неопределенным/неокончательным. Если такие факторы как материальная, финансовая, социальная возможности являются явными, то факторы медицинского характера могут иметь скрытый характер, и выявляются только в процессе зачатия и беременности.

Таким образом, в данную категорию входят те, для кого дети являются одной из ключевых ценностей в их жизни, и единственным ограничивающим фактором являются проблемы со здоровьем. Несмотря на развитие репродуктивных технологий и успехи медицины, беременность и роды по-прежнему оказывают нагрузку на материнский организм, особенно это ощущается, если это поздние беременность и роды [7, с. 46]. Риском для данной категории является то, что после рождения первого ребенка добровольно и осознанно выбирают отказ от последующих детей, т.е. осуществляется эволюция от традиционного демографического поведения к последующей бездетности. Семьи с одним ребенком являются одной из основных угроз реализации демографической политики и простого воспроизводства населения РФ, но мы на этом не будем акцентировать внимание, т.к. это задача следующего авторского исследования.

2. Вторая категория — это те, кто **желают, но не могут иметь детей**.

Она включает людей, которые хотели бы стать родителями, но сталкиваются с медицинскими или иными препятствиями. Это может быть связано с проблемой фертильности, хроническими заболеваниями, финансовыми, социальными или другими факторами, которые не позволяют им стать родителями. В этом случае бездетность можно подразделить на следующие категории: бездетность по медицинским показателям и социальная бездетность.

2.1. Бездетность по медицинским показателям

Бездетность по медицинским показателям может быть разной, одной из наиболее распространенных ее форм является бесплодие.

2.1.1. Бесплодие заключается в неспособности зрелого организма к воспроизведению потомства. Если беременность при условии нормальной половой жизни и без использования в ней каких-либо средств контрацепции не наступает в срок ближайших двух лет, то ставится диагноз «бесплодие». В другом источнике бесплодие определяется как заболевание, характеризующееся невозможностью достичь клинической беременности после 12 месяцев регулярной половой жизни без контрацепции вследствие нарушения способности субъекта к репродукции, либо индивидуальной, либо совместно с его/ее партнером [14, с. 17].

Бесплодие может стать причиной высокого уровня стресса, стигматизации и финансовых трудностей и оказывать негативное влияние на психическое и психосоциальное благополучие [11, с. 12]. Об этом свидетельствует ответ нашего респондента: *«Каждый раз, когда мои подруги, коллеги сообщают, что они ждут ребенка, я чувствую, как меня накрывает волной зависти и горечи. В такие моменты я понимаю, насколько это болезненно для меня. Мне еще в 24 года диагностировали бесплодие»* (Ж. 36 лет)

По данным доклада, опубликованного Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), бесплодием страдает около 17,5% взрослого населения, то есть примерно каждый шестой человек в мире [4]. Эта статистика подчеркивает необходимость увеличения доступа к качественным и доступным методам лечения бесплодия, что важно для многих людей.

Согласно данным Центра охраны здоровья, семьи и репродукции, число диагнозов «бесплодие» среди мужчин значительно превышает число таких диагнозов, поставленных женщинам [15, с. 27]. Комплексный подход к обследованию и лечению, учитывающий фактор обоих партнеров, способствует более эффективному решению проблемы вынужденной бездетности. Вспомогательная репродуктивная технология (далее ВРТ) в современном социуме приобрела устойчивый статус набора новых медицинских технологий как способа помощи бесплодным парам в их желании стать родителями. Расширение доступа к данным технологиям для россиян должно стать важным направлением государственной пронаталистской политики.

ВРТ становятся все более распространенной практикой во многих странах мира, но их применение до сих пор вызывает множество медицинских, социальных, этических, политических дискуссий. Исследователи. Нартова Н.А и Бредникова О.Е. анализируют дискриминацию женщин в области репродуктивных прав при использовании вспомогательных репродуктивных технологий [3, с. 156].

Среди наших респондентов тоже были те, кто проходит процедуру ВРТ: *«Мы с супругом мечтаем стать родителями. Сейчас делаем ЭКО и очень надеемся, что с 3 раза у нас точно получится»* (Ж. 34 года) Но это значительная нагрузка на женский организм и психологическая — на обоих партнеров.

Но также и были ответы респондентов, которые делились своими размышлениями о возможностях усыновления в будущем: *«У меня всегда была мечта стать мамой, но этому не суждено сбыться. Первый мой брак распался из-за того, что муж хотел полноценную семью и именно биологических детей. Я понимала, что не могу удовлетворить его ожидания. Это и стало камнем преткновения для нашей семьи. Сейчас у него все хорошо (надеюсь), у него двое детей, а я замужем во второй раз и у нас есть собака породы шпиц, которая стала членом нашей семьи. Я не исключаю, что когда-нибудь мы решимся взять малыша из дома малютки, но не сейчас. Я хочу быть к этому готовой как физически, так и эмоционально. Муж понимает и принимает меня»* (Ж. 42 года).

Таким образом, одним из способов улучшения демографической ситуации в России становятся инвестиции во ВРТ. В нацпроект «Демография», рассчитанный на 2019–2024 годы, включено 450 тыс. бесплатных циклов экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) для страдающих бесплодием пар.

По данным медицинского вестника, эффективность процедуры ЭКО в 2024 году в среднем по стране составляет 32% [16]. Это означает, что из всех пар, прошедших эту процедуру, успешное зачатие происходит лишь в каждом третьем случае.

Как и любая медицинская манипуляция, ЭКО требует внимательного подхода и может иметь свои особенности, так как результат зависит от множества факторов, включая возраст пациентки, наличие сопутствующих заболеваний и другие индивидуальные характеристики. При этом не стоит забывать, что ВРТ на сегодня сопряжено со значительными рисками для здоровья и значительными финансовыми затратами. Многие люди не могут позволить себе ни того, ни другого. Вот этим и обусловлено повышение значимости реализации данного направления государственной политики

2.1.2. Другой вид бездетности по медицинским показаниям — это временная бездетность, которая может возникать на фоне лечения определенных заболеваний (например, онкологии). Процесс полной ремиссии после тяжелых заболеваний часто длителен и требует времени (до полного восстановления может потребоваться до 5 лет). В процессе лечения организм пациента может испытывать серьезные изменения, например, истощение фолликул яичника и т.д., которые влияют на репродуктивные функции.

В настоящее время существуют методы ВРТ, нацеленных на сохранение фертильности у женщин с онкологическими заболеваниями. Среди них выделяют криоконсервацию эмбрионов и ооцитов, овариальную ткань, созревание яйцеклеток, забор ооцитов из экстрагированной овариальной ткани с последующим их созреванием в пробирке [13, с. 133].

Одна из наших респонденток поделилась своей жизненной историей: *«Мои планы сбил острый лейкоз. Мне сейчас 37 лет, лечусь я уже 3 года и я не успела заморозить яйцеклетки, данный вид рака развивается очень быстро и у меня не было времени на эту процедуру»*, (Ж. 37 лет).

Тем не менее, важно помнить, что временная бездетность не является окончательным приговором. Многие пациенты, завершившие лечение и прошедшие реабилитацию, вновь получают возможность иметь детей. В этом контексте необходима грамотная поддержка медицинских специалистов, которые смогут предложить индивидуальные решения и понять особенности здоровья каждого пациента.

Исследование выявило, что женщины без детей периодически испытывают давление со стороны общества (родные, друзья, коллеги, знакомые), которые задают «неудобные» вопросы о планах на материнство или отцовство. Эти вопросы могут быть не только настойчивыми, но и крайне неуместными.

Некоторые респонденты делились своими переживаниями по поводу реакции окружающих на отсутствие детей. Например, они упоминают, что им часто задают вопрос: *«Когда у вас будут дети?»* или даже в более провокационной форме: *«Неужели у тебя нет материнского инстинкта?»* Респонденты отметили, что окружающие зачастую не задумываются о том, что у некоторых людей могут быть серьезные противопоказания к беременности и родам, которые мешают им иметь собственных детей. *«Такие вопросы звучат поучительно и лично у меня вызывают дискомфорт. Люди не задумывается, что у некоторых людей есть медицинские проблемы, мешающие им завести детей»*, отметила одна из опрошенных (Ж. 31 год). *«Я прохожу серьезную процедуру лечения от онкологии. Подобные вопросы со стороны других людей для меня не только неуместны, но и болезненны. Каждый раз, когда мне задают эти вопросы, я испытываю сильный стресс и беспокойство»*, — делится своей историей другая (Ж. 34 года). Ряд респондентов в интервью также поделились, что вопросы о планах на материнство или отцовство оказывают влияние на их психологическое состояние.

Адамян Л.В., Филиппова Г.Г., Калинская М.В. указывают, что бесплодие большинством женщин переживается как критическая жизненная ситуация, главный стресс всей жизни [1]. Социальное окружение должно понимать, что планирование детей является одной из самых деликатных и чувствительных областей, с которыми сталкиваются люди. Исследование пока-

зало, что данный вопрос может вызвать множество эмоциональных реакций и разногласий, подобно тем, что возникают вокруг религии, финансов и других важных аспектов жизни.

Четверо респондентов поделились, что им задавали вопросы следующего характера: *«Если ты не можешь иметь детей, тогда почему не возьмете ребенка из детского дома?»*, (Ж., 41 лет). В случае, когда традиционные пути к родительству становятся недоступными, некоторые пары рассматривают альтернативные варианты, такие как усыновление, суррогатное материнство, ЭКО, об этом мы упомянули выше.

Итак, временная бездетность может быть следствием различных лечебных процедур и заболеваний, влияющих на репродуктивное здоровье. Восстановление фертильности может быть восстановлено после завершения лечения. Однако каждому пациенту важно проконсультироваться с врачом, чтобы оценить риски и возможности восстановления репродуктивного здоровья. Учитывая, что проблема временной бездетности по медицинским показателям затрагивает множество аспектов, включая физиологические, психологические, социальные, ее изучение остается актуальным и востребованным для современного социума.

Социальная бездетность. Этот термин используется для обозначения не естественных (биологических, физиологических), а социо-культурных и экономических мотивов, влияющих на репродуктивное поведение, в первую очередь — женщин. Результаты предыдущих авторских эмпирических исследований позволили выявить некоторые мотивы отказа от рождения детей: психологические травмы (детские потрясения, детские обиды и т.д.), гедонистические установки (карьерный и личностный рост, физиологическое неприятие боли, связанное с родами, желание сохранить уровень материального благополучия, нежелание направлять собственные временные ресурсы на ребенка), философские и экзистенциальные взгляды на мироздание (не обречать ребенка на страдания, не находят смысла в появлении новых людей) [5, с. 13].

Далее рассмотрим эту категорию.

2.2.1. Холостяцкая бездетность представляет собой один из видов бездетности, появление которого в значительной степени обусловлено высоким уровнем требований, предъявляемых к потенциальному партнеру. Это значительно затрудняет вступление в серьезные отношения и, следовательно, создание семьи с ребенком. Этот вид можно отнести к вынужденной бездетности. Вместо того чтобы принимать компромиссные решения, такие как создание семьи с человеком, который не отвечает всем критериям, некоторые люди детородного возраста предпочитают оставаться в одиночестве без серьезных отношений, об этом свидетельствуют ответы наших респондентов:

— *«Я уже давно один. Мои отношения закончились в 2013 году и с тех пор я один. Хочу полноценную семью и очень надеюсь, что встречу ту самую девушку, с которой я построю большую семью»* (М. 35 лет); *«Боюсь, что я не встречу того, кто мне подходит и сможет меня вытерпеть»* (Ж. 40 лет); *«Я долго была в отношениях, но мы расстались. После него я не могу найти подходящего мне мужчину»* (Ж. 39 лет); *«Конечно, я хочу детей, хочу полноценную семью. Но я не пользуюсь популярностью у женщин, которые мне нравятся»* (М. 27 лет).

В конечном итоге, отсутствие партнера, подходящего на роль второго родителя, для некоторых людей становится важным фактором, который влияет на решение о создании семьи и деторождения.

2.2.2. Отсутствие материальных условий (воспринимают бездетность как вынужденную меру: сначала «встать на ноги», «купить квартиру», «обеспечить финансовую подушку» и т.д.)

Молодые люди принимают решение отложить деторождение, объясняя это тем, что являются недостаточно материально автономными. Эту категорию можно назвать пограничной между категориями «Не желают, но могут иметь детей» и «Желают, но не могут иметь детей».

Некоторые респонденты утверждали, что отсутствие детей предоставляет больше возможностей для профессионального роста: *«Я хочу полностью сосредоточиться на работе, чтобы достичь высоких результатов. У меня много планов, и дети, честно говоря, пока могут этому помешать. Чуть позже про них подумаем, но они обязательно будут»* (М. 32 года). Но тут есть риск, что позже могут «вступить в силу» биологические факторы и могут возникнуть сложности с репродуктивными функциями.

Ряд респондентов признались в том, что испытывают внутренний конфликт между стремлением к карьере и природным желанием стать родителем: *«Мне очень хочется детей, но карьера на данный момент мне дает такую свободу и материальную независимость. Я планирую купить, расширить квартиру»* (Ж. 30 лет); *«Конечно, дети — это прекрасно, но сейчас тот возраст, в котором надо работать. Пока приходится выбрать другое направление, чтобы в будущем был достаток»*, (Ж. 28 лет); *«Я хочу детей, но сначала необходимо «встать на ноги», пока рано думать про них»*, (М. 25 лет).

Таким образом, для молодежи это решение не воспринимается как сознательный выбор, а скорее как вынужденная мера. Они не просто говорят «пока не готов», а глубоко убеждены, что для них важно создать прочную материальную основу, прежде чем принимать решение о рождении ребенка. Отсутствие квартиры или стабильного дохода воспринимается как непосредственная угроза успешному родительству, и поэтому вопрос о деторождении откладывается на неопределенный срок. Но и здесь есть некий риск, заключающийся в том, что со временем многие пары могут начать задумываться о том, что могут и вовсе обойтись без детей. Об этом свидетельствует анализ экспертов ВШЭ *«...провели анализ влияния доходов семей на решение о рождении ребенка и пришли к выводу, что с ростом благосостояния вероятность наличия детей в семье снижается»* [18, с. 42]. Или же пара принимает решение ограничиться одним ребенком.

3. Третья категория включает людей, которые **могут иметь детей, но не хотят** этого.

Для этой категории бездетность является сознательным и добровольным выбором. В проведенных ранее исследованиях предложена авторская трактовка рассматриваемого феномена как ценностно-рационального выбора женщинами, мужчинами, семейными парами бездетного образа жизни, отказа от рождения и воспитания детей (как собственных, так и приемных) из-за желания сохранить привычный уровень и качество жизни, либо из-за отвращения к физиологическому процессу рождения детей и ухода за ними. Эти мотивы, имея под собой чувственно-эмоциональные основания, осознаются на рациональном уровне и приводят людей к добровольному отказу от рождения детей [5].

Современное молодое поколение все чаще рассматривает родительство не как обязательный этап жизни, а как осознанный выбор, требующий значительных ресурсов — эмоциональных, финансовых, временных. Молодые люди все чаще выдвигают на передний план ценности индивидуальности, профессионального развития и самореализации, нежели создание полноценной семьи с детьми. Изменения в восприятии семейных ценностей играют важную роль в этом процессе. Молодые люди все чаще бросают вызов традиционным паттернам, рассматривая альтернативные формы жизни. В этом контексте добровольная бездетность становится не просто личным выбором, а социальным феноменом, который отражает более широкие трансформации в обществе.

1.1. Гедонистический образ жизни

Добровольно бездетные стремятся к гедонистической жизни, уделяя время себе, путешествиям, свободному графику и т.д., что позволяет им ощутить активную жизнь без ограничений, связанных с беременностью и воспитанием детей.

— *«Моя мама считает, что я бездетник, потому что я не хочу исполнять ее мечту о внуках. Но я просто хочу жить своей жизнью как мне удобно»* (М. 36 лет). Это мнение иллюстрирует конфликт, с которыми сталкиваются добровольно бездетные: желание следовать своим интересам и потребностям зачастую вступает в противоречие с ожиданиями семьи и общества. *«Столько прекрасного в мире, что мне не до детей»* (Ж. 32 года).

3.2. Бездетность ради карьеры (посвящают свою жизнь только работе без детей)

Этот выбор часто становится следствием стремления к самореализации и профессиональному росту. Следует отметить, что данную типологию можно рассматривать на границе между двумя категориями «Не желают, но могут иметь детей» и «Желают, но не могут иметь детей». В данном контексте выбор людей основывается только на личных амбициях, у них есть условия для рождения и воспитания детей, но они выбирают в качестве главной жизненной цели только карьеру.

«На первом месте у меня всегда стояла и будет стоять карьера. Я люблю свою работу и стараюсь добиваться в ней успехов. У меня много планов на будущее. Детей я просто не могу себе позволить в условиях, когда каждая минута на вес золота», (Ж. 34 года).
«Я — модель и влюблена в свою работу, а беременность и роды изменят мою жизнь на 180 градусов» (Ж. 29 лет).

Для некоторых молодых людей бездетность становится осознанным ценностным выбором, подчеркивающим их жизненные приоритеты и стремление к достижению успеха в карьере.

3.3. Психологические аспекты бездетности (опыт родителей, старший ребенок в семье и т.д.) В этом случае выбор бездетности основан на анализе опыта своих родителей: негативные примеры воспитания и недостаток эмоциональной близости часто формируют стойкое нежелание взять на себя родительские обязанности. Главным становится осознание того, что роль родителя не соответствует их внутренним желаниям и жизненным ценностям.

— *«Я с детства знала, что не хочу иметь детей. Я наблюдала за своими родителями и близкими, которые мучились с недостатком времени и денег, и понимала, что это не для меня. Я хочу сосредоточиться на своей жизни, а не на жизни потомков», (Ж. 29 лет);*
«Уверен, что буду таким же родителем, как мой отец, а этого я не хочу», (М. 36 лет);
«Мне некомфортно в роли родителя» (М. 42 года).

Интервьюируемые также поделились, что в своих стремлениях остаться бездетными они используют методы прерывания беременности: *«Я абсолютно не хочу детей, это мой осознанный выбор. Я не стесняюсь говорить, что делала и буду делать аборт», (Ж. 43 года);*
«Я абсолютно не хочу детей. Мы с мужем используем контрацепцию, но, если что-то пойдет не так, я готова сделать аборт», (Ж. 29 лет). Также есть и те, кто самостоятельно принимает решение о бездетности, сознательно отказываясь от родительства: *«Я сделал вазэктомию и не парюсь о детях», (М. 34 года).*

На определенном этапе жизни решение о бездетности может казаться оптимальным вариантом для достижения различных целей (карьерных, личных и т.д.). Тем не менее, стоит учитывать возможные последствия в случае изменения их планов (например, риски, связанные с поздней беременностью и родами).

Наконец, четвертая категория объединяет тех, **кто не хочет и не может иметь детей**. В нее входят люди, которые не могут иметь детей по медицинским показателям, но к тому же они не рассматривают альтернативные варианты (ВРТ, усыновление/удочерение, суррогатное материнство). Эти люди осознают свои ограничения и принимают решение не рисковать своим здоровьем ради рождения детей: *«У меня есть некоторые проблемы со здоровьем. Не хочу рисковать своей жизнью ради детей. Врачи говорят, что нежелательны такие серьезные нагрузки, как беременность и роды, а я и не против. Я лучше буду уделять внимание своему ментальному и физическому здоровью, поберегу себя от стрессов» (Ж. 33 года).*

Другая респондентка поделилась, что с подросткового возраста решила не иметь детей и сделала стерилизацию: *«С подросткового возраста решила для себя, что не хочу иметь детей. Меня раздражает детская истерика. Я несколько лет назад сделала стерилизацию, страну не буду озвучивать» (Ж. 36 лет).*

Таким образом, анализ позиций представителей каждой из выделенных категорий помогает систематизировать и понять многообразие мотиваций, которые влияют на формирова-

ние жизненного сценария о (без)детном образе жизни. Данное решение является глубоко личным и многогранным, отражающим как внутренние, так и внешние факторы. Это, в свою очередь, важно для анализа демографической ситуации в стране. Понимание мотиваций людей помогает сохранить семейные ценности, находить варианты решения демографических проблем, поддерживать устойчивое развитие общества.

ВЫВОДЫ. Эффективная пронаталистская политика должна не только концентрировать внимание на материальных формах поддержки, но и уделять значительное внимание родительскому труду, который является особым видом деятельности. Не все взрослые готовы к такому труду, и это требует соответствующей подготовки и понимания.

В современных условиях мы наблюдаем такую проблему, как вынужденная последующая бездетность, когда родители имеют одного ребенка и отказываются от возможности иметь второго. В рамках реализации демографической политики и простого воспроизводства населения РФ такие семьи являются одной из основных угроз. Также в процессе исследования мы выявили, что временно бездетные по медицинским показателям испытывают ряд трудностей. Это касается не только физиологических аспектов, но и психологических. Пациенты могут испытывать стресс, тревогу и другие эмоции, связанные с временной потерей фертильности, что делает очень важным организацию для них психологической поддержки.

Поэтому необходимо акцентировать внимание на развитии и популяризации психологических служб на базе, например, Семейного МФЦ, которые могут помочь семьям справляться с трудностями, возникающими у них в семейной жизни. Важно, чтобы государство осуществляло системное и комплексное управленческое воздействие, предоставляя родителям необходимую информацию и поддержку в принятии решений, касающихся рождения детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев М. Современная пронаталистская политика в России в сопоставлении с политикой 1980-х годов // Демоскоп Weekly. 2012. № 499-500. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/student01.php#> (дата обращения: 22.01.2025).
2. Багирова А.П. Ресурсы российской пронаталистской политики: классификация и методические принципы исследования // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2021. № 2. С. 22.
3. Бредникова О.Е., Нартова Н.А. Нарушая молчание: дискриминация женщин в пространстве Новых репродуктивных технологий (НРТ) // Современная женщина, семья, демография. Актуальные исследования: [Сб. ст.] / Под ред. О.М. Здравомысловой, М.: Звенья, 2007. С. 156-180.
4. ВОЗ: бесплодием страдает каждый шестой человек в мире. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/04-04-2023-1-in-6-people-globally-affected-by-infertility> (дата обращения 23.01.2025).
5. Гараева Э.И. Добровольная бездетность в современной России: социологический анализ: Дис. ... канд. социолог. наук. Екатеринбург, 2022. С. 13.
6. Дюпра-Куштанина В. А., Лутошкина С.Ю. Женская бездетность и сценарии жизненного пути // Мир России. 2014. № 23 (2). С. 183-203. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4970> (дата обращения: 22.01.2025).
7. Елгина С.И., Овчарова П.А., Шибельгут Н.М., Батина Н.А., Рудаева Е.В., Мозес К.Б., Мозес В.Г. Течение беременности и родов у женщин позднего репродуктивного возраста // Мать и Дитя в Кузбассе. 2023. № 4 (95). С. 46-51.
8. Исупова О.Г. Бездетность. URL: <https://bigenc.ru/c/bezdetnost-984a7f> (дата обращения: 26.01.2025).
9. «Если быть точным». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7250591> (дата обращения: 19.01.2025).
10. Ломакин И.В. Чайдффри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 394-436.
11. Морозова А.Ю., Щедрин А.С., Митрофанова М.А., Баев М.Ю., Дронова М.О. Бесплодие. Лечение и профилактика бесплодия // Авиценна. 2019. № 51. С. 11-13.

12. Огольцова Е.Д. Идея чайлдфри в России // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2024. № 2. С. 19.
13. Петров И.А., Чуркин Е.О., Архипова Я.И. Современные вопросы онкофертильности и онкорепродукции // Опухоли женской репродуктивной системы. 2024. № 20 (1). С. 131–138.
14. Полякова О.Б., Бонкало Т.И., Степанова В.А. Репродуктивное здоровье: дайджест. М.: ГБУ «НИИ-ОЗММ ДЗМ», 2024. 58 с. URL: <https://niioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport—meditsinskikh-uslug/> (дата обращения: 26.01.2025).
15. Проватар Н.П., Каширская Е.И., Степина Н.А., Волинская Е.В., Рипп С.В., Таболина В.Н. Работа службы охраны здоровья семьи и репродукции в Астраханской области // Прикаспийский вестник медицины и фармации. 2023. № 4. С. 26–33.
16. Регионы впервые раскрыли низкие показатели эффективности ЭКО. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Regiony-vpervye-raskryli-nizkie-pokazateli-effektivnosti-EKO.html> (дата обращения: 12.01.2025).
17. Саитова Д.Г. Особенности применения институционального подхода к анализу пронаталистской политики // Народонаселение, 2022. Т. 25. № 4. С. 126–135.
18. Суринов А.Е., Кузин С.С. Благополучие и наличие детей в молодых семьях: оценка взаимосвязи // Экономическая политика. 2023. № 18 (6) С. 42.
19. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 18.01.2025).

REFERENCES

1. Akishev M. *Sovremennaya pronatalistskaya politika v Rossii v sopostavlenii s politikoj 1980-h godov* [Modern pronatalist politics in Russia compared with the politics of the 1980s] // Demoskop Weekly. 2012. № 499–500. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/student01.php#> (data obrashcheniya: 22.01.2025).
2. Bagirova A.P. *Resursy rossijskoj pronatalistskoj politiki: klassifikaciya i metodicheskie principy issledovaniya* [Resources of Russian pronatalist politics: classification and methodological principles of research] // Bulletin of the YURGTU (NPI). 2021. No. 2. P. 22. (In Russian).
3. Brednikova O.E., Nartova N.A. *Narushaya molchanie: diskriminaciya zhenshchin v prostranstve Novyh reproduktivnyh tekhnologij (NRT)* [Breaking the silence: discrimination against women in the space of New reproductive technologies (NRT)] // Modern woman, family, demography. Current research: [Collection of articles] / Edited by O.M. Zdravomyslova, Moscow: Links, 2007. pp. 156–180. (In Russian).
4. VOZ: *besplodiem stradaet kazhdyy shestoj chelovek v mire* [WHO: infertility affects every sixth person in the world] URL: <https://www.who.int/ru/news/item/04-04-2023-1-in-6-people-globally-affected-by-infertility> (data obrashcheniya: 23.01.2025).
5. Garayeva E.I. *Dobrovol'naya bezdetnost' v sovremennoj Rossii: sociologicheskij analiz* [Voluntary childlessness in modern Russia: sociological analysis] Dis. ... kand. Social sciences. Yekaterinburg, 2022. p. 13. (In Russian).
6. Dupra-Kushtanina V. A., Lutoshkina S.Y. *Zhenskaya bezdetnost' i scenarij zhiznennogo puti* [Female childlessness and life path scenarios] // The world of Russia. 2014. No. 23 (2). pp. 183–203. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4970> (data obrashcheniya: 22.01.2025). (In Russian).
7. Elgina S.I., Ovcharova P.A., Shibelgut N.M., Batina N.A., Rudaeva E.V., Moses K.B., Moses V.G. *Techenie beremennosti i rodov zhenshchin pozdnego reproduktivnogo vozrasta* [The course of pregnancy and childbirth in women of late reproductive age] // Mother and Child in Kuzbass. 2023. No. 4 (95). pp. 46–51. (In Russian).
8. Isupova O.G. *Bezdetnost'* [Childlessness] URL: <https://bigenc.ru/c/bezdetnost-984a7f> (data obrashcheniya: 26.01.2025). (In Russian).
9. «*Esli byt' tochnym*». [«To be precise»] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7250591> (data obrashcheniya: 19.01.2025).

10. Lomakin I.V. *Chajldfri ili dobrovol'no bezdetnye? K pereopredeleniyu konceptual'nogo polya issledovaniy ne-roditel'stva v Rossii* [Childfree or voluntarily childless? Towards redefining the conceptual field of research on non-parenthood in Russia] // *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. No. 6. pp. 394–436. (In Russian).
11. Morozova A.Yu., Shchedrina A.S., Mitrofanova M.A., Baev M.Yu., Dronova M.O. *Besplodie. Lechenie i profilaktika besplodiya* [Infertility. Infertility treatment and prevention]. // *Avicenna*. 2019. No. 51. pp. 11–13. (In Russian).
12. Ogoltsova E.D. *Ideya chajldfri v Rossii* [The idea of childfree in Russia] // *Scientific Papers of the Moscow University for the Humanities*. 2024. No. 2. pp. (In Russian).
13. Petrov I.A., Churkin E.O., Arkhipova Ya.I. *Sovremennye voprosy onkofertil'nosti i onkoreprodukcii* [Modern issues of oncofertility and onco-production] // *Tumors of the female reproductive system*. 2024. No. 20 (1). pp. 131–138. (In Russian).
14. Polyakova O.B., Bonkalo T.I., Stepanova V.A. *Reproduktivnoe zdorov'e: daïdzhest* [Reproductive health: digest]. Moscow: GBU "NIIOZMM DZM", 2024. 58 p. URL: <https://niioz.ru/moskovskaya-meditcina/izdaniya-nii/daydzhest-meditinskiy-turizm-i-eksport—meditsinskikh-uslug/> (data obrashheniya: 26.01.2025). (In Russian).
15. Provatar N.P., Kashirskaya E.I., Stepina N.A., Volynskaya E.V., Ripp S.V., Tabolina V.N. *Rabota sluzhby ohrany zdorov'ya sem'i i reprodukcii v Astrahanskoj oblasti* [The work of the family health and reproduction service in the Astrakhan region] // *Prikaspiyskiy vestnik medinii i pharmacy*. 2023. No. 4. pp. 26–33. (In Russian).
16. *Regiony v pervye raskryli nizkie pokazateli effektivnosti EKO*. [For the first time, the regions revealed low IVF performance indicators]. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Regiony-vpervye-raskryli-nizkie-pokazateli-effektivnosti-EKO.html> (data obrashheniya: 12.01.2025). (In Russian).
17. Saitova D.G. *Osobennosti primeneniya institucional'nogo podhoda k analizu pronatalistskoj politiki* [Features of the application of an institutional approach to the analysis of pronatalist politics] // *Population*, 2022. Vol. 25. № 4. pp. 126–135. (In Russian).
18. Surinov A.E., Kuzin S.S. *Blagosostoyanie i nalichie detej v molodyh sem'yah: ocenka vzaimosvyazi* [Welfare and the presence of children in young families: an assessment of the relationship] // *Economic policy*. 2023. No. 18 (6) p. 42. (In Russian).
19. *Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 N 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej»* [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 11/09/2022 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian Spiritual and Moral values"] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (data obrashheniya: 18.01.2025). (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.95.2.017

УДК 316.4.06

ББК 60.524-41

А.С. ВАТОРОПИН,
С.А. ВАТОРОПИН**РИСКИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ
В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**A.S. VATOROPIN,
S.A. VATOROPIN**RISKS OF SOCIAL EXCLUSION
IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
TECHNOLOGIES IN MODERN
ORGANIZATIONS**

В статье рассматривается воздействие технологий искусственного интеллекта, внедряемых в производственные и управленческие процессы современных организаций, на активизацию социальной эксклюзии. На основе анализа результатов отечественных и зарубежных исследований выявляются и характеризуются ключевые направления данного воздействия: фактическое вытеснение индивидов из системы трудовых отношений (замещение сотрудников, обуславливающее технологическую безработицу, и масштабирование практик дискриминации в процессе найма на основе решений искусственного интеллекта), а также создание множественных предпосылок для подобного вытеснения (негативные психологические последствия регулярного взаимодействия с новыми технологиями в ущерб социальным взаимодействиям, развитие отчуждения труда в контексте инволюции профессий и неэффективные кадровые решения).

Проводится сравнительный анализ трансформаций на российском и зарубежных рынках труда в свете внедрения искусственного интеллекта, отношения к данным трансформациям среди представителей ИИ-индустрии и общества в целом. Делается вывод об основополагающей роли государства в сокращении рисков социальной эксклюзии в условиях ожидаемой «тотальной алгоритмизации».

The article examines the impact of artificial intelligence technologies implemented in production and management processes of modern organizations on the activation of social exclusion. Based on the analysis of the results of domestic and foreign studies, the key areas of this impact are identified and characterized: the actual displacement of individuals from the labor relations system (replacement of employees, causing technological unemployment, and scaling up of discrimination practices in the hiring process based on artificial intelligence solutions), as well as the creation of multiple prerequisites for such displacement (negative psychological consequences of regular interaction with new technologies to the detriment of social interactions, the development of labor alienation in the context of the involution of professions and ineffective personnel decisions).

A comparative analysis of transformations in the Russian and foreign labor markets is carried out in light of the introduction of artificial intelligence, the attitude towards these transformations among representatives of the AI industry and society as a whole. A conclusion is made about the fundamental role of the state in reducing the risks of social exclusion in the context of the expected «total algorithmization».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, социальная эксклюзия, трудовые отношения, HR-процессы, рынок труда, технологическая безработица.

KEY WORDS: artificial intelligence, social exclusion, labor relations, HR processes, labor market, technological unemployment.

ВВЕДЕНИЕ. Технологии искусственного интеллекта (ИИ), ранее воспринимаемые исключительно как научные сенсации, уже стали неотъемлемой частью повседневной жизни общества. Возможности «имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹, наряду с чрезвычайно высокой производительностью, обусловили внедрение ИИ практически во все сферы — от государственного управления, медицины и образования до творческой деятельности и индустрии развлечений. Применение ИИ на сегодняшний день предоставляет организациям самых разных отраслей такие преимущества, как автоматизация рутинных процессов, быстрая и качественная обработка больших объемов данных, стимулирование инновационных решений (например, при использовании генеративного ИИ), оптимизация расходования ресурсов и т.д. При этом темпы и масштабы распространения данных технологий в обозримой перспективе будут только расти: с 2020 по 2030 г. объем международного рынка ИИ, как ожидается, увеличится почти в 20 раз — с 95 млрд до 1,84 трлн долларов США².

Вместе с тем в основе дальнейшего развития и распространения новых технологий должен лежать не только принцип экономической эффективности, но и анализ возможных социальных последствий. С одной стороны, внедрение ИИ в современных организациях — предпосылка для общего повышения качества трудовой жизни в контексте роста производительности, объективности управленческих решений, инклюзии социально уязвимых категорий граждан и т.д., с другой — растут риски углубления социального неравенства среди работников, масштабного распространения киберпреступности и хищения персональных данных, общего снижения конкурентоспособности человека на рынке труда [2, с. 18–22]. В качестве одного из наиболее негативных сценариев можно отметить активизацию процесса социальной эксклюзии, способной потенциально затронуть миллионы работников во всем мире. Под социальной эксклюзией в рамках данной статьи мы, вслед за М.С. Астоянц, будем понимать «постепенный процесс накопления ущерба, ведущий от полной интеграции через пограничное состояние надлома к полному отделению или изоляции от социума» [1]. При этом в зоне риска могут оказаться как отдельные индивиды, так и большие социальные группы, испытывающие недостаток материальных ресурсов, культурного и социального капитала, что обуславливает для них ослабление или разрыв социальных связей.

ЦЕЛЬ нашего исследования заключается в выявлении и анализе ключевых направлений воздействия технологий ИИ, применяемых в современных организациях, на активизацию процесса социальной эксклюзии. С учетом предполагаемого тотального распространения данных технологий в перспективе необходимо рассмотреть не только существующие, но и потенциальные риски для работников, связанные с их исключением из системы социально-трудовых отношений под влиянием ИИ.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Методической базой данной работы является вторичный анализ результатов социологических, социально-психологических, социально-экономических исследований, затрагивающих вопросы влияния ИИ на положение сотрудников на рынке труда, производственные процессы, трудовые отношения и трансформацию систем управления персоналом в современных организациях. Для выявления направлений воздействия ИИ на активизацию социальной эксклюзии проводится неформализованный анализ российских и зарубежных релевантных научных работ, опубликованных за последние 5 лет.

¹ Определение из Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»

² Прогноз опубликован на портале Statista.com. URL: <https://www.statista.com/forecasts/1474143/global-ai-market-size> (дата обращения: 09.03.2025)

При рассмотрении нынешних и потенциальных социально-трудовых практик под влиянием ИИ мы опираемся на деятельностный подход, при характеристике механизмов активизации социальной эксклюзии под влиянием ИИ — на концепции социальной эксклюзии Э. Гидденса, М. Кастельса, М.С. Астоянц и отчуждения труда К. Маркса. Для уточнения ряда специфических последствий внедрения ИИ на отечественном и зарубежных рынках труда проводится сравнительный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Проведенное исследование позволило выявить два ключевых направления воздействия технологий ИИ в организациях на активизацию процесса социальной эксклюзии. Первое направление связано с фактическим исключением индивидов из системы трудовых отношений. Как отмечает М. Кастельс, «потери стабильной связи с местом работы, слабые позиции работников при заключении контрактов приводят к более высокому уровню кризисных ситуаций в жизни их семей: временной потере работы, личным кризисам, болезням, пристрастию к наркотикам/алкоголю, потере сбережений, кредита; многие из этих кризисов связаны друг с другом, порождая спираль социального исключения, идущую вниз» [3, с. 254]. В данном контексте социальная эксклюзия может являться прямым следствием технологической безработицы в условиях активного внедрения ИИ.

Прогнозы относительно рисков технологической безработицы встречаются как негативные, так и позитивные — от полного вытеснения человека из сферы труда до создания миллионов новых рабочих мест с интересным, творческим функционалом. Например, по оценкам Всемирного банка, в течение ближайших трех лет развитие ИИ обусловит исчезновение 83 профессий и появление 69 новых. А по прогнозам Goldman Sachs, недавнее появление генеративного искусственного интеллекта создаст возможности заменить им человека при решении 18% рабочих задач, что коснется 300 миллионов сотрудников по всему миру³. В целом можно констатировать, что ИИ в обозримом будущем существенно изменит структуру и условия занятости, создаст возможности и риски, связанные с трудоустройством.

Что касается России, на сегодняшний день говорить о приближении технологической безработицы, как минимум, преждевременно: показатель безработицы находится на рекордно низком уровне (менее 3%), а на рынке труда наблюдается острый дефицит кадров. В этих условиях внедрение технологий ИИ может выполнить, скорее, компенсаторную функцию, «разгрузив» высококвалифицированных специалистов в части решения рутинных задач, а также расширив возможности автоматизации производства с учетом нехватки сотрудников рабочих специальностей. Не удивительно, что последние исследования ВЦИОМ фиксируют снижение беспокойства россиян относительно потенциальных рисков потерять работу в связи с развитием ИИ (с 45% в 2021 г. до 40% в 2024 г.) на фоне существенного увеличения внимания к другим релевантным проблемам: кибермошенничеству (с 46 до 65%), хищению собранных ИИ персональных данных (с 46 до 61%), ошибочным решениям ИИ (с 45 до 58%)⁴.

При этом далеко не все сотрудники российских организаций на текущий момент начали активно взаимодействовать с ИИ и, соответственно, имеют достаточное представление о последствиях такого взаимодействия, угрозах для их занятости. Например, по данным второго всероссийского исследования готовности бизнеса к цифровой трансформации (2024 г.), лишь 7,9% отечественных компаний применяют ИИ при обработке данных, тогда как большинство продолжают использовать ставшие традиционными системы управления базами данных (55,3%), облачные технологии (23,7%), системы бизнес-анализа (13,2%)⁵.

³ Искусственный интеллект отбирает заказы у фрилансеров / Ведомости. Идеи управления. URL: <https://www.vedomosti.ru/ideas/trends/columns/2024/10/01/1065660-iskusstvennii-intellekt-otbiraet-zakazi-u-frilanserov> (дата обращения: 09.03.2025)

⁴ Доверие к ИИ / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 09.03.2025)

⁵ Исследование: лишь 7,9% российских компаний используют ИИ для обработки данных / CNews.ru. URL: https://corp.cnews.ru/news/line/2024-06-06_issledovanie_lish_79_rossijskih (дата обращения: 09.03.2025)

Однако, представители индустрии ИИ (разработчики, бизнесмены, внедряющие данные технологии и т.д.) оценивают угрозу технологической безработицы как намного более вероятную: лишь 14% опрошенных отмечают отсутствие риска «снижения ценности труда большого количества специалистов» в обозримом будущем, а 48% — риск снижения заработной платы для половины и более специалистов своей отрасли вследствие данных технологических инноваций⁶. На наш взгляд, последовательная активизация внедрения ИИ в приоритетных отраслях российской экономики (с 31,5% в 2023 г. до 95% в 2030 г., по данным Правительства РФ⁷) существенно повысит и уровень обеспокоенности работников собственным положением на рынке труда.

Так или иначе, изменение положения на рынке труда (увольнение и/или общее снижение ценности труда представителей определенной профессии) требует соответствующей адаптации работника. Как отмечает И.Б. Третьяков, успешная адаптация в условиях внедрения ИИ возможна при наличии технических (ИТ-грамотность, навыки работы с цифровыми технологиями и т.д.), профессиональных (умения и навыки работы в команде, коммуникаций, развитый эмоциональный интеллект и т.д.) и концептуальных (критическое мышление, креативность, когнитивная гибкость и т.д.) компетенций [10, с. 71]. В противном случае «порождение спирали социального исключения, идущей вниз» (в терминах М. Кастельса) представляется весьма вероятным.

В контексте фактического исключения индивидов из системы трудовых отношений под влиянием ИИ следует отметить и кадровые решения в сфере найма сотрудников, принимаемые новыми HR-системами в автоматическом режиме. Существенно сокращая временные и финансовые затраты на скрининг резюме, приглашения на собеседования и видеоподключения, реализацию технологий оценки кандидатов, ИИ не устраняет фундаментальную ошибку предвзятости при подборе сотрудников. Обучение на основе данных, содержащих прошлые дискриминационные практики в отношении индивидов с отдельными социальными признаками, отсутствие прозрачности в процессе принятия решений и, разумеется, скорость работы, многократно превышающая человеческую, — это предпосылки не только для воспроизводства, но и существенного масштабирования предубеждений в процессе найма.

Среди наиболее резонансных примеров подобной предвзятости в зарубежных организациях можно отметить дискриминацию женщин при рекрутинге в Amazon (2018 г.). Как свидетельствуют более поздние исследования Национального бюро экономических исследований США, агентства Bloomberg, ученых ряда американских университетов, основаниями для отказа ИИ в дальнейшем рассмотрении кандидатов на вакансии могут являться пол, возраст, происхождение и даже имя человека. Актуальность указанных проблем подчеркивают и данные социологических опросов: использование технологий ИИ для принятия окончательных решений о найме сотрудников поддерживают лишь 7% американских респондентов, против — 71%⁸.

Что касается России, масштабирование предвзятости при найме сотрудников на основе решений ИИ, скорее, представляется как потенциальная угроза. Так, по данным исследования МТС Линк и hh.ru в 2024 г., только 5% отечественных компаний на сегодняшний день используют ИИ в процессе подбора и адаптации сотрудников. Вместе с тем, почти половина опрошенных представителей бизнеса (46%) планирует внедрять данные системы в будущем,

⁶ Труд создал человека, а человек создал ИИ... Что дальше? / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-sozdal-cheloveka-a-chelovek-sozdal-ii-chto-dalshe> (дата обращения: 09.03.2025)

⁷ Минэкономразвития: Россия вошла в топ 10 стран по внедрению ИИ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossiya_voshla_v_top_10_stran_po_vnedreniyu_ii.html (дата обращения: 09.03.2025)

⁸ Исследование опубликовано на официальном сайте «Национальная стратегия ИИ в России». URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2023_iskusstvennyy_intellekt_pri_nayme_i_ocenke_rabotnikov_chto_dumayut_amerikancy_ai_in_hiring_and_evaluating_workers_what_americans_think_pew_research_center/ (дата обращения: 09.03.2025)

при этом преимущественно опираясь на зарубежные технологические решения⁹. Социальные последствия подобной модернизации уже обозначаются рядом отечественных исследователей: «ИИ, обучающийся на данных, которые содержат в себе неравенство и стигматизацию, укрепляет их институциональный статус и усиливает эксклюзию» [9, с. 26].

Второе направление воздействия технологий ИИ, используемых организациями, на активизацию процесса социальной эксклюзии связано не с прямым вытеснением индивидов из системы трудовых отношений (технологическая безработица или практики дискриминации в процессе найма), но с созданием предпосылок для социально-трудового исключения (косвенное воздействие). В первую очередь, в качестве подобной предпосылки следует выделить последствия непосредственного регулярного взаимодействия с ИИ в рамках профессиональной деятельности. Гибридизация труда (т.е. «совмещение в рамках ИИ-зируемых специальностей биологической и цифровой формы труда, человека и ИИ в роли помощника, второго пилота»), которая зачастую рассматривается как позитивная альтернатива технологической безработице¹⁰, создает новые риски. В соответствии с результатами масштабного исследования, проведенного международной группой ученых американских, сингапурских, британского и тайваньского университетов в 2023 г.,¹¹ учащающееся взаимодействие с ИИ на работе в ущерб социальным взаимодействиям обуславливает развитие чувства одиночества сотрудников. Это приводит к различным формам адаптивного (стремление к аффилиации вследствие «единообразного», «безэмоционального» общения с ИИ и неудовлетворенных потребностей в «привычном персонализированном общении» с коллегами) и дезадаптивного (росте употребления алкоголя, бессоннице и т.д.) поведения. Наибольшее влияние взаимодействие с ИИ оказывает на людей с тревожным типом эмоциональной привязанности (по оценкам социальных психологов, примерно 20% людей принадлежат к этому типу), склонных, с одной стороны, к более сильным субъективным переживаниям в связи с утратой социальных связей, а с другой — нуждающихся в постоянном внешнем подкреплении собственной социальной значимости.

В контексте социальной эксклюзии подобные последствия регулярного взаимодействия с ИИ могут обусловить как исключение индивидов из системы трудовых отношений (например, увольнение в связи с неудовлетворительными результатами работы вследствие бессонницы), так и маргинализацию определенной доли работников (например, вследствие злоупотребления алкоголем). С другой стороны, высокая потребность в аффилиации может обусловить и формирование новых социальных общностей, нетерпимых к внедрению ИИ, которые в условиях технократического доминирования окажутся на периферии социального пространства. Отметим, что результаты приведенного исследования получены на основе применения различных исследовательских методов (опросы, наблюдения, эксперименты), а в качестве объекта исследования выступали представители восточной и западной культур (Индонезии, Малайзии, США), разных профессий и отраслей, работающие с разными типами систем ИИ (в сферах недвижимости, медицины, предоставления технологических услуг, торговли и т.д.). В связи с этим, целесообразно учитывать указанные риски и при дальнейшем развитии ИИ в России.

Следующей значимой предпосылкой для социальной эксклюзии является отчуждение труда в условиях внедрения ИИ в производственные процессы. Разумеется, феномен отчуждения труда не является новым продуктом современного научно-технического прогресса (еще К. Маркс рассматривал его как простое средство для поддержания физического

⁹ Исследование МТС Линк и hh.ru: только 5% российских компаний используют ИИ в процессе найма сотрудников / МТС Линк. URL: <https://mts-link.ru/blog/issledovanie-mts-link-hh-ru/> (дата обращения: 09.03.2025)

¹⁰ Искусственный интеллект в HR. Кейсы российского рынка. Совместное исследование «Технологий Доверия» и Knomary. URL: <https://data.tedo.ru/publications/ai-in-hr.pdf> (дата обращения: 09.03.2025)

¹¹ Исследование опубликовано на официальном сайте Американской психологической ассоциации URL: <https://www.apa.org/pubs/journals/releases/apl-apl0001103.pdf> (дата обращения: 09.03.2025)

существования человека вопреки самодеятельности, свободной деятельности, когда «сама жизнь оказывается лишь средством к жизни» [6]; Э. Мандель, анализируя идеи К. Маркса, отмечал: «Труд, который приносит человеку радость и удовлетворение, исчезает, уступая место механическому, принудительному труду, направленному исключительно на получение прибыли для работодателя» [5]), однако в условиях активного развития ИИ он приобретает определенную специфику.

Как отмечают российские специалисты в сфере разработки и практического применения ИИ (исследование ВЦИОМ 2024 г.), в течение 7–10 лет «на производстве не останется ни одной профессии, которую ИИ-зация обойдет стороной»¹². В связи с этим вполне реальной представляется угроза инволюции профессий, когда людям в них будет оставаться все меньше и меньше места. 44% опрошенных экспертов утверждают, что риски перехода на менее квалифицированную работу в связи с внедрением ИИ касаются половины или более занятых в их отраслях. При подобном сценарии положение сотрудников с низким ресурсом влияния на собственную профессиональную деятельность и управленческие решения работодателя (по сути, состояние отчужденности в противовес участию, вовлеченности, надролевому поведению) может лишь ухудшиться. Поскольку, согласно исследованиям, прослеживается корреляция между объемами ресурсов влияния и социально-демографическими характеристиками сотрудников (например, более низкие показатели фиксируются у представителей старшего поколения, граждан с низким образовательным уровнем, жителей небольших населенных пунктов и т.д.), усиливаются риски социального расслоения и активизации эксклюзии и без того уязвимых социальных групп [8].

Интересно отметить, что даже сама отрасль, связанная с разработкой и функционированием систем ИИ, традиционно ассоциирующаяся с творческой деятельностью, высоким уровнем вовлеченности сотрудников в производственный процесс, их ощущением значимости результатов и достойными условиями труда (в т.ч. высокой зарплатой), нередко сталкивается с проблемой отчуждения. Многочисленные зарубежные исследования свидетельствуют о том, что «эксплуатационные формы труда существуют на всех этапах создания ИИ от добычи и транспортировки ресурсов для создания инфраструктуры до программной части, где распределенные рабочие силы получают копейки за микрозадачу» [4, с. 62]. Так, М. Грэй, С. Сури, Л. Ирани рассматривают опыт «краудворкеров», выполняющих элементарные задачи маркировки тысяч данных для обучения ИИ, а также проверки вредоносного и подозрительного контента [12; 13]. Э. Хуэт пишет об имитации автономного функционирования систем ИИ на примере Facebook¹³ и X.AI, работа цифровых помощников которых обеспечивалась командами сотрудников, проверяющих и редактирующих сообщения пользователей¹⁴. Как отмечают С. Робертс и Т. Гиллеспи, «краудворкеры», предлагающие свои услуги на популярных платформах Amazon Mechanical Turk, Figure Eight и т.д., «получают ниже минимальной зарплаты, даже несмотря на то, что большинство из них являются высокообразованными»; аналогичная ситуация наблюдается и в сфере модерации контента, при этом регулярная оценка видеоматериалов на предмет нецензурной лексики, насилия и т.д. «способна оставить после себя длительные психологические травмы» [14]. В соответствии с докладом Всемирного экономического форума «Будущее рабочих мест», опубликованным в январе 2025 г., к 2030 г. будет создано около 170 миллионов новых рабочих мест, большинство из которых будут связаны с анализом данных и разработкой ИИ¹⁵, однако,

¹² Искусственный интеллект в России: возможности и угрозы / ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2024/iskusstvennyj_intellekt_v_rossii_ugrozy_i_vozmozhnosti.pdf (дата обращения: 09.03.2025)

¹³ Организация запрещена на территории РФ

¹⁴ Huet E. Humans hiding behind the chatbots / Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-04-18/the-humans-hiding-behind-the-chatbots> (дата обращения: 09.03.2025)

¹⁵ Future of Jobs Report 2025 / World Economic Forum. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf (дата обращения: 09.03.2025)

о какой именно профессиональной деятельности идет речь — творческой, вовлекающей, высоко оплачиваемой или рутинной, не требующей особых навыков и с зарплатой ниже среднего уровня на рынке — остается не ясным.

В целом «механический» характер труда при отсутствии возможности реализации творческого потенциала человека, как правило, снижает мотивацию к профессиональной деятельности и желание участвовать в общественной жизни. С другой стороны, трудовая деятельность, традиционно являющаяся важнейшим источником социального статуса и признания человека, в условиях ее бессмысленности и низкой социальной оценки обуславливает вытеснение соответствующих индивидов на периферию социального пространства. Так или иначе, это приводит к активизации «механизма, отделяющего группы людей от главного социального потока» (суть социальной эксклюзии, в трактовке Э. Гидденса [11, с. 104–105]).

Наконец, важной предпосылкой для социальной эксклюзии являются значительные трансформации в системах управления персоналом организаций, основанные на использовании технологий ИИ. Релевантные управленческие функции далеко не исчерпываются рассмотренным ранее наймом сотрудников. ИИ уже сегодня применяется для адаптации, контроля, обучения, развития, оценки, мотивации персонала, в рамках управления эффективностью, трудовой нагрузкой, системой обратной связи и т.д. [7] Охватывая практически все значимые HR-процессы в организации, подобная «тотальная алгоритмизация» в перспективе может обусловить вытеснение из активной трудовой жизни сопротивляющихся всестороннему контролю за профессиональной деятельностью, недовольных цифровыми метриками оценки выполнения творческих задач, представителей отдельных культур в случае, если системы ИИ в организациях ориентированы на отличающиеся культурные ценности и нормы, и многих других. Потенциально под угрозой исключения из системы трудовых отношений и, как следствие, социальной эксклюзии может оказаться любой «нестандартно» мыслящий и действующий сотрудник.

ВЫВОДЫ. Таким образом, можно констатировать, что внедрение технологий ИИ в организациях может не просто трансформировать или активизировать процессы социального исключения, но и обусловить «мультипликативный эксклюзивный эффект», при котором количество индивидов, лишенных доступа к полноценной трудовой деятельности и всем сопутствующим возможностям, будет расти в геометрической прогрессии. Разработчики и компании, внедряющие ИИ в собственные производственные и управленческие процессы, ориентированные, в первую очередь, на повышение производительности и максимизацию прибыли, будут продолжать играть роль основной движущей силы дальнейших инноваций. В этих условиях единственным субъектом, обладающим необходимыми ресурсами и не имеющим возможности не учитывать масштабные социальные последствия «ИИ-зации», является государство. Основными направлениями государственной политики в данной сфере должны стать совершенствование законодательства, создание регуляторной среды (стандарты сертификации для технологий ИИ), актуализация программ содействия занятости, целевая поддержка социально уязвимых групп, просвещение населения. При реализации указанных направлений следует учитывать множество рисков социальной эксклюзии:

- 1) технологическую безработицу в контексте социально-трудовой дезадаптации трудоспособного населения;
- 2) воспроизводство и масштабирование дискриминационных практик при трудоустройстве;
- 3) негативные психологические последствия интенсивного взаимодействия с ИИ в ущерб социальным взаимодействиям в рамках производственных процессов;
- 4) активизацию отчуждения труда в контексте инволюции профессий;
- 5) неэффективные и ошибочные кадровые решения в условиях «тотальной алгоритмизации» HR-процессов.

В целом высказывание А.А. Вознесенского «Все прогрессы — реакционны, если рушится человек» должно стать руководящим принципом дальнейшей разработки и внедрения технологий ИИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астоянц М.С. Бедность и социальное исключение: к вопросу о соотношении понятий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11-2. С. 302-305.
2. Банных Г.А., Костина С.Н., Сиволов Д.Л., Чевтаева Н.Г. Цифровизация публичного управления территорий: теория и практика. Монография. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. 177 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. 606 с.
4. Кроуфорд К. Атлас искусственного интеллекта: руководство для будущего. М.: Изд-во АСТ, 2023. 320 с.
5. Мандель Э. Марксистская экономическая теория. М.: Научная книга, 2001. 463 с.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2022. 220 с.
7. Овчинникова О.П., Лебедева Д.В. Искусственный интеллект в управлении персоналом: возможности и угрозы // Вопросы управления. 2024. № 4 (89). С. 55-66.
8. Смолева Е.О. Отчуждение труда и социальная эксклюзия работников современных предприятий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 5. С. 220-241.
9. Тertyshnikova A.G. Социальное исключение как побочный эффект механизмов нейрообучения // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 23-30.
10. Третьяков И.Б. Адаптация сотрудников к внедрению ИИ на предприятиях // Universum: технические науки. 2024. № 11-1 (128). С. 70-73.
11. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. 1998. 176 p.
12. Gray M., Suri S. Ghost work: how to stop Silicon Valley from building new global underclass. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2019. 254 p.
13. Irani L. The hidden faces of automation // XRDS: Crossroads, The ACM Magazine for Students. 2016. Vol. 23(2). Pp. 34-37.
14. Roberts S. Behind the screen: content moderation in the shadows of social media. New Haven: Yale University Press, 2019. 288 p.

REFERENCES

1. Astoyants M.S. *Bednost' i social'noe isklyuchenie: k voprosu o sootnoshenii ponyatij* [Poverty and social exclusion: on the relationship between concepts] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2013. № 11-2. S. 302-305. (In Russian).
2. Bannykh G.A., Kostina S.N., Sivovolov D.L., Chevtayeva N.G. *Cifrovizatsiya publichnogo upravleniya territorij: teoriya i praktika* [Digitalization of public administration of territories: theory and practice]. Monografiya. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2022. 177 s. (In Russian).
3. Castells M. *Informacionnaya epoha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age. Economy, society and culture]. M., 2000. 606 s. (In Russian).
4. Crawford K. *Atlas iskusstvennogo intellekta: rukovodstvo dlya budushchego* [Atlas of artificial intelligence: a guide for the future]. M.: Izd-vo AST, 2023. 320 s. (In Russian).
5. Mandel E. *Marksistskaya ekonomicheskaya teoriya* [Marxist economic theory]. M.: Nauchnaya kniga, 2001. 463 s. (In Russian).
6. Marx K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. M.: URSS: LENAND, 2022. 220 s. (In Russian).
7. Ovchinnikova O.P., Lebedeva D.V. *Iskusstvennyj intellekt v upravlenii personalom: vozmozhnosti i ugrozy* [Artificial Intelligence in HR Management: Opportunities and Threats] // Voprosy upravleniya. 2024. № 4 (89). S. 55-66. (In Russian).
8. Smoleva E.O. *Otchuzhdenie truda i social'naya eksklyuziya rabotnikov sovremennykh predpriyatij* [Alienation of labor and social exclusion of employees of modern enterprises] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2018. T. 21, № 5. S. 220-241. (In Russian).
9. Tertyshnikova A.G. *Social'noe isklyuchenie kak pobochnyj effekt mekhanizmov nejroobucheniya* [Social exclusion as a side effect of neurolearning mechanisms] // Cifrovaya sociologiya. 2022. T. 5, № 4. S. 23-30. (In Russian).

10. Tretyakov I.B. *Adaptaciya sotrudnikov k vnedreniyu II na predpriyatiyah* [Adaptation of employees to the introduction of AI at enterprises] // *Universum: tekhnicheskie nauki*. 2024. № 11-1 (128). S. 70-73. (In Russian)
11. Giddens A. *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. 1998. 176 p. (In English).
12. Gray M., Suri S. *Ghost work: how to stop Silicon Valley from building new global underclass*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2019. 254 p. (In English).
13. Irani L. *The hidden faces of automation* // *XRDS: Crossroads, The ACM Magazine for Students*. 2016. Vol. 23(2). pp. 34-37. (In English).
14. Roberts S. *Behind the screen: content moderation in the shadows of social media*. New Haven: Yale University Press, 2019. 288 p. (In English).

Сведения об авторах Information About The Authors

Богдан Дарья Ивановна — начальник отдела мониторинга качества обучения, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Bogdan Daria Ivanovna — Head of the Department for Monitoring the Quality of Education, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: DFilippova@SURGPU.RU

Ванаева Эльнара Ильфатовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом и социологии Уральского института управления — филиала РАНХиГС.

Vanaeva Elnara Ilfatovna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Sociology at the Ural Institute of Management, a branch of the RANEPa.

E-mail: Vanaeva-ei@ranepa.ru

Васильева Лариса Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

Vasilyeva Larisa Vladimirovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Technologies of Tyumen Industrial University.

E-mail: vlv4696@bk.ru

Ваторопин Александр Сергеевич — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Vatoropin Aleksandr Sergeevich — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: vatoropin-as@ranepa.ru

Ваторопин Сергей Александрович — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Vatoropin Sergey Aleksandrovich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: vatoropin-sa@ranepa.ru

Власова Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономического образования и философии, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Vlasova Olga Vladimirovna — Candidate of Sociology Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Economic Education and Philosophy, Vice-Rector for Research, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: OVlasova@surgpu.ru

Гаврилов Виктор Викторович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования и журналистики, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gavrilov Victor Victorovich — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: victorg12@mail.ru

Девятаева Татьяна Владимировна — начальник отдела управления персоналом, аспирант, СурГПУ.

Devyataeva Tatiana Vladimirovna — Head of the HR Department, postgraduate student, SurGPU.

E-mail: TDevyataeva@surgpu.ru

Дуран Татьяна Валентиновна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом и социология», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный университет путей сообщения»

Duran Tatyana Valentinovna — Candidate of Sociology, Docent, Docent of the Department «Personnel Management and Sociology», Ural State University of Railway Transport

E-mail: tatyanaaduran1978@gmail.com

Григоренко Ярослав Александрович — магистрант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; ведущий специалист-эксперт отделения комплектования должностей государственной гражданской службы отдела кадров управления по работе с личным составом ГУ МВД России по Свердловской области

Grigorenko Yaroslav Aleksandrovich — Master's Student at the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration at the School of Public Administration and Entrepreneurship at the Institute of Economics and Management of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; a leading expert at the Recruitment Department of the State Civil Service of the Personnel Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Sverdlovsk Region

E-mail: yaroslav-grigorenko@bk.ru

Ермилова Анна Вячеславовна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы ФСН Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Ermilova Anna Vyacheslavovna — Candidate of Sociology Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of General Sociology and Social Work at FSN of the N.I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod.

E-mail: ermilova.75@bk.ru

Забокрицкая Любовь Дмитриевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления ИнЭУ, доцент кафедры информационных систем и технологий ИнФО, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Zabokritskaya Lyubov Dmitrievna — Candidate of Sociology Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public Administration, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Associate Professor of the Department of Information Systems and Technologies InFO, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

E-mail: Zabokritskaya@urfu.ru

Зейналов Гусейн Гардаш оглы — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры права и философии, факультет истории и права, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева».

Zeynalov Huseyn Gardash oglu — Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Professor, Department of Law and Philosophy, Faculty of History and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evsevieva.

E-mail: zggo@mail.ru

Зуйкова Оксана Николаевна — студент 4 курса факультета истории и права ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева».

Zuikova Oksana Nikolaevna — 4th year Student at the Faculty of History and Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evsevieva.

E-mail: zyikova918@gmail.com

Исакова Ксения Леонидовна — аспирант 2 курса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Isakova Kseniya Leonidovna — 2nd year Postgraduate Student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

E-mail: ksenya_isakova@bk.ru

Костина Наталия Борисовна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Kostina Natalia Borisovna — Doctor of Sociology Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Technology of State and Municipal Administration of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

E-mail: El.garaeva@bk.ru

Косыгина Анна Сергеевна — студент 4 курса факультета истории и права, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева».

Kosygina Anna Sergeevna — 4th year Student at the Faculty of History and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evsevieva.

E-mail: an481616@gmail.com

Крутько Инна Сергеевна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры Организация работы с молодежью, ИФКСИМП, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Krutko Inna Sergeevna — Doctor of Psychology Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Work with Youth, Institute of Physical Culture and Youth Policy, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

E-mail: I.S. Krutko@urfu.ru

Марченков Евгений Сергеевич — соискатель кафедры управления персоналом и социологии Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Marchenkov Evgeny Sergeevich — Candidate of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: snab_eects@mail.ru

Миценко Евгений Викторович — ассистент кафедры информационных систем и технологий ИНФО, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Mitsenko Evgeny Viktorovich — Assistant at the Department of Information Systems and Technologies of the Institute of Fundamental Education, Ural Federal University.

E-mail: evgeny.mitsenko@urfu.ru

Павлюченко Денис Сергеевич — аспирант кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет (ИвГУ).

Pavlyuchenko Denis Sergeevich — Postgraduate Student of the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University (IvSU).

E-mail: isitcool@yandex.ru

Рыхтик Анастасия Игоревна — аспирант кафедры общей социологии и социальной работы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», заместитель руководителя центра профориентации и маркетинга в образовательной деятельности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет».

Rykhtik Anastasia Igorevna — Postgraduate Student of the Department of General Sociology and Social Work of Lobachevsky State University, Vice-Head of the Center for Career Guidance and Marketing in Educational Activities of Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering.

E-mail: s.w.anastasia.95@gmail.com

Симбирцева Наталья Алексеевна — доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии, социологии и культурологии, ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет».

Simbirtseva Natalia Alekseevna — Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University.

E-mail: simbirtseva.nat@yandex.ru

Ткачук Наталья Витальевна — научный сотрудник отдела этносоциологии, БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок».

Tkachuk Natalia Vitalievna — Researcher at the Department of Ethnosociology, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development.

E-mail: Naksik1@yandex.ru

Толстоухова Ирина Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

Tolstoukhova Irina Vasilevna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Technologies of Tyumen Industrial University.

E-mail: i_tolstouhova@inbox.ru

Хлебников Николай Александрович — кандидат химических наук, заведующий кафедрой информационных систем и технологий, Директор института фундаментального образования, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Khlebnikov Nikolai Aleksandrovich — Candidate of Chemical Sciences, Head of the Department of Information Systems and Technologies, Director of the Institute of Fundamental Education, Ural Federal University.

E-mail: NA.Khlebnikov@urfu.ru

Чевтаева Наталия Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом и социологии Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Chevtaeva Natalia Gennadievna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Chair of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: chevtaeva-ng@ranepa.ru

Шалагина Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет».

Shalagina Elena Vladimirovna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University.

E-mail: elshal96@gmail.com

Правила представления рукописи авторами

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

1 Общие положения

- 1.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, не опубликованные ранее в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Для подтверждения этого требования мы рекомендуем заполнить автору статьи бланк соответствующего обязательства (см. Приложение).
- 1.2 Журнал публикует материалы в соответствии с актуальными рубриками:
  - в области педагогических наук: теория и методика профессионального образования;
  - в области исторических наук: отечественная история;
  - в области социологических наук: социальная структура, социальные институты и процессы.
- 1.3 Периодичность издания: выходит 6 раз в год и распространяется на территории Российской Федерации.
- 1.4 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» в процессе рассмотрения публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным сообществом (Committee of Publication Ethics), также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.
- 1.5 Передача автором материалов в издание рассматривается как добровольная, безвозмездная и бессрочная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета».

2 Приём научных статей для публикации

- 2.1 Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличии всех сопроводительных документов (сведения об авторах, авторское обязательство, отзыв научного руководителя для аспирантов).
- 2.2 Основаниями для включения статьи в журнал являются:
  - выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
  - оригинальность представленных материалов: она должна составлять не менее 75% (редакция проводит проверку статей с помощью сервиса «Антиплагиат»);
  - положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.
- 2.3 К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей о целесообразности опубликования статьи.
- 2.4 Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.
- 2.5 В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала — до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.

- 2.6 Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьёзных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

3 Рецензирование научных статей, поступивших в редакцию

- 3.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки.
Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи.
Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но составляют не более 30 дней. Рецензирование является слепым.
- 3.2 Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа опубликовать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
- 3.3 Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора.
- 3.4 С 1 июня 2016 года авторам опубликованных материалов бесплатно предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант можно получить, оформив полугодовую подписку.
- 3.5 Каждой опубликованной статье присваивается дискретный идентификатор объекта DOI (стандарт обозначения представленной в сети информации об объекте).

4 Требования к материалам и рукописям

- 4.1 Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/авторах, отзыв-рекомендация научного руководителя и т.п.) отдельными файлами направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: vestnik@surgpu.ru. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».
- 4.2 В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:
- фамилия, имя, отчество (полностью);
  - учёная степень (полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований);
  - учёное звание;
  - должность и место работы (без сокращений; название организации должно совпадать с названием в Уставе организации);
  - адрес с почтовым индексом;
  - контактные данные: телефоны (рабочий, домашний, сотовый), адрес электронной почты.

Образец:

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gololobov Evgeny Ilyich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Vice-rector on scientific work, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: pr_science@surgpu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ СТАТЬИ**Электронная копия**

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (например: Иванов_doc.).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman, размер — 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ — 1 см. Междустрочный интервал — полуторный.

Выравнивание по ширине. Все поля — 2 см. Без уплотнения и ручных переносов.

Оформление статьи

Структура текста:

- индексы УДК и ББК с выравниванием по левому краю;
- информация об авторе/ авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по левому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
- название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
- аннотация статьи (объем — от 500 до 1800 знаков с пробелами) размещается после названия статьи на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется) с обязательными компонентами: «Введение», «Цель», «Материал и методы» и «Результаты и научная новизна»;
- ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова» (указывается до 8 слов на русском и английском языках);
- основной текст статьи должен включать в себя следующие разделы: Введение; Цель; Материалы и методы; Результаты и обсуждение результатов; Выводы. В статье необходимо обозначить актуальность и новизну исследования. Объем статьи — 15–40 тыс. знаков;
- литература должна быть представлена на русском языке с переводом на английский язык (требования к списку литературы указаны ниже).

Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т.д.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Цитаты

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде постраничных сносок. Вводимые в статью сокращения (кроме общеизвестных), аббревиатуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т.д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, например: ...о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, например: [3, с. 29–28; 5, 12].

Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, например: «...однозначно принято решение о реализации компетентного подхода в вузе» [7, с. 21]. В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой — номер страницы, с которой взята цитата.

Требования к списку литературы

Список литературы (входит в общий объём статьи) должен обозначаться словом «Литература», размещаться в конце статьи.

Количественные требования: не менее 7 и не более 15 для статьи, для обзора — не более 30.

Качественные требования: желательно упоминать работы не только отечественных исследователей, но и зарубежных; не включать в список литературы учебные пособия, если это не оправдано целями исследования, научных трудов, которые не имеют отношения к теме исследования, степень давности литературных источников не должна превышать 10 лет, кроме случаев отсутствия аналогичных источников за данный период, к таким, в частности, относятся классические работы без переизданий.

Этические требования: допускается самоцитирование автора не более 30% всех источников из списка литературы, обязательна новизна исследования, если оно опирается на ранее изданные самим автором работы.

Образец:

Литература

1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.
2. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с.
3. Аристотель. Афинская полиция. Государственное устройство афинян / пер., примеч. и послесл. С.И. Радцига. 3-е изд., испр. М.: Флинта: МСПИ, 2007. 233 с.
4. Бессарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики: [Сб. ст.] / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 21-34.
5. Королькова А.В. Афористика И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2 (83). С. 113-116.
6. Патенко Г.Р. Русская антропонимия романического пространства Д.И. Стахеева: Автореф. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2007. 22 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
8. Токтагазин М.Б. Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности. URL: [http:// science-education. ru/ru/article/view?id=19766](http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766) (дата обращения: 11.08.2020).

References

1. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie [A.A. Fet and his literary environment]: v 2 kn. Kn. 1 / otv. red. T.G. Dinesman. M.: IMLI RAN, 2008. 990 s. (In Russian).
2. Avdeeva O.A. Sredstva vy'razheniya koncepta «vozrast» v anglijskom yazy'ke [Means of Expressing the Concept «Age» In English]: Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007. 220 s. (In Russian).
3. Aristotel'. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan [Athenian polity. State structure of the Athenians] / per., primech. i poslesl. S.I. Radciga. 3-e izd., ispr. M.: Flinta: MSPI, 2007. 233 s. (In Russian).

4. Bessarabova N.D. Metafora i obraznost' gazetno-publicisticheskoy rechi [Metaphor and imagery of newspaper and publicistic speech] // Poe'tika publicistiki: [Sb. st.] / Pod red. G.Ya. Solganika. M.: Izd-vo MGU, 1990. S. 21–34. (In Russian).
5. Korol'kova A.V. Aforistika I.S. Turgeneva [The aphoristics of I.S. Turgenev] // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2019. № 2 (83). S. 113–116. (In Russian).
6. Patenko G.R. Russkaya antroponimiya romanicheskogo prostranstva D.I. Staxeeva [Russian anthroponymy of the romantic space of D.I. Stakheeva]: Avtoref. ... kand. filol. nauk. Elabuga, 2007. 22 s. (In Russian).
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivny`j analiz yazy'ka [Semanticcognitive analysis of language]. Monografiya. Voronezh: Istoki, 2007. 250 s. (In Russian).
8. Toktagazin M.B. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkoj e'pistol'noy publicistiki v istoricheskoy retrospektive i sovremennosti [Genre and stylistic features of Russian epistolary journalism in historical retrospective and the present]. URL: [http:// science-education.ru/ru/article/view?id=19766](http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766) (data obrashheniya: 11.08.2020). (In Russian).

Таблицы. Рисунки. Иллюстрации. Диаграммы

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля — 10 пт, междустрочный интервал — одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как таблицы, так и рисунки следует пронумеровать, если их несколько.

В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, например: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье должны быть чёткими, графики и диаграммы должны быть подписаны, каждая ось координат должна иметь название или единицы измерения.

5 Опубликование статей

- 5.1 После принятия Редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации ответственный за выпуск журнала информирует об этом автора и указывает сроки публикации.
- 5.2 Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.
- 5.3 Публикация осуществляется бесплатно.
- 5.4 С «Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления литературы, сведений об авторе, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета»: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

ГАВРИЛОВ Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор

АМБАРОВА Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент

БОЗИЕВ Руслан Сахитович, доктор педагогических наук, профессор

ВАТОРОПИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор

ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)

ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор (США)

ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор

ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор

ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

КОРЫЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)

ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО

ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор

ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент

МИЩЕНКО Владимир Александрович, доктор педагогических наук, доцент

СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор

СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор

СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)

СТЕПАНОВА Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор

ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор

ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:

KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Prezident of the Surgut State Pedagogical University

The Editor-in-Chief:

GAVRILOV Victor Viktorovich, Ph.D., Pedagogical Sciences

The Editorial Staff:

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor

AMBAROVA Polina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Associate Professor

BOZIEV Ruslan Sakhitovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

VATOROPIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

GOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Professor

DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)

DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)

DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor

DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor

ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor

ZBOROVSKIY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic),

LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy

LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor

MILEVSKIY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

MISHCHENKO Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor

SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor

SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)

STEPANOVA Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor

SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor